

БОГИ СТОЯЛИ В СТОРОНЕ - РАССКАЗ БРИТАНСКОГО ОФИЦЕРА-ТАНКИСТА О ПРОВАЛЬНОЙ ГРЕЧЕСКОЙ КАМПАНИИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Роберт Джеймс Крисп (Robert James Crisp) родился в Калькутте в 1911 году. В 1931-1932 годах он несколько раз принял участие в соревнованиях по крикету, играя за Родезию, после чего в 1931-1932 годах выступал за команду Западной Провинции Южной Африки. В 1935 году он в составе сборной Южной Африки участвовал в туре по Англии, в 1936-1937 годах – в турах по Цейлону и Малайе. В 1938 году он вернулся в Великобританию.

В годы ВМВ он служил в 3-м Королевском Танковом Полку. В боях он был несколько раз ранен, в том числе, тяжело, был награжден Военным Крестом, Орденом за Отличие в Службе и был четырежды упомянут в донесениях. Кроме того, во время военной службы он приобрел известность своими любовными похождениями и нарушениями дисциплины, связанными с этим.

После войны Крисп много путешествовал и стал известным журналистом. Он написал две книги воспоминаний о войне. В 1970 году у него было диагностировано онкологическое заболевание, после чего он за один год пешком обошел остров Крит, посылая репортажи в газету Sunday Express. Он был известен как противник

апартеида в ЮАР, продвигая концепцию трансформации страны в федерацию полуавтономных государств для черных и белых, утверждая, что ничто другое не является достижимым. Он испытал потрясение, когда расовая сегрегация в ЮАР рухнула, и дождался возвращения сборной этой страны по крикету на международную спортивную арену. Он умер в 1994 году.

ПРОЛОГ

Выдержка из дневника Гитлера - 17 февраля 1945 года

Вступление Италии в войну сразу же принесло нашим врагам первые победы — обстоятельство, позволившее Черчиллю вновь вселить мужество в сердца своих соотечественников и вдохнувшее надежду в англофилов по всему миру. Даже проявив полную неспособность удержать свои позиции в [Абиссинии](#) и [Киренаике](#), итальянцы осмелились, не посоветовавшись с нами и даже не предупредив нас заранее о своих намерениях, ввязаться в совершенно бессмысленную [кампанию против Греции](#).

Позорные поражения, которые они там потерпели, заставили некоторые балканские государства смотреть на нас с пренебрежением и презрением. Именно здесь, и нигде более, следует искать причины того, почему Югославия весной 1941 года резко ужесточила свою позицию и совершила [столь неожиданный политический поворот](#).

Это вынудило нас, вопреки всем нашим планам, [вмешаться в события на Балканах](#), а это, в свою очередь, привело к катастрофической задержке начала нашего наступления на Россию. Мы были вынуждены использовать там некоторые из наших лучших дивизий. В результате нам пришлось оккупировать огромные территории, где, если бы не эта бессмысленная демонстрация силы, присутствие наших войск было бы совершенно излишним.

Балканские государства были бы более чем довольны сохранить доброжелательный нейтралитет, если бы им позволили это сделать.

Что касается наших парашютистов, то я предпочёл бы бросить их на Гибралтар, а не на Коринф или [Крит](#)!

Глава 1

Листок бумаги, приколотый к доске объявлений при канцелярии батальона, был датирован 15 января 1941 года. Он трепетал под порывами холодного северного ветра, дувшего с Средиземного моря, который раздувал полотнища палаток и заставлял колыхаться огромный палаточный городок Амария, выросший на пустынной окраине Александрии благодаря войне.

За неделю или две до этого сюда, в этот своеобразный город из парусины, перебазировался 3-й Батальон Королевского Танкового Полка (КТП) после долгого морского перехода из Англии вокруг мыса Доброй Надежды — перехода, во время которого приходилось постоянно уклоняться от подводных лодок и авиации противника. Их танки — внушительные на вид, но уже устаревшие крейсерские машины, известные под своими индексами A9, A10 и A13, — находились в огромных ремонтных мастерских базы в Александрии. Там им меняли маскировочную окраску: привычный зелёно-коричневый цвет английских полей уступал место экзотическому сочетанию красного и жёлтого, предназначенному для войны в пустыне. Для экипажей это было столь же красноречивым сигналом, как газетный заголовок огромными буквами: танки готовили к отправке в Судан.

Печатное объявление, висевшее у штаба батальона, было продублировано и в канцелярии Эскадрона С. Именно там я впервые его прочитал: «Лейтенант Крисп поступает в распоряжение разведывательной группы 1-й бронетанковой бригады, направляющейся в Западную пустыню. Выступление — 16 января в 07.00. Явиться

сегодня в 14.30 в канцелярию батальона (Battalion Orderly Room) для получения приказов».

Именно поэтому наши танки перестали красить в красно-жёлтые цвета, а пять дней спустя я уже стоял среди зарослей кустарника на песках Киренаики, на юго-западном участке осаждённого Тобрука. На протяжении четырёх дней мы следовали по следам наступавшей армии генерала [Уэйвелла](#), которая стремительно продвигалась через ливийскую границу, сокрушила сопротивление Бардии и теперь, в тот самый момент, когда я стоял там, уже глубоко вклинилась в оборону Тобрука. Более 25 000 итальянских солдат оказались заперты в городе значительно уступавшими им по численности австралийскими и британскими войсками. Я видел некоторых итальянцев, сидевших на брустверах своих стрелковых окопов. Они смотрели на восток, где примерно в двенадцати милях слышался всё ближе подступавший гром артиллерии и время от времени раздавались очереди пулемётов, рассказывавшие без слов о продолжавшемся весь день продвижении британских войск. Сидя там и слушая шум боя, который постепенно смещался к северу и уже заходил им в тыл, они, должно быть, понимали, что их судьба решена и что для них война вскоре закончится — продолжившись лишь в ограниченном, хотя и безопасном, существовании за колючей проволокой лагеря для военнопленных.

Я присел на небольшой песчаный бугорок среди кустарника и стал наблюдать за противником в бинокль. Это зрелище было захватывающим, но, принимая во внимание обстоятельства, вовсе не производило впечатления. Неутихающий северный ветер дул прямо мне в лицо, принося с собой густые чёрные клубы вязкого, словно патока, дыма, поднимавшегося от горевших нефтехранилищ в гавани и медленно расплывавшегося над Тобруком. Тот же самый ветер, уносясь прочь от густонаселённого оборонительного периметра, усеял пустыню тысячами бумажных прямоугольников, красноречиво свидетельствовавших о беспечном отношении итальянцев к самым элементарным вопросам повседневной необходимости и санитарии. Решение этой проблемы они в значительной степени предоставляли благоприятному ветру. Возможно, подобное отношение объяснялось тем, что сами они не особенно рассчитывали когда-либо сюда вернуться. В результате вместе со всеми объектами, которые поочерёдно переходили из рук в руки по мере смены оккупационных войск с обеих сторон, новым хозяевам неизменно доставалось и это своеобразное наследство — бесчисленные миллионы сытых, назойливых мух.

В нескольких тысячах ярдов позади меня располагались танки 4-й Бронетанковой Бригады. Предыдущую ночь я провёл вместе с одним из эскадронов 2-го КТП, которым командовал мой старый друг Джим Ричардсон. До войны мы были соседями по огромному жилому комплексу *Dolphin Square*, стоявшему на берегу Темзы в Лондоне. Тем утром 4-я Бронетанковая Бригада получила приказ выступить с наступлением темноты в долгий марш, которому предстояло завершиться сражением при Беда-Фомме, южнее Бенгази, и окончательным разгромом армии [маршала Грациани](#). Лежать вот так, почти вплотную к противнику, было необыкновенно волнующе. Он находился здесь лишь потому, что ему это пока позволяли обстоятельства, и уже через день-другой он будет выбиты отсюда и потерпит поражение. Всё это вселяло в меня какое-то восторженное чувство собственного превосходства. Если это и была война, то, казалось, она представляла собой сущий пустяк.

Внезапно я услышал над головой шум мотора и быстро поднял взгляд. Ширококрылый самолёт-разведчик низко подлетел с востока и начал осторожно кружить прямо надо мной. К своему огромному облегчению я увидел на нижней поверхности крыла красно-бело-синий британский опознавательный знак — это был *Лайсендер/Lysander*. Я помахал пилоту рукой; его было видно совершенно отчётливо. При этом я надеялся, что он не примет меня за итальянца. Пилот помахал в ответ и почти сразу же перевёл самолёт в крутое снижение. Машина, подпрыгивая, приземлилась на покрытый галькой песок примерно в ста ярдах от меня. Едва винт остановился, а двигатель, несколько раз чихнув, заглох, как раздался резкий хлопок. В тот же миг я с тревогой увидел трассирующую пулю, промчавшуюся мимо самолёта и ударившуюся в песок ярдах в двухстах дальше,

подняв облачко пыли. Практически одновременно в борту самолёта распахнулась дверь, и пилот выпрыгнул наружу. Он задержался лишь на секунду, чтобы сбросить парашют, после чего, когда новый выстрел сопровождался вспышкой разрыва, бросился ко мне бегом. Разделявшие нас сто ярдов он преодолел примерно за то же время, за которое хороший спринтер пробегает стометровку. Он принёс с собой новый звук — звук, которого я прежде никогда не слышал - зип-зип-зип... да-да-да... зип-зип-зип-зип-зип... да-да-да-да-да... Я сразу понял, что пулемётные пули проносятся мимо меня быстрее, чем доходит звук самого пулемёта, который их выпускает. Мы одновременно рухнули на землю, распластавшись так низко, что почти слились с почвой, укрывшись за кустами солянки. Но оба прекрасно понимали, что эти кусты вовсе не являются надёжной защитой. Минуту или две воздух был наполнен сердитым, сверхзвуковым свистом пуль на фоне далёких разрывов. Я буквально вжимался в землю, ощущая, как ударные волны от пролетающих пуль болезненно отдаются глубоко в ушах, и нервно следил, как вокруг нас песок короткими фонтанчиками взлетает в воздух там, куда попадали пули. Рано или поздно один из этих бесчисленных, стремительно летящих кусочков свинца обязательно попадёт в меня. Промахнуться было невозможно. Так вот что это такое — когда по тебе стреляют - каждые полсекунды находиться в каких-нибудь пятнадцати сантиметрах от смерти.

Господи, как же мне было страшно. До этого я считал, что довольно хорошо умею не показывать страха. Более того, мне всегда казалось, что именно такое впечатление я и производил на окружающих. Конечно же, это было заблуждением. Самообманом. Я вспомнил одну ночь в Лондоне во время воздушного налёта. Тогда я был весьма доволен собой, потому что, как мне казалось, не проявлял страха, тогда как многие другие совершенно не стеснялись показывать, что боятся. В то время я ещё не понимал, насколько это было невежественным и самонадеянным упрощением. Лишь спустя несколько месяцев и после ещё нескольких пуль и артиллерийских снарядов я наконец понял истинную природу собственной храбрости. Она была всего лишь реакцией на стыд, который я испытывал из-за собственного страха, проявлением глубоко укоренившегося комплекса, породившего мою репутацию человека отчаянного и безрассудного. Эту репутацию мне каким-то образом приходилось постоянно поддерживать и подтверждать своими поступками до тех пор, пока её не сменили более подлинные и более глубокие чувства.

Я наскрёб перед лицом маленький, совершенно бесполезный бугорок песка и почувствовал, как мышцы живота и бёдер словно сами пытаются зарыться глубже в землю. Меня поразила разница. Неужели всё дело было только в том, что в ту лондонскую ночь я выпил слишком много виски? Нет, конечно. Здесь всё было гораздо более личным. Вот в чём было дело - эти пули были нацелены именно в меня. Они предназначались для того, чтобы убить лично меня. Никакой случайности, никакой безразличной неизбирательности. Ночные бомбардировки были совсем другим делом...

— Как вы думаете, теперь уже можно двигаться?

Этот незнакомый голос совсем рядом резко вернул меня к действительности — к твёрдому песку и спасительным кустам. Пилот с тревогой смотрел на меня. И только тогда я осознал, что стрельба прекратилась и вместе с ней исчез мой страх. Я отломил ветку куста, насадил на неё свой берет и поднял его как можно выше над землёй. Итальянцы никак не отреагировали.

— Похоже, они уже позабавились. Думаю, теперь можно возвращаться.

— У меня в самолёте осталось много карт и других документов. Не могу же я оставить всё это, чтобы итальянцы прибрали к рукам.

— Вернёмся за ними после захода солнца. Не думаю, что кто-нибудь из этих ребят захочет вылезать из своих окопов.

Мы отползли на четвереньках ярдов на пятьдесят. Эта уступка собственному страху всегда впоследствии немного смущала меня, особенно рядом с людьми, которые были не столько смелее меня, сколько просто разумнее и осмотрительнее. Добравшись до небольшого понижения местности, мы поднялись во весь рост. Ещё раз внимательно

осмотрели пустыню позади себя, где разведывательный *Лайсендер* отчётливо выделялся на фоне песков — одинокий, беззащитный и даже немного жалкий. После этого мы спокойно направились к своим позициям. Там мы наскоро поужинали, пока Джим Ричардсон излагал план предстоящего марша — прямым броском через всю Киренаику выйти южнее Бенгази и отрезать пути отхода итальянцам.

Выступление назначалось на полночь. Я смотрел на разложенные карты, мысленно представляя бесконечные мили песка и каменистой пустыни, смутно обозначенные дороги и ненадёжную работу старых танков *A10*, уже построенных неподалёку в походные колонны. Это казалось совершенно невероятным. Сразу после захода солнца мы с пилотом осторожно, крадучись, вернулись к его *Лайсендеру*. Каждый из нас держал в руке револьвер со взведённым курком. Думаю, мы были даже немного разочарованы тем, что ничего не произошло и ничто не оправдало того зловещего чувства опасного приключения, которое мы оба испытывали. Пилот забрал свои карты, журналы, донесения и прочие документы. Испытывая лёгкое чувство разочарования, мы зашагали обратно уже совершенно открыто — громко разговаривая, беззаботно болтая в прохладной пустынной ночи и во весь голос ругаясь каждый раз, когда спотыкались о какой-нибудь куст. Когда мы добрались до своего эскадрона, танки уже начали движение. Они занимали позиции у верхней бровки уступа, выстраиваясь двумя параллельными колоннами, одна за другой, носами на запад, готовясь к долгому ночному маршу.

Мы плотнее закутались в одеяла и устроились на холодном песке, стараясь уснуть. Разбудили нас рёв прогреваемых двигателей и выкрикиваемые команды. Целый час мы наблюдали, как в темноте мимо нас проходят шумные силуэты танков. Мне отчаянно хотелось идти вместе с ними. На следующее утро наша разведывательная группа отправилась обратно в Александрию. Ночью мы слышали, как высоко над нами пролетали самолёты, шедшие со стороны Бенгази, а на одном из постов военной полиции нас предупредили о новом виде опасности — небольших авиабомбах, едва ли больше авторучки. Их сбрасывали на взрыхлённый песок дорог вокруг оборонительного периметра Тобрука. Мы продолжили путь с большой осторожностью и, признаться, не без внутреннего напряжения. Впереди нашего грузовика шёл один из командиров эскадронов, Билл Ривз, награждённый орденом *За Отличие в Службе* за участие в эвакуации из Кале. Он внимательно всматривался в глубокую, размолотую колёсами пыль дороги, выискивая малейшие углубления или предательский металлический блеск, который мог выдать замаскированную бомбу.

Через три дня мы, усталые, покрытые толстым слоем пыли и окончательно измученные, въехали в Амарию. Все мои мысли и все мои желания были вместе с танками, которые в этот момент с тяжёлым грохотом двигались на запад через Киренаику. Я почти ненавидел эти палатки, лавки *NAAFI* (*NAAFI* - *Navy, Army and Air Force Institutes* - компания, созданная британским правительством 9 декабря 1920 года для управления рекреационными учреждениями, в которых нуждаются вооружённые силы Великобритании, и для продажи товаров военнослужащим и их семьям), кинотеатры *Shafto* и тот тесный, ревниво замкнутый мирок офицерских столовых отдельных эскадронов. Утешало лишь одно: вскоре наш батальон должен был отправиться на фронт, чтобы сменить потрёпанные в боях подразделения, продолжавшие наступление на Триполи.

Через четыре дня после нашего возвращения наконец поступили столь долгожданные приказы о передвижении. 3-й КТП должен был начать марш в Западную пустыню 1 февраля. Следовал длинный перечень расписанных по минутам распоряжений для эскадронов *A* и *B*, а затем — ошеломляющая новость: «Эскадрон *C* (командир - майор Уоррен) остаётся в Амарии в качестве резервного эскадрона штаба дивизии». Бедный *Бимбо* Уоррен — человек, которого мы все искренне любили и глубоко уважали и которому, как оказалось, уже не суждено было дожить до следующего января, — был подавлен ничуть не меньше всех нас из Эскадрона *C*. Но он был слишком настоящим кадровым офицером, чтобы позволить себе или своим младшим офицерам открыто выражать недовольство. Стоило кому-нибудь в офицерской столовой начать жаловаться, как он тут же резко обрывал разговор.

Целую неделю мы терпели наполовину сочувственные, наполовину снисходительные взгляды командиров других взводов, которые небольшими группами отправлялись через Чаринг-Кросс/Charing Cross — железнодорожную станцию, служившую отправным пунктом для пустынной войны на ливийской границе. А в Эскадроне С продолжались скучные, однообразные занятия по уставной подготовке. Мы подбадривали себя довольно вялыми предположениями, что для нас, вероятно, готовится какая-то особая задача. Я объезжал один взвод за другим, рассказывая людям всё, что успел узнать и записать во время своей короткой поездки к тем танкистам, которые уже воевали на фронте. Мы выпивали невероятное количество пива *Stella* — египетского напитка, не такого уж плохого, хотя в нём постоянно ощущался какой-то странный и труднообъяснимый привкус лука.

Пользуясь тем, что рядом не было старших офицеров, способных ограничить нашу свободу, мы прочно обосновались в ночных клубах и кабаре Александрии. К сожалению, мои возможности были серьёзно ограничены жалованьем лейтенанта и чрезвычайно дорогой ночной жизнью после захода солнца. Отчасти мне удавалось справляться с этим благодаря довольно щепетильному нежеланию доводить расходы до их логического конца, заводя романы с красивыми, но весьма дорогостоящими танцовщицами кабаре и хозяйками залов, составлявшими значительную часть ночной жизни Александрии. Кроме того, мне удавалось почти бесплатно находить себе место в нескольких любимых ресторанах. Однажды вечером, зайдя в ресторан *Excelsior* исключительно под влиянием внезапного приступа жизнелюбия, я в перерыве между номерами кабаре неожиданно исполнил импровизированный военный танец зулусов. После этого всякий раз, когда я приходил туда ужинать, оркестр начинал играть что-то вроде племенного ритма, приглашая меня вновь показать свои первобытные прыжки, притопывания и вращения. Настоящий зулус, возможно, счёл бы всё это любопытным, но уж совершенно точно не признал бы в этих движениях ничего похожего на собственные танцы. В ресторане *Phaleron*, который посещали многочисленные привлекательные греческие проститутки, однажды вечером я завладел микрофоном, пока оркестр играл *Tristesse* — популярную тогда обработку произведения Шопена. Мне удалось полностью пропеть её на английском языке. Оказалось, что до этого ни один оркестр в Египте никогда не слышал слов этой песни. После этого и здесь я стал постоянным исполнителем. В удачные вечера, если публика в обоих ресторанах встречала мои выступления аплодисментами и относилась к ним снисходительно, администрация просто отказывалась брать с меня деньги за ужин. Хотя, надо признать, случались вечера, когда мне удавалось выставить себя полнейшим идиотом.

Вера была танцовщицей кабаре в ресторане *Excelsior*. Она исполняла танец в испанском костюме. Это был вовсе не тот стремительный испанский танец с кастаньетами, дробным перестуком каблуков и бесконечными вращениями. Напротив — её танец был медленным, плавным и чувственным, полностью соответствовавшим пышным линиям её фигуры, округлым бёдрам и почти неподвижному лицу удивительной красоты. Однажды вечером, испытывая отчаяние от накопившегося разочарования и будучи, пожалуй, немного более навеселе, чем обычно, я неожиданно вышел на сцену прямо во время её номера. Подстроиться под музыку и её движения оказалось совсем нетрудно. Она пришла в ярость, однако позволила себе выдать это только взглядом. Из-под широкополой испанской шляпы её глаза сверкали в мою сторону, словно глаза разъярённой кошки, загнанной под буфет. К счастью, и оркестр, и публика приняли происходящее с энтузиазмом. Когда Вера поняла, что ситуация уже вышла из-под её контроля, раздражение постепенно сменилось в её взгляде сначала любопытством, а затем и весельем. А в конце номера достаточно бурные аплодисменты окончательно решили дело в мою пользу. После выступления она подошла к моему столику и просидела со мной весь остаток вечера... совершенно бесплатно.

После этого Вера почти автоматически присоединялась ко мне всякий раз, когда я приходил в *Excelsior*. (Надо отдать должное Бимбо — он с пониманием относился к тому, что мы по вечерам уходили из лагеря.) Иногда я танцевал с ней, иногда исполнял свой «боевой танец зулусов», но чаще всего мы просто сидели за столиком: я ел свой эскалоп по-венски, мы пили вино, затем она уходила переодеться для своего номера,

возвращалась после выступления уже в той одежде, в которой собиралась домой, и снова садилась рядом со мной. Я часто задавался вопросом, когда же она наконец позволит мне заняться с ней любовью, и несколько не сомневался, что рано или поздно это случится. Но я чувствовал, что она намеренно сдерживается. Между нами существовало какое-то странное, молчаливое нежелание даже касаться этой темы. С самого начала я ощущал, что ей хочется построить со мной совсем другие отношения, не сводящиеся к той быстрой близости тел, которая, как я подозревал, составляла неотъемлемую часть её профессии. Я без всяких возражений принял такое отношение, более того — был полностью с ним согласен.

Во-первых, это невероятно льстило моему самолюбию. В тот самый первый вечер, когда ресторан закрылся, она без малейших колебаний села вместе со мной в *хэппу/gharrie* — конный экипаж. Я понятия не имел, куда её везти, и поэтому мы совершенно беззаботно цокали по тёмным улицам Александрии, пока не добрались до широкой приморской набережной. Мы сидели рядом, прижавшись друг к другу от прохладного ночного воздуха, насыщенного смешанными запахами моря, лошади и тем неопределимым ароматом многовековой антисанитарии, который является одной из характерных особенностей Египта. Возле одного из проходов в [берегозащитной] стене Вера что-то сказала старому вознице. Экипаж остановился. Держась за руки, мы спустились по каменным ступеням на узкую полосу песчаного берега у входа в гавань. Мы уселись на прохладный песок и разговаривали о самых простых вещах — насколько это вообще позволял наш весьма ограниченный словарный запас, с помощью которого мы могли объясняться друг с другом. Я так и не узнал, какой язык был для неё родным, подозреваю, что и сама она этого толком не знала. Она говорила на полудюжине европейских языков и великолепно, с истинным мастерством, могла ругаться по-арабски. Она была абсолютно космополитичной — такой, какой способен стать только человек без родины. На Ближнем Востоке и в северной Африке существовало целое сообщество подобных девушек (и, вероятно, существует до сих пор). Они кочевали из страны в страну, исполняя довольно посредственные номера в кабаре, попивая слабый чай по цене двойного виски и зарабатывая себе на жизнь тем, что самыми разными способами развлекали мужчин. Я несколько не обманывался насчёт Веры, и был искренне рад, что она вовсе не ожидала от меня пригоршни пиастров. Помимо того, что у меня этих пиастров почти не было, сама мысль о подобного рода отношениях вызывала у меня глубочайшее отвращение. Именно поэтому мне было легко принять ту осторожную, почти деликатную основу, на которой строилась наша взаимная привязанность. Я прекрасно понимал, что где-то в глубине души каждая из этих странствующих танцовщиц и хозяек залов постоянно носит одну и ту же надежду, что однажды где-нибудь ей встретится мужчина, который не начнёт знакомство с грубых ласк, и не закончит его деньгами. Мужчина, который сможет стать мужем и одновременно — паспортом. Они думали об этом как о чём-то почти нереальном, но столь же неизбежном, как смерть и последующее воскресение. Однако я совершенно уверен, что Вера никогда не связывала подобных надежд со мной. Впереди простиралась война — со всеми её бесконечными приездами и расставаниями, с её постоянной непредсказуемостью, которая сама становилась единственной постоянной величиной. Возможно, я был для неё немного не таким человеком, к какому она привыкла. Для меня же она стала спасением от Амари, бесконечных занятий с личным составом и однообразной лагерной жизни. Мне доставляли удовольствие её сильная женственность, её доверие ко мне и ожидание того мгновения, когда эта девушка, столько раз продававшая себя другим мужчинам, однажды отдастся мне свободно, полностью и с радостью. Эта мысль незримо присутствовала за всеми нашими нарочито непринуждёнными разговорами и осторожными прикосновениями с самого первого вечера. Сначала мы сидели на песке довольно неловко. Постепенно она расслабилась, затем непринуждённо легла на спину и с наслаждением вытянулась во весь рост. Когда она заложила руки за голову, она выглядела такой спокойной и прекрасной, что я уже совершенно не мог представить её той несколько дешёвой танцовщицей кабаре, которую увидел впервые. Она смотрела в бесчисленные звёзды, и на её губах играла едва заметная полуулыбка. Я наклонился к ней и очень осторожно поцеловал её, даже не прикасаясь к ней руками. Пока я целовал её, улыбка не исчезла. Я думал о том, как это прекрасно, и о том, как мне повезло встретить её. И вдруг прямо за моей спиной раздался

громкий окрик. Я вскочил так стремительно, что оказался всего в двух дюймах от острия штыка, направленного прямо мне в живот. За штыком стоял египетский часовой с перекошенным лицом. Он обрушил на меня поток очень сердито звучащей арабской брани. Несколько секунд мне всерьёз казалось, что он сейчас просто вонзит этот ярко сверкающий кусок стали мне в брюхо. Вера уже стояла рядом со мной. Она немедленно ответила ему не менее бурным залпом арабских ругательств, но ни испугать, ни успокоить часового ей не удалось. Буквально под конвоем штыка, который я всеми силами старался не замечать, хотя его остриё упиралось мне в поясницу, нас провели по песку, затем вверх по лестнице, к караульному помещению у входа в порт. Там, при содействии английского морского офицера, чья насмешливая ухмылка ясно показывала, насколько забавной кажется ему вся эта история, нашу личность наконец установили. После этого нас отпустили. Мне едва удалось успеть на последний грузовик, отправлявшийся обратно в лагерь.

Пока мои мысли оставались с танками, сражавшимися где-то в Ливии, и я с восторгом переживал известие о невероятной победе при Беда-Фомме, я продолжал спасаться от разочарования и тоски Амарики благодаря Вере, великолепным александрийским креветкам с карри и рисом, а также превосходным эскалопам ресторана *Exelsior*. Мы оба дорожили нашими необычными отношениями и не предпринимали особых попыток изменить их характер, сделать их более бурными или превратить во что-то более страстное, но менее долговечное. Однажды вечером, когда я провожал её домой, вместо того чтобы попрощаться с ней в просторном вестибюле дома, я поднялся вместе с ней в лифте. Всю дорогу вверх она молчала, лишь странно смотрела на меня. На четвёртом этаже лифт остановился. После короткого колебания она жестом пригласила меня следовать за собой. Мы прошли по длинному коридору к одной из дверей. Она начала искать в сумочке ключи, всё так же глядя на меня тем необычным, трудно объяснимым взглядом. Потом быстро приложила палец к губам, призывая меня соблюдать тишину, вставила ключ в замок и открыла дверь. Отступив немного в сторону, она позволила мне заглянуть внутрь, но мягко остановила меня, положив ладонь мне на грудь, когда я уже собирался переступить порог. Первое, что бросилось мне в глаза, — элегантно мужское пальто, висевшее на вешалке в прихожей. Меня сразу поразила атмосфера достатка, окружавшая всё вокруг: персидские ковры, дорогая мебель, картины на стенах — каждая вещь говорила о богатстве и хорошем вкусе. Затем я увидел ярко-красную феску. Из одной из комнат донёсся мужской голос. Вера быстро ответила ему по-французски, после чего посмотрела на меня с такой мольбой о понимании, что я лишь кивнул, улыбнулся... ..и ушёл. Она провожала меня взглядом до тех пор, пока кабина лифта не скрылась из виду. Красная феска виднелась позади неё. В тот момент я вдруг испытал благодарность судьбе за то, что наши отношения ещё не успели зайти настолько далеко, чтобы всё это могло причинить мне настоящую боль.

Через несколько вечеров мы снова встретились в ресторане *Exelsior*. Всё выглядело так, словно ничего не произошло, но на самом деле произошло многое. Я не мог сказать ей, что этот вечер, скорее всего, станет последним и что мы, вероятно, больше никогда не увидимся, никогда больше не прикоснёмся друг к другу. В экипаже, когда мы ехали к её дому, я поцеловал её в последний раз. Я уже тогда знал, что всегда буду помнить этот наш последний, такой невинный поцелуй, и что, если когда-нибудь мне станет её не хватать, я обязательно вспомню, как её дыхание всегда едва заметно пахло чесноком.

Глава 2

Вернувшись в офицерскую столовую эскадрона, за неизменной бутылкой пива *Stella*, за кружками горячего чая в *NAAFI*, в наших общих палатках, мы без конца разговаривали и строили предположения о ближайшем будущем и о том, какую роль нам предстоит сыграть в войне, которая пока разворачивалась без нашего участия. Мы имели весьма смутное представление о том, что происходит в мире. Практически всё, что нам было известно, мы узнавали из ежедневных выпусков *Egyptian Gazette*. 8 февраля её страницы сообщили нам о победе при Беда-Фомме — последнем сражении кампании, в ходе которой впервые столкнулись две современные армии, обладавшие примерно равными

возможностями в воздухе и ведущие боевые действия на открытой местности. Результаты оказались поистине поразительными. Британские силы, численность которых никогда не превышала двух дивизий — одна из них была бронетанковой, — полностью вывели из войны итальянскую армию, насчитывавшую десять дивизий. В ходе наступления протяжённостью более 500 миль британцы потеряли всего 500 человек убитыми, 1373 ранеными и 55 пропавшими без вести. В плен было захвачено 130 000 итальянских военнослужащих и солдат североафриканских вспомогательных частей. Трофеями победителей стали около 400 танков и свыше 800 полевых и более тяжёлых артиллерийских орудий. Само сражение при Беда-Фомме, в ходе которого было взято в плен около 25 000 человек и уничтожено либо захвачено более 100 танков, выиграла, по существу, лишь горстка тех самых старых средних танков, которые я видел отправляющимися в путь той ночью под Тобруком. Я испытывал огромную гордость за КТП и за Джима Ричардсона. Лишь много лет спустя я узнал, что Беда-Фомм, ставший местом его триумфа, одновременно оказался и местом его гибели.

Нас, томившихся в пустыне от безделья, новости о победе, конечно, вдохновляли, но они также усилили беспокойство и разочарование, царившие в Эскадроне С. Что дальше? Продолжит ли генерал Уэйвелл наступление на Триполи? Теперь в его распоряжении находились порты Тобрук и Бенгази, а значит, снабжение войск для дальнейшего наступления должно было значительно упроститься. Правда, после того изнурительного марша по бездорожью ему наверняка не хватало ни автомобилей, ни танков. Несомненно, эскадроны А и В срочно перебросят к Аджедабии, чтобы поддерживать давление на противника, А следом, конечно же, очень скоро отправят и нас. Потом — короткая передышка для пополнения сил и новый стремительный бросок вперёд против разбитых и деморализованных остатков армии Муссолини. Мы раскладывали карты на шатких столах офицерской столовой и проводили пальцем вдоль широкой линии прибрежного шоссе, уходившего на запад через Сирт, Мисурату, Кастель-Бенито к Триполи. В своём воображении мы уже различали пальмы, минареты, закрытые ставнями лавки и целую цепочку городов и портов, вытянувшихся вдоль североафриканского побережья. Было бы гораздо полезнее, если бы мы тогда изучали совсем другие карты, будь они у нас. Полностью поглощённые войной в пустыне, мы проявляли лишь весьма отстранённый интерес к боевым действиям в Албании и к передвижениям германских дивизий на Балканах.

Пока наш конвой находился посреди Атлантики, итальянские войска начали вторжение в Грецию с территории Албании. К своему величайшему удивлению, они были отброшены на горной границе, а к тому времени, когда армия генерала Уэйвелла начала наступление в Западной пустыне, греки уже сами энергично теснили итальянцев. Это было поистине выдающееся достижение, особенно если учитывать соотношение сил. Однако в наших разговорах в Эскадроне С оно означало лишь очередное подтверждение того, что главной причиной столь несоразмерных успехов британцев в Киренаике являлось низкое качество армии Муссолини. Однако первые неудачи итальянцев в Греции вызвали цепную реакцию в других местах, которая впоследствии сыграла весьма важную роль в нашей почти замершей жизни в Амарии. Телеграфные линии между Берлином и Софией работали без передышки.

Германские дивизии, стоявшие лагерями в долинах Румынии и Болгарии и первоначально предназначавшиеся для будущего наступления на Советский Союз, начали движение на юг. Со стороны Великобритании изменившаяся обстановка выразилась в прибытии в Каир министра иностранных дел [Энтони Идена](#). Но всё это по-прежнему почти никак не отражалось на повседневной жизни Эскадрона С, где разговоры велись о вещах, весьма далёких от тех проблем, которые занимали людей на [Даунинг-стрит](#). За несколько недель до этого Уинстон Черчилль писал начальникам штабов: «Хотя, возможно, благодаря удаче и смелости нам сравнительно легко удастся собрать самые лакомые трофеи на ливийском побережье, первостепенная важность сохранения греческого фронта должна ежечасно оставаться предметом нашего внимания». Тогда мы этого не понимали, но писал он, в сущности, именно о нас.

Направление и содержание наших бесконечных предположений резко изменились после неожиданного сообщения о том, что эскадроны *A* и *B* возвращаются из пустыни. Оказалось, что дальше станции Чаринг-Кросс они вообще не продвинулись. Кроме того, все наши танки предстояло отправить на огромную базу Королевского Армейского Корпуса Снабжения (R.A.O.C.) в Куассасине, на другой стороне дельты Нила. Личный состав R.A.O.C. и технические сержанты, прикомандированные ко всем бронетанковым полкам, всегда являлись почти неиссякаемым источником довольно достоверной информации о будущих передвижениях войск. Поэтому, когда стало известно, что наши танки будут перекрашены (уже в третий раз) — теперь уже не из пустынного жёлтого цвета, а в более привычный оливково-зелёный камуфляж, — наши мысли о ближайшем будущем тоже словно изменили цвет: с жёлтого на зелёный.

На самом же деле сразу после взятия Тобрука помощь Греции получила высший приоритет среди всех операций британских войск на Ближнем Востоке. Пока мы ворчали в Амарии, пока я пел за свой ужин в Александрии и размышлял о перспективах с Верой, начальники штабов в Лондоне уже распорядились перебросить на греческий фронт эскадрильи истребителей и бомбардировщиков. Одновременно были определены танковые и пехотные части, которым предстояло отправиться на помощь грекам, чтобы помочь им сдержать германскую угрозу, надвигавшуюся на их северные границы.

Большую часть второй половины февраля 3-й Батальон КТП вновь находился в полном составе, правда, без своих танков. Когда танковый батальон остаётся без танков, он в полной мере начинает понимать, насколько унылой является жизнь пехоты, особенно в тыловом районе, но нас поддерживало ожидание предстоящих событий. К тому же нас воодушевляла перспектива вновь оказаться на европейском материке, причём попасть туда через столь заманчивую «чёрную дверь», как страна олимпийских богов и колыбель древней мифологии. Однако лишь немногие из нас питали какие-либо иллюзии относительно того, что ожидало впереди. Трудно было представить себе победоносный марш на Берлин, начинающийся из Афин, но, что бы ни произошло дальше, мы рассчитывали, что хотя бы часть времени проведём примерно в том же положении, что и вытарачившие глаза туристы, которые ежегодно наводняли Грецию, купив туры в туристическом агентстве *Cook*.

В последний день февраля батальон получил приказ быть готовым к выступлению через сорок восемь часов. Хотя мы уже довольно хорошо представляли, в какую часть Европы направляемся, никто не знал, где именно нас высадят. Это было известно лишь высшему командованию и нескольким капитанам Королевского флота. Из штаба 1-й Танковой Бригады хлынули целые горы приказов, инструкций и циркуляров. Среди них оказался и приказ всему личному составу получить на квартирмейстерском складе комплект лёгкой хлопчатобумажной формы цвета хаки и толстое шерстяное нижнее бельё. Эта форма должна была заменить шерстяную полевую форму, в которой мы прибыли из Англии и которая вполне устраивала нас зимой в Египте. Практически всё, что происходило с нами в тот период, становилось предметом бесконечных разговоров и догадок, но именно этот приказ оказался особенно загадочным хотя бы потому, что сам себе противоречил.

— Летняя форма цвета хаки и тёплое зимнее бельё! Вот уж странное сочетание, — заметил Оксо, осторожно покачивая бутылку пива *Stella*. — Что же это за страна такая, где одновременно нужны и лёгкая тропическая форма, и тёплые кальсоны? Может быть, мы всё-таки едем вовсе не в Грецию?

— Думаю, Непал, — ответил Дикки, кадровый младший офицер, совсем недавно получивший на китель ленточку медали за службу на Северо-Западной границе Индии. — Днём жарко, а ночью холодно.

— Не слишком-то подходящая экипировка для танкистов, правда, Дикки? — спросил я, заранее готовый признать его большой опыт. — Но если мы действительно отправляемся на Балканы в это время года, то я останусь в своей полевой форме и вдобавок получу у квартирмейстера ещё и кожаную безрукавку.

Бимбо Уоррен тут же вмешался: — Ничего у тебя не выйдет. Вам этого не разрешат. Полевую форму мы должны сдать, а выдача безрукавок категорически запрещена.

Казалось, ему даже доставляло некоторое удовольствие сообщать нам подобные неприятные новости: — Если бы вы, молодые бездельники, поддерживали себя в приличной физической форме, вам не пришлось бы так переживать из-за климата. Слишком много пива и слишком много женщин.

Это вызвало дружный взрыв смеха. Хэрри Мэгрейт высказал предположение, что столь странная выдача обмундирования предназначена исключительно для того, чтобы запутать противника: — Интересно, что разведка немцев сможет понять из донесений, в которых говорится, что экипажи танков, остающиеся в районе дельты Нила, получают одновременно тропическую форму и толстое шерстяное бельё?

— Ну, тогда, — подхватил Дикки, — почему бы сразу не выдать нам всем гражданские пальто с каракулевыми воротниками и не покончить на этом?

Бимбо снова проворчал: — Ваша беда, господа, состоит в том, что вы не только недисциплинированы и физически изнежены, но ещё и мозги у вас размякли.

Было совершенно очевидно, что не только в нашей офицерской столовой обсуждали вопрос новой формы. Всеобщее недоверие и недовольство достигли такой степени, что командир нашей бригады, бригадир Чэррингтон, поспешил лично к генералу сэру [Мейтленду Уилсону](#), которого все называли *Джамбо/Jumbo* — прозвище удивительно ему подходило. Именно он был назначен главнокомандующим британскими экспедиционными силами. В результате нам разрешили оставить прежнюю полевую форму, а кожаные безрукавки были выданы всему личному составу. Это была небольшая, но весьма характерная армейская путаница.

Тем временем в Куассасине наши танки *A10* и *A13* были заново окрашены широкими маскировочными полосами зелёного цвета. После этого их погрузили на длинные железнодорожные платформы и отправили обратно в Александрию через густонаселённую дельту Нила. В районе порта машины рассредоточили небольшими группами. Подобная операция, должно быть, предоставила многочисленным агентам стран *Оси*, действовавшим в Александрии, прекрасную возможность без особого труда заработать очередное вознаграждение за свои донесения. В первые выходные марта — несомненно воспользовавшись длительным затишьем в обычной жизни, вызванным последовательным наступлением мусульманской, еврейской и христианской суббот, — все танки были как можно менее заметно погружены на два торговых судна: *Clan Macaulay* и *Singalese Prince*. На другие суда погрузили грузовики и автомобили эшелона *B* — тылового подразделения батальона. Одни машины опустили в трюмы, другие закрепили на палубах. От каждого эскадрона вместе с техникой отправились её водители и механики, а также несколько офицеров. 10 марта торговые суда вышли в море, чтобы соединиться с конвоем где-то в Средиземном море севернее Александрии, где уже находился мощный флот адмирала [Каннингема](#), обеспечивавший прикрытие перехода.

Тем же утром остальную часть батальона вывезли из палаточного лагеря в Амарии. Колонна прошла мимо соляных разработок, где в лучах восходящего солнца розовели огромные кучи соли, и направилась к александрийскому порту. Гавань, как обычно, была заполнена военными кораблями самых разных типов. Огромные линкоры находились в море, прикрывая подходы к Эгейскому морю и обеспечивая безопасность перехода наших транспортов с танками. В самой гавани на якоре стояли либо были пришвартованы вдоль причалов крейсера, эсминцы и подводные лодки. Между ними непрерывно сновали моторные катера, развозившие первые за день донесения в условиях строгого радиомолчания. За кормой каждого катера тянулся широкий белый след вспененной воды. У входа в порт автомобильная колонна разделилась. Каждый эскадрон направили к тому причалу, который ему определила служба регулирования перевозок (Movement Control). Тем загадочным способом, каким в любой воинской части всегда распространяются слухи и неофициальные сведения, мы уже успели узнать, что в Грецию нас повезут корабли Королевского ВМФ, однако, что это будут за корабли, никто

не знал, поэтому недостатка в догадках не было. Высказывались самые невероятные предположения — от авианосцев до подводных лодок.

Грузовики Эскадрона С остановились. Прозвучала команда: - Выходи из машин! Мы построились в две шеренги под высокими бортами какого-то совершенно незнакомого судна. Насколько можно было судить, оно было почти таким же широким, как и длинным. Из задних рядов строя среди приглушённого, но непрерывного гомона донёсся чей-то голос: — Господи помилуй... Неужели именно на этом нас собираются перевозить? Такое впечатление, что единственное, что удерживает эту посудину на плаву, — это канаты, которыми её привязали к причалу.

Через несколько секунд по строю передали: — Это плавучая база подводных лодок.

— Ну что я вам говорил? Я же сразу сказал — нас повезут на подлодках. Это сверхсекретная операция, говорю вам!

— Да брось ты! Посмотри вон туда, за плавбазу. С другой стороны к ней пришвартован здоровенный линкор. Держу пари, что именно он предназначен для нас, дружище.

И действительно, сквозь густое переплетение мачт, реев и такелажа плавучей базы виднелись серые надстройки и боевая рубка одного из кораблей Его Величества.

— Вот это да! Посмотрите только на эти пушки! Да эта штуковина вся утыкана зенитками!

Поток самых разнообразных догадок и предположений не прекращался до самого середины утра. Наконец, когда *Clan Macaulay* и *Singalese Prince* вышли из гавани и взяли курс на север, мы перебрались через загромождённую палубу плавучей базы и, ступая один за другим тяжёлыми подковками армейских ботинок по броневой палубе, поднялись на борт крейсера *Bonaventure*. Солдаты были разведены по различным закоулкам и отсекам в недрах корабля, тогда как мы, командиры взводов, вслед за Бимбо и сопровождавшим нас морским офицером спустились по двум трапам в помещение, которое нам представили как офицерскую кают-компанию. Оттуда нас проводили в наши каюты.

— Прошу прощения, что здесь немного тесновато, — дружелюбно сказал сопровождавший нас молодой морской офицер с одной нашивкой на рукаве. — Но это всего лишь на одну ночь. Душевые и гальюны находятся дальше в корму. Мы отплываем почти немедленно. Чувствуйте себя как дома. Заходите в кают-компанию — напитки за счёт флота.

— Что он сказал насчёт... чего? — переспросил Оксо. — Что ещё за *heads*?

— Совершенно верно, — улыбнулся офицер. — Так на флоте называют туалеты.

Мы бросили свои вещевые мешки и снаряжение, после чего, громыхая подкованными ботинками, поспешили обратно наверх. Это было как раз вовремя: с причальных кнехтов уже сбрасывали швартовы, соединявшие корабль с плавучей базой. Глухая вибрация, ощущавшаяся под ногами, изменила свой ритм. Корабль начал медленно отходить кормой, затем его нос стал описывать широкую дугу, пока не повернулся к открытому морю, видневшемуся между двумя молами. В других частях гавани мы увидели ещё два крупных военных корабля, которые также отходили от причалов. Различить на их палубах тёмные береты и полевую форму остальных подразделений нашего батальона было нелегко. Нам сообщили, что это тяжёлый крейсер *York* с восьмидюймовыми орудиями и лёгкий крейсер *Gloucester*, вооружённый шестидюймовыми пушками.

Как только наш корабль вышел за волнолом, нас пригласили вниз на обед, который, как и следовало ожидать, сопровождался неизменным джином *Plymouth*. Мы расселись за столом с непривычно приподнятыми краями, не позволяющими посуде скользить при качке. Именно в этот момент размеренная вибрация корпуса внезапно усилилась. Посуда на столе задребезжала от мощных толчков, проходивших через весь корабль.

— Это, — пояснил молодой офицер, сидевший во главе нашего стола, за которым собрались непривычно смотревшиеся среди морской формы армейские офицеры, — полный ход. Минут через пять мы будем идти со скоростью тридцать один узел.

— Боже правый! Неужели это действительно необходимо?

Он пожал плечами.

— Единственное объяснение, которое приходит мне в голову, — где бы вы ни были нужны, там вас, должно быть, ждут очень срочно.

— Разве вы сами не знаете, куда мы идём?

— А разве вы не знаете? — удивлённо спросил он.

— Нам вообще никогда ничего не говорят. Мы знаем только, что идём в Грецию. А куда именно направляемся сейчас — понятия не имеем.

— Ну, тогда могу сообщить только одно. Мы высадим вас в Пирее. Это, как вам известно, — добавил он с несколько чрезмерной небрежностью, — порт Афин. А потом мы сразу же на полном ходу помчимся обратно в Александрию. Афины — приятное местечко. Правда, девушек там, пожалуй, маловато.

Теперь корабль уже развил полную скорость. Через иллюминатор было видно, как пенистый гребень носовой волны с огромной силой рассекал море, полностью подавляя естественное движение волн. Находясь совсем рядом с этим кипящим потоком воды, казалось, будто корабль мчится со скоростью не меньше ста миль в час.

— А те два корабля, — спросил я, — они всё ещё идут вместе с нами? Мы что, все трое несёмся с такой скоростью?

— *York* и *Gloucester*? Конечно. Идут в кильватерной колонне, тридцать один узел. Таков приказ. Хотя время от времени, разумеется, меняем курс и перестраиваемся, чтобы сбить с толку возможные подводные лодки.

— А они здесь действительно могут быть?

— Ну, с подводными лодками никогда ничего нельзя знать наверняка, не так ли? Они имеют неприятную привычку появляться там, где их меньше всего ждёшь. Но вчера и сегодня ночью по всему маршруту работали наши эсминцы, а где-то неподалёку находится почти весь флот.

Он на мгновение замолчал, а затем с явной уверенностью добавил:

— Да и вообще, о подлодках можете не беспокоиться. Этот корабль непотопляем.

— Непотопляем? Откуда такая уверенность?

— Хороший вопрос. Всё, что я могу сказать, — это то, что корабль построен практически непотопляемым. На крейсере *Bonaventure* по всей длине корпуса устроено столько переборок и водонепроницаемых отсеков, что он останется на плаву, даже если его разорвёт пополам.

— А кто-нибудь уже пытался его потопить? — поинтересовался Дикки.

Морской офицер улыбнулся.

— Вообще-то корабль совсем новый. Но в начале января нам уже пришлось повеселиться, сопровождая конвой через Средиземное море из Гибралтара в Грецию. Кстати, тогда же мы впервые перевозили войска. Один из транспортов во время шторма у Гибралтара сел на мель, и нам пришлось взять на борт около четырёхсот солдат. Высадили их на Мальте. Надеюсь, ваше путешествие окажется спокойнее. Тогда нам досталось всё сразу: мины, торпеды, самолёты-торпедоносцы, *Штуки*, *Ju-88*, бомбардировки с большой высоты — полный набор.

— Я заметил наверху огромное количество зенитных орудий, — сказал я. — Некоторые выглядят довольно внушительно. Если бы они не были подняты к небу, я бы никогда не подумал, что это зенитки.

Он кивнул и слегка усмехнулся.

— Это 5.25-дюймовые универсальные орудия. Очень эффективное оружие. К сожалению, весь боезапас к ним мы израсходовали во время перехода между Гибралтаром и Мальтой, а пополнить его пока не удалось.

Мы быстро переглянулись. Каждый подумал об одном и том же - военно-морской флот, оказывается, не так уж сильно отличается от армии.

Отличный обед и разговор с офицером заметно подняли нам настроение. Мы поспешили наверх, на палубу, стремясь увидеть зрелище, которое до нас доводилось наблюдать очень немногим и которое, скорее всего, никому из нас больше никогда не предстояло увидеть вновь: три огромных боевых корабля, мчащихся по морю на полной скорости — тридцать один узел - *Bonaventure... York... Gloucester...* Эти славные имена, уже вошедшие в историю, невольно напомнили мне времена короля [Генриха V](#) перед [битвой при Азенкуре](#). Но судьба распорядилась так, что позднее они стали ассоциироваться не с триумфом, а с трагедией и болью. Ещё до окончания боёв в Греции и на Крите все три корабля — *Bonaventure*, *York* и *Gloucester* — найдут своё последнее пристанище под теми самыми водами, по которым сейчас так величественно скользили. Первым погибнет *York*.

Менее чем через две недели его искалеченный корпус будет лежать на песчаном дне бухты Суда на Крите. *Gloucester*, тяжело поврежденный в ходе непрерывных воздушных атак, уйдёт на дно в мае в узком проливе между Грецией и Критом, а *Bonaventure*, тот самый «непотопляемый» корабль, через два месяца станет жертвой магнитной торпеды. Новейшая торпеда пройдёт прямо под его килем и взорвётся под днищем — именно там, где не было ни переборок, ни водонепроницаемых отсеков. Корабль затонет всего за несколько минут, и спастись удастся лишь немногим членам экипажа.

К тому времени мы уже успели освоиться с морскими терминами и называли лестницы не иначе как трапами. Поднявшись по двум таким трапам, мы снова оказались на главной палубе. Мы вышли из тесного, дрожащего стального чрева корабля в мир ветра, света, шума и ошеломляющего ощущения скорости. Стоя у одного из бортов, поднимающегося кверху громадами башен, надстроек и броневых конструкций, невозможно было охватить взглядом всю картину. Чтобы увидеть её целиком, требовалось подняться выше. Я забрался на самую верхнюю площадку зенитной башни, где четыре ствола скорострельной установки были устремлены в небо, а заряженные снаряды терпеливо ожидали своего часа в казённых. Два матроса — плотные, добродушные парни в спасательных жилетах *Mae West* и стальных касках — укрывались с подветренной стороны броневых щитов. Они были настолько же поглощены открывавшимся видом, как любой сухопутный человек. Передо мной предстало поистине великолепное зрелище. Казалось, сама природа и человеческий гений соединили две противоположные стихии — сталь и машины, ветер и море — в единый, непрерывный поток силы и красоты. Даже ветер, который свистел и завывал среди такелажа и броневых надстроек, был в каком-то смысле создан человеком, потому что рождался скоростью корабля — тридцать один узел. Почти стоявшее в зените солнце необычайно ярко освещало бледную камуфляжную окраску трёх огромных кораблей. Это был мир воды, стали, ветра, шума и непрерывного движения — мир, который опьянял. С моего высокого наблюдательного пункта на башне казалось, будто три корабля прорезают море прямой линией от Александрии к Афинам, оставляя за собой борозду, которая никогда уже не сомкнётся и навсегда останется на поверхности моря. Затем корабли одновременно накренились. Горизонт словно начинал вращаться вокруг вершины мачты. И длинные пенящиеся следы в форме буквы V неожиданно складывались в обманчивый рисунок, похожий на букву Z. Это было красноречивым свидетельством того, насколько серьёзной оставалась невидимая опасность, скрывавшаяся под поверхностью моря.

Позади нас тёмное пятно Египта безмолвно исчезало за краем мира. Вместе с ним уходила и наша прежняя жизнь — скука лагеря, огни Александрии, кровати с карри, Вера... и едва уловимый запах чеснока. Впереди были ночь, потом утро, потом Греция, а за ней — покрытые снегом горные хребты Балкан и всё более многочисленные германские армии. Расстояние между нами и нашим будущим стремительно сокращалось, пожалуй, даже слишком стремительно. По мере того, как день клонился к вечеру, даже это великолепное ощущение стремительного движения постепенно уступало место однообразию. В конце концов мы просто сидели на палубе, дремали под солнцем и старались устроиться в таких уголках, куда не долетал свирепый встречный ветер, создаваемый скоростью нашего корабля. Когда небо окрасилось мягкими красками заката, мы с удовольствием вернулись в тёплый внутренний мир крейсера — в уютную, почти домашнюю атмосферу бара офицерской кают-компания. Держа бокалы так, чтобы они не дрожали от постоянной вибрации корпуса и частых изменений курса, мы без конца расспрашивали морских офицеров о скорости корабля, его вооружении, тактике морского боя и различных боевых манёврах. Со своей стороны мы рассказывали нашим хозяевам о недостатках собственных танков. Причём рассказывали с той особой смесью любви и насмешки, которая свойственна людям, хорошо знающим предмет своих жалоб. Мы говорили о тонкой броне, о смехотворной двухфунтовой пушке, о том, что вся эта техника редко могла пройти по тяжёлому грунту больше нескольких миль, не потеряв гусеницу. Мы почти не сомневались, что если после Афин нам придётся куда-нибудь двигаться дальше, то делать это придётся по железной дороге — вместе с нашими танками.

После ужина мы, взяв книги в судовой библиотеке, довольно рано разошлись по каютам. Мы твёрдо решили последовать совету моряков и подняться ещё до рассвета, чтобы увидеть появление берегов Греции и полюбоваться островами Эгейского моря, проплывающими мимо. Прибытие в Пирей ожидалось сразу после завтрака. Что ожидало нас за Пиреем, оставалось лишь предметом догадок. Каждый рисовал себе будущее по-своему: у нас не было никаких сведений, которые могли бы придать этим мысленным картинам реальные очертания, не было приказов, способных наполнить их конкретным содержанием. Пожалуй, это было даже к лучшему. Но всё же кто-нибудь мог бы рассказать нам, какая цепь событий и обстоятельств связала наши судьбы и привела к тому, что мы оказались на борту *Bonaventure*, *York* и *Gloucester*, стремительно несущихся к берегам Греции...

Глава 3

Первое звено этой цепи было выковано почти двумя годами ранее — в апреле 1939 года, когда Великобритания официально гарантировала независимость Греции. После этого события развивались главным образом быстрее, чем успевали приниматься решения. Политика почти постоянно следовала за обстоятельствами, а не опережала их. Решения принимались не заблаговременно, а под давлением складывавшейся обстановки. Именно поэтому германские приготовления в Болгарии, Румынии и вдоль границ Югославии вынудили британский Военный Кабинет принять решение оказать Греции помощь всеми средствами, которыми располагала Великобритания. Дополнительным фактором оставалась позиция соседней Турции. На протяжении всего этого периода предпринимались напряжённые дипломатические усилия не только для того, чтобы обеспечить благожелательный нейтралитет Турции, но и попытаться склонить её к вступлению в войну на стороне союзников.

19 февраля министр иностранных дел Энтони Иден, наделённый чрезвычайно широкими дипломатическими и военными полномочиями, прибыл в Каир. После коротких переговоров он тайно вылетел в Афины вместе с начальником Имперского генерального штаба сэром [Джоном Диллом](#), генералом Уэйвеллом и главным маршалом авиации Лонгмором.

Едва началось совещание во дворце Татой — резиденции греческого короля, — как председатель Совета министров Греции, словно предвосхищая дальнейший ход обсуждения, выступил со следующим заявлением:

Прежде всего я хотел бы самым решительным образом повторить заявление, которое сделал британскому правительству после того, как сменил покойного генерала Метаксаса на посту председателя Совета министров. Именно оно составляет прочную основу политики Греции.

Получив по собственной инициативе гарантию со стороны Великобритании и её столь ценную помощь после ничем не спровоцированной итальянской агрессии, Греция стала её верным союзником и твёрдо намерена продолжать войну до победного конца, используя все свои силы рядом со своим великим союзником, которому она полностью доверяет. Эта решимость короля и правительства полностью разделяется всем греческим народом. Именно этим единством объясняются блестящие победы, одержанные греческой армией над противником, который был несравненно сильнее и лучше оснащён.

Вам известно, что решимость Греции защищать свою свободу и территориальную целостность относится не только к Италии, но в равной степени и к возможной агрессии со стороны Германии. В действительности Греция сражается одновременно за свою свободу и за свою честь. Что касается Италии, то Греции удалось не только успешно остановить вторжение, но и в течение четырёх месяцев одержать целый ряд побед, глубоко продвинувшись на территорию противника, несмотря на суровую зиму и исключительно трудные условия местности. Однако эта борьба потребовала почти всех наших сил. В Македонии, напротив Болгарии, у нас остаются лишь три дивизии.

Поэтому главная проблема — и это исключительно военный вопрос — заключается в определении численности и состава тех сил, которыми необходимо усилить греческую армию, чтобы она смогла оказать эффективное сопротивление германскому вторжению. Греческое правительство располагает достаточно точными сведениями о германских войсках в Румынии, которые постоянно усиливаются (по последним данным, там уже находятся двадцать пять дивизий), а также о болгарской армии. Однако нам неизвестно лишь одно — какую именно помощь Великобритания сможет оказать нам в течение ближайших двух месяцев. Мы также не располагаем сведениями о намерениях Турции и Югославии, не знаем, какую военную помощь эти государства могли бы оказать, а также когда и каким образом она могла бы быть предоставлена. Этот вопрос имеет не только исключительно важное, но и чрезвычайно срочное значение.

При таких обстоятельствах прибытие Вашего Превосходительства на Ближний Восток является как нельзя более своевременным. Оно поможет не только прояснить сложившуюся обстановку, но и обратить её на общую пользу Великобритании и Греции. Однако позвольте мне ещё раз повторить: что бы ни готовило нам будущее, и независимо от того, останется ли хоть какая-нибудь надежда остановить противника в Македонии, Греция будет защищать свою национальную территорию, даже если ей придётся делать это в полном одиночестве.

Если британская делегация заранее подготовила какие-либо убедительные доводы для своих греческих союзников, то это заявление полностью избавило её от необходимости ими воспользоваться. Поэтому Энтони Иден смог сразу перейти к изложению того, какие сухопутные и военно-воздушные силы Великобритания готова направить в Грецию и в какие сроки.

Из Египта могли быть немедленно отправлены: австралийская дивизия, новозеландская дивизия, усиленная двумя полками средних артиллерийских орудий и подразделениями противовоздушной обороны, одна бронетанковая бригадная группа, в состав которой входили 3-й Батальон КТП, 4-й Полк Гусар (вооружённый лёгкими танками) и подразделение Королевской Конной Артиллерии. Переброска должна была осуществляться в следующем порядке: сначала бронетанковая бригада, затем новозеландцы, после них — австралийцы. Если обстановка потребует дальнейшего усиления, за ними могли последовать польская бригада и ещё одна австралийская дивизия, совсем недавно прибывшая на Ближний Восток. Все эти силы предполагалось

развернуть в двух самых северных областях Греции — Македонии и Фракии. Дальнейшее использование экспедиционного корпуса во многом зависело от того, как поведёт себя Югославия в случае германского наступления. Если югославская армия окажет сколько-нибудь серьёзное сопротивление, британские и греческие войска должны будут выдвинуться ей на помощь. При этом жизненно важным тактическим фактором считалась оборона порта Салоники. Если же югославы капитулируют или будут быстро разгромлены, длинный северный фронт вместе с Салониками придётся оставить. Тогда союзным войскам предстояло отойти на более компактный оборонительный рубеж. Он должен был опираться на горный массив Олимп на востоке, далее проходить вдоль глубокого ущелья реки Альякмон и завершаться горными укреплениями у албанской границы на западе. Этот рубеж получил название *Линия Альякмон*.

Уже на ранней стадии военных обсуждений стало совершенно ясно, что никто не рассчитывает вести серьёзные боевые действия севернее этой линии. После того как подобное решение закрепилось в сознании военных планировщиков, стало практически неизбежным, что греческая кампания почти сразу после своего начала превратится в организованное отступление. По сути, другого исхода ожидать было невозможно. Сколько раз во время совещаний во [дворце Татой](#) Энтони Иден, должно быть, вспоминал последние слова Уинстона Черчилля, сказанные перед его отъездом из Лондона на Ближний Восток?

Не считайте себя обязанными ввязываться в греческую операцию, если в глубине души убеждены, что она закончится ещё одной [норвежской катастрофой](#). Если хорошего плана не существует — так и скажите. Но, разумеется, вы сами понимаете, насколько ценным оказался бы успех.

Каждый из присутствовавших прекрасно понимал, что успех, если под ним подразумевался разгром германских войск, вторгавшихся в Югославию и Грецию, был невозможен. Даже простое сдерживание противника представлялось осуществимым лишь в том случае, если бы югославская армия оказала серьёзное сопротивление. Несомненно, главными соображениями, которыми руководствовался Энтони Иден, были:

- необходимость выполнить британские гарантии, данные Греции;
- политическое воздействие столь решительного шага на Турцию;
- влияние на другие ещё не определившиеся государства;
- моральное значение для миллионов людей, находившихся под германским господством по всей Европе и на Балканах.

Совещание в Татой завершилось полным согласием по всем военным вопросам. Было принято решение обратиться как к югославскому регенту [принцу Павлу](#), так и к премьер-министру Турции, чтобы выяснить их дальнейшие намерения. Наконец Энтони Иден попросил председателя греческого правительства официально подтвердить, что Греция принимает предложение Великобритании о военной помощи добровольно и что прибытие британских войск будет встречено греческим народом с одобрением. Это заверение было дано без малейших колебаний, причём произошло это в чрезвычайно эмоциональной обстановке.

Позднее британский Комитет Начальников Штабов одобрил предложения министра иностранных дел, однако сделал он это без особого энтузиазма, и неудивительно — с чисто военной точки зрения поводов для оптимизма было немного. Начальники штабов утешали себя мыслью, что даже полная неудача в Греции не станет катастрофой для способности Великобритании в дальнейшем победить Германию. Кроме того, они считали, что лучше заставить немцев сражаться за то, чего они добиваются, чем преподнести им всё это без борьбы. Если бы начальники штабов могли хоть немного яснее увидеть будущее, они вряд ли утешали бы себя столь легко. Чтобы предотвратить надвигавшуюся трагедию, потребовалось ещё одно чудо, сравнимое с [Дюнкерской эвакуацией](#). Без него последствия вполне могли оказаться катастрофическими для способности Великобритании продолжать войну против Германии. 24 февраля Военный

Кабинет в Лондоне официально утвердил отправку экспедиционного корпуса. Завершая свою телеграмму Энтони Идену, который к тому времени уже вернулся в Каир, Черчилль написал: «Итак, не питая никаких иллюзий, мы все отдаём Вам один приказ: «Полный ход вперёд!»» Этот приказ был переведён в буквальном смысле на язык корабельных машин — в звон машинных телеграфов, раздававшийся в машинном отделении крейсера *Bonaventure*.

В ту ночь, в начале марта, мы крепко спали в тесных каютах. Сквозь сон мы лишь смутно ощущали непрерывную вибрацию, пронизывавшую весь корабль, и совершенно не подозревали ни о совещаниях, ни о дипломатических переговорах, ни о телеграммах, которые направляли наше движение. Если мы вообще вспоминали [гору Олимп](#), то лишь как жилище богов древнегреческой мифологии. Македония была для нас всего лишь названием, давно затерявшимся где-то в глубине школьных учебников истории. А о реке Альякмон никто из нас прежде и не слышал. Проснувшись на следующее утро, я прежде всего заметил нечто необычное. Уши и нервы всё ещё были настроены на непрерывный гул двигателей и ощущение стремительного полёта корабля сквозь ветер и воду, но теперь всё стало значительно тише, и движение почти исчезло. Где-то далеко продолжалось едва слышное биение машин, а всё тело ощущало лишь лёгкое, почти невесомое покачивание — такое чувство возникает на вершине высокого дерева, когда ветер уже не ощущается, но ствол всё ещё слегка колеблется. Я сел на койке и выглянул в иллюминатор. С востока только начинал занимать рассвет. Первые лучи света медленно ложились на поверхность моря. Мои глаза невольно моргнули, не обнаружив той бурной картины, к которой привыкли за предыдущий день. После вчерашнего стремительного бега море теперь казалось совершенно спокойным, лишь носовая волна корабля нарушала его неподвижность, почти виновато шепча у самого борта. Бесшумно появилась какая-то островная земля. Всё вокруг выглядело так неподвижно и чётко, словно фотография из альбома *Kodak*, лишь движение людей на берегу нарушало это впечатление. Рыбаки готовили сети и лодки к началу нового дня, иногда среди затенённых домиков мелькало яркое пятно женской кофты или юбки, и в такие мгновения мысли невольно уносились прочь от того военного мира, в котором были заключены мы сами.

Я разбудил остальных, деливших со мной каюту. Первые несколько секунд после пробуждения они так же ничего не понимали, как и я. Потом мы все столпились у иллюминатора, разглядывая новый мир, заключённый в его круглом обрамлении. В дверь постучал стюард: «Господа, завтрак готов. Когда будете готовы — прошу в кают-компанию».

Мы торопливо умылись, побрились и оделись. Казалось, все танковые офицеры одновременно устремились к душевым и туалетам. Вернувшись в каюту, Дикки начал рыться в своём чемоданчике и наконец достал путеводитель по Греции.

— Вот это правильно, — сказал я. — Почему только мне самому не пришло в голову захватить такой?

— купишь себе в Афинах. Да и вообще, экскурсоводы наверняка ещё никуда не делись. Вряд ли им будет важно, кто перед ними — турист или солдат.

Мы завтракали, почти не отрывая глаз от иллюминаторов. Каждые несколько минут мимо проплывал новый остров, какое-нибудь судно или рыбацкая лодка. Теперь вдаль уже постоянно тянулась береговая линия материка. Холмы темнели на фоне рассветного неба. Луч маяка время от времени пересекал круг иллюминатора, на мгновение вспыхивая и тут же исчезая, словно пытаясь ещё немного поспорить с быстро наступавшим утром. «Ну вот, — сказал наш морской офицер, который по-прежнему чувствовал себя несколько неловко среди этого стола, окружённого хаки и разговорами сухопутных военных. — Осталось около двадцати миль. Ещё часа два — и вы будете на берегу».

Мы прекрасно понимали его чувства. Я взял Дикки вместе с его путеводителем и поднялся на верхнюю площадку зенитной башни. Теперь трём крейсерам уже не было

необходимости маневрировать, запутывая возможного противника. Они величественно шли прямым строем. Носовая волна каждого корабля была почти точным продолжением волны впереди идущего, а длинные белые кильватерные следы образовывали идеально прямые линии. Скорость составляла около пятнадцати узлов. Повсюду, кроме юга, где за кормой оставалось открытое море, земля постепенно смыкалась вокруг нас. На западе виднелся широкий V-образный проход. Дикки развернул карту и показал, как сходящиеся горные цепи должны соединяться в узком горле Коринфского канала. Во всех направлениях, куда ни посмотри, над тёмной полосой суши поднимались величественные вершины и округлые горные купола. Их вершины сверкали и искрились в первых лучах восходящего солнца. «Снег!» — одновременно воскликнули мы.

Я невольно подумал: последний раз заснеженную вершину я видел у Килиманджаро. Перед глазами мгновенно возникла ностальгическая картина этой гигантской горы, возвышавшейся почти на двадцать тысяч футов над жаркими жёлтыми равнинами Танганьики, по которым медленно двигались стада масайского скота. Но воспоминание тут же исчезло. Его вытеснили необычность настоящего мгновения и волнующая неизвестность будущего.

— Это, должно быть, остров Саламин, — сказал Дикки. Одним пальцем он указывал место на карте, а другой рукой показывал на большой остров, появившийся слева за кормой.

— Посмотри! — сказал я, слегка толкнув его локтем и указывая в другую сторону. — Дома!

По мере того, как дневной свет всё увереннее спускался с горных хребтов и заполнял долины, мы всё отчётливее различали очертания большого города, раскинувшегося от самой кромки воды далеко в глубь суши. Мы узнали залив Фалерон и невольно на мгновение перенеслись мыслями назад — к танцовщицам [одноименного] кабаре Александрии. Прямо по курсу над носом нашего корабля и возвышавшейся впереди надстройкой крейсера *York* нависал массивный мыс. На самом его конце всё ещё устало мигал маяк, обращённый к морю. Ещё несколько минут — и мы уже проходили под береговыми батареями, прикрывавшими вход в порт Пирей. Теперь вокруг нас море было буквально заполнено небольшими судами. Между ними сновали и более крупные морские каики, занятые своими повседневными делами. Некоторые моряки с этих судов приветствовали танкистов, густо облепивших поручни крейсеров, выкрикивая какие-то невероятные английские фразы. На дороге, тянувшейся вдоль полуострова, автомобили и конные повозки останавливались, чтобы посмотреть на необычное морское зрелище. Маленькие фигурки людей энергично махали нам руками.

Внезапная тишина заставила нас понять, что машины корабля остановились. Крейсер продолжал двигаться только по инерции. К борту быстро подошёл небольшой катер, и смуглый греческий лоцман ловко поднялся по штурмтрапу. Из отверстия вентиляционной шахты донёсся знакомый звон машинных телеграфов где-то глубоко внизу. Почти сразу же мы почувствовали лёгкий толчок — корабль вновь начал двигаться. Одновременно по громкой связи прозвучал приказ экипажам танковых подразделений построиться для высадки. Мы спустились со своего высокого наблюдательного пункта обратно в привычный, строго организованный армейский мир, но теперь уже было ясно, что отныне он едва ли окажется скучным или однообразным. Через несколько минут, когда наши подразделения построились на палубе настолько ровными рядами, насколько позволяли условия корабля, три крейсера медленно обогнули конец волнолома. Они прошли мимо общественного сада, который спускался почти к самой воде, после чего вошли в главную гавань и один за другим подошли к длинной причальной стенке. Трап был спущен немедленно. Без всякой задержки мы начали сходить на берег. С каждого крейсера непрерывным потоком выгружались солдаты. На бетонных и асфальтовых причалах порта ряды быстро восстанавливались. Люди притопывали ногами, стараясь согреться, впервые ступив на современную землю древней Греции. Я посмотрел вдоль причала: по обе стороны *York* и *Glocester* также выгружали своих людей. Во всей этой сцене, которая сама по себе казалась мне немного странной и даже несколько нереальной, ничто не

выглядело более неуместным, чем длинные ряды пехотинцев и артиллеристов в тяжёлых шинелях и пробковых солнечных шлемах. Я невольно порадовался нашим чёрным танковым беретам. Насколько мне было известно, от них никогда не отказывались — ни по климатическим причинам, ни под огнём противника.

Гражданское население Греции, за исключением портовых служащих, внутрь портовой территории не допускалось. Однако мы видели, как за высокими оградами вокруг причалов собираются небольшие любопытные группы людей. Почти все они были либо очень пожилыми, либо совсем молодыми. Уже появились бродячие торговцы. Они расхаживали вдоль ограды, демонстрируя свой нехитрый товар — главным образом хлеб и фрукты, — и всячески старались привлечь наше внимание. Некоторые греки махали нам руками, многие улыбались, но нельзя было сказать, что прибытие британских войск, призванных помочь их собственной храброй армии защитить священную землю Греции, вызвало какое-то особенное ликование. Возможно, в глубине своей горячо националистической души они не видели большой разницы между английскими армейскими ботинками с подковками и такими же подкованными прусскими сапогами. А может быть, всё дело было в наших пробковых солнечных шлемах.

Через дорогу от порта распахнул двери довольно потрёпанный ресторан. Очень скоро все столики на тротуаре оказались заняты людьми, неторопливо пьющими кофе. Они оживлённо беседовали между собой, энергично жестикулировали в нашу сторону и время от времени даже стучали кулаками по столам, подчёркивая свои слова. Было бы очень интересно узнать, о чём именно они говорили, и вдруг я увидел это - высоко над портом, над всеми тремя британскими военно-морскими флагами, на вершине холма ярко сиял на солнце... чёрный кривой крест нацистской Германии. Он смотрел на нас с огромного красного полотнища, словно зловещий налитый кровью глаз. Казалось, он пересчитывал нас, оценивал, внимательно изучал наши нарукавные знаки и кокарды на беретах.

— Господи! — громко воскликнул я. — Посмотрите туда!

Удивлённые возгласы сразу же прокатились вдоль строя. Все подняли головы вверх и с изумлением уставились на развевавшееся знамя со свастикой. Мы остановили проходившего мимо грека. Он быстро закивал: «He! He! (Да! Да! По-гречески) Германия... Консул... Консул,» - затем печально покачал головой, указал на наши крейсера, на британскую форму и сделал указательным пальцем правой руки характерное движение, будто быстро нажимал на какую-то клавишу. Мы недоумённо смотрели на него. Он повторил движение ещё быстрее: «Телеграфо... Телеграфо...»

— По-моему, — сказал Хэрри, — он хочет объяснить, что тот немец наверху уже сейчас передаёт в Берлин всё, что видит здесь.

Греческий чиновник кивнул, пожал плечами, одновременно отдал нам честь и, повернувшись, пошёл дальше.

— Какого чёрта немецкий консул делает здесь в такое время? — вслух произнёс Хэрри вопрос, который крутился в голове у каждого из нас.

— Не забывай, — ответил кто-то, — что официально Германия и Греция пока ещё не находятся в состоянии войны. Поэтому, по крайней мере пока, он имеет такое же право находиться здесь, как и британский консул.

— Ну, по крайней мере, эти проклятые пробковые шлемы должны сбить его с толку. Он ведь не поймёт, направляемся мы в Македонию или в Мерса-Матрух.

— А кто вообще это знает?

— Если уж это не станет началом балканской войны, тогда уже ничто не станет.

Такие разговоры продолжались до тех пор, пока не прибыли грузовики *R.A.S.C.* — огромные трёхтонные машины с вместительными кузовами. Мы погрузились — по одному взводу в каждый грузовик. Последние взмахи руками, последние громкие прощания с офицерами и матросами крейсера *Bonaventure*, выстроившимися вдоль борта, чтобы проводить нас. Из иллюминатора чуть выше уровня причала высунулась растрёпанная,

весёлая физиономия одного из моряков, и вслед нам донёсся его последний крик: «Не волнуйтесь, друзья! Мы ещё вернёмся и заберём вас обратно!» В ответ со стороны нашего батальона грянул дружный взрыв смеха. По меньшей мере половина этих людей совсем недавно чудом спаслась из Кале и Дюнкерка. Лишь время отделяло тогдашние шутки и смех от трагедий и катастроф — уже пережитых и тех, которым ещё только предстояло случиться.

Глава 4

Грузовики один за другим выехали за ворота порта на мощёный булыжником перешеек, отделявший мир моря от тесно сгрудившихся магазинов, контор и жилых домов города. Когда мы проезжали через ворота, несколько прохожих закричали нам: «Аэра!» Мы решили, что это греческий вариант нашего «Ура!». Однако всё это было совсем не похоже на тот героический приём, которого мы ожидали и который, как нам казалось, вполне заслужили. Мы вовсе не рассчитывали на парад с дождём из бумажных лент, но уж несколько красивых девушек, бросающих нам розы, — этого мы ожидали наверняка. Минут десять колонна петляла по улицам Пирея, пока наконец не выехала на широкую приморскую набережную, тянувшуюся вдоль залива и песчаного пляжа. Со стороны суши тянулись ряды кафе, ресторанов и небольших гостиниц. Они напоминали нам, что морские курорты во всём мире удивительно похожи друг на друга. Разница лишь в том, что здесь всё выглядело как более или менее скромная разновидность английского Брайтона. Главное отличие заключалось в том, что столики стояли прямо на тротуарах, да и всё вокруг выглядело почти совершенно пустынным. Начало марта было далеко не лучшим временем для солнечных ванн на берегу Эгейского моря. Хотя солнце этим утром светило довольно ярко, холодный ветер, спускавшийся с покрытых снегом гор впереди нас, заставлял и нас, и редких прохожих кутаться в тяжёлые пальто.

Сидя в кабине грузовика, за спиной которого тихо переговаривались мои танкисты, я вдруг обратил внимание на странную особенность: повсюду почти не было молодых людей, молодых мужчин не было вовсе. Немногие молодые женщины, которых мы встречали, словно нарочно отворачивались, когда мимо проходила колонна незнакомых солдат. По-видимому, Королевский Танковый Полк (*в данном случае речь идет о танковых войсках в целом – ВК*) не вызывал у них особого восторга. Но, немного подумав, я понял, что это вовсе не проявление недружелюбия. К тому времени британские армейские грузовики уже давно перестали быть здесь редкостью. Подразделения R.A.S.C. находились в Греции уже несколько недель, обеспечивая снабжение эскадрилий Королевских ВВС, действовавших против итальянцев в Албании, а также британских тыловых и административных частей. Лишь через день или два мы поняли истинную причину отсутствия молодых мужчин и холодной сдержанности женщин. Только тогда мы смогли в полной мере оценить, с какой глубокой, всеобъемлющей и безоговорочной самоотдачей греческий народ вёл эту войну. Все мужчины находились на фронте. Те, кто был слишком молод или слишком стар для армии, работали на строительстве и ремонте дорог. Каждая женщина знала, что где-то на передовой её отец, муж, брат или возлюбленный ведёт отчаянную борьбу против итальянцев. Поэтому проявить хоть малейший интерес к какому-нибудь другому мужчине означало для неё почти измену. Это казалось ей недостойной мыслью, нарушающей её безраздельную преданность тому, кто воевал. Таков был её собственный вклад в тот дух самоотречения, который ощущался в Греции столь же естественно, как кислород и азот в воздухе. Это было нечто, чем буквально дышали, и что постоянно наполняло человека новой силой.

Совсем иначе относились к нам очень старые люди — те, кого война уже оставила позади. Они давно жили своим привычным укладом. Сильных чувств у них почти не осталось. Они думали лишь о том, чтобы спокойно и в тепле дожить последние годы, и потому были одинаково безразличны как к британцам, так и к немцам, но они прекрасно понимали, что означает наше появление в Греции. Они знали, что теперь германское вторжение неизбежно, что их последующие зимы станут ещё тяжелее. Они вовсе не радовались нашему приезду.

В этом новом, непривычном мире мне вдруг стало не хватать Дикки с его картой. Я узнавал залив Фалерон, но очень хотелось понимать, что это за горы окружают нас, где находятся далёкие сосновые леса и что представляют собой многочисленные развалины античных сооружений, мимо которых мы проезжали почти всю дорогу. Наш водитель оказался единственным источником хоть какой-то информации. Он указал рукой на высокий памятник, возвышавшийся над домами слева: «Видите вон тот памятник наверху, сэр? Это мемориал британским солдатам и морякам». - «Что, уже?» — невольно вырвалось у меня. Мне совсем не хотелось демонстрировать пробелы в собственном образовании. Водитель рассмеялся: «Нет, сэр. Те ребята умерли уже очень давно. Там наверху находится специальное кладбище для английских и французских солдат и моряков, умерших здесь во время Крымской войны».

Позднее я решил проверить эту неожиданную информацию. Она оказалась совершенно верной. В последний период Крымской войны союзные войска действительно заняли порт Пирей, чтобы предотвратить возможные беспорядки после окончания войны. Многие французские и британские моряки нашли здесь своё последнее пристанище. Позднее, уже на севере, мы увидим ещё множество небольших холмов с военными захоронениями времён Первой Мировой войны, а за последующие шесть недель рядом с ними появится ещё очень много новых, только что насыпанных могильных холмов, где свежая земля смешается с прахом тех, кто давно уже вернулся в землю. Глядя на тот высокий памятник над Фалероном с его величественным саркофагом, я невольно подумал, какой памятник будут однажды показывать туристам над нашими собственными могилами. Эти довольно мрачные размышления были прерваны следующими словами водителя: «Вот аэродром, сэр. Раньше здесь был гражданский аэропорт, а теперь отсюда в основном действуют наши *Бленхеймы/Blenheim*, *Веллингтоны/Wellington* и *Гладиаторы/Gladiators*. Господи, помоги им, если немцы придут сюда на своих *Мессершмиттах/Messerschmitt*». Я невесело подумал о быстрых, смертоносных германских истребителях и о медлительных бипланах *Гладиатор*, выглядевших в современном воздушном бою столь же нелепо, как утконос в мире, где уже давно восторжествовала эволюция. Мы пересекли небольшой мыс и выехали на другую приморскую дорогу. Она была значительно новее и гораздо привлекательнее той, что осталась позади. Шоссе плавно повторяло изгиб великолепной бухты и вело к залитому солнцем полуострову, укрывавшему небольшой посёлок, который спускался к пристани и прибрежным кафе. За крышами домов и светлыми стенами богатых вилл тянулся сосновый лес. Дальше он постепенно поднимался по крутым склонам горного хребта, вершины которого были покрыты снегом. «Красивое место, — сказал я. — Что это?» - «Это Глифада, сэр. Один из самых престижных пригородов Афин. Именно здесь вас и высадят. Лагерь разбит среди тех сосен, сразу за посёлком. Думаю, вам там понравится... если только погода не испортится».

Место действительно выглядело великолепно. Пока грузовик ехал по набережной между сверкающим морем и такой же яркой, ухоженной землёй, я испытывал острое наслаждение этим утром и просто радость оттого, что живу и нахожусь здесь. Немцы и итальянцы казались где-то очень далеко. Через несколько минут мы свернули налево с набережной на хорошо укатанную, хотя и не мощёную дорогу. Она проходила между рядом роскошных вилл. Потом машина затряслась на просёлке, уходившем в кустарник и сосновый лес. Лагерь находился на поляне, окружённой высокими деревьями. Мы выпрыгнули из грузовиков. Лица всех светились неподдельной радостью при виде этого места. Мы жадно вдыхали насыщенный ароматом сосны воздух, словно стараясь окончательно вытеснить из лёгких въевшийся запах дизельного топлива. Общее настроение лучше всех выразил Хэрри: — Вот это место! Самое подходящее для пикника. Именно так оно и выглядело, и всю следующую неделю мы фактически так к нему и относились.

Мы бросили свои вещи в выделенные нам палатки-колокола, после чего разошлись по расположению своих взводов. Следовало проверить, как разместились люди, и вообще показать им, что мы считаем своей первейшей обязанностью заботиться прежде всего об их благополучии, а уже потом — о собственном. По истечении вполне приличного времени, которое должно было свидетельствовать о нашей заботе и заинтересованности, офицеры постепенно снова собрались возле большой квадратной палатки, служившей

одновременно эскадронной канцелярией и офицерской столовой. Мы просто не смогли удержаться и развели рядом небольшой костёр. Было удивительно приятно бродить по лесу. Наши пустынные ботинки, так долго знавшие только рыхлый песок и пыль, словно радовались упругому ковру из сосновых иголок, но все ветки, которые мы собрали, успели отсыреть за долгую зиму, и разжечь их оказалось совсем непросто. Мы с большим трудом добились того, чтобы из костра хотя бы начал валить густой дым. Дикки, проявив достойную инициативу, одолжил у технического капрала кружку бензина. Отойдя на безопасное расстояние, он плеснул всё содержимое прямо на дымящуюся кучу веток. В следующую секунду вверх взметнулся огромный язык пламени. Огонь мгновенно помчался обратно по струе бензина, словно ослепительная молния. Огненная вспышка ударила прямо в кружку с остатками топлива. Раздался резкий хлопок. Дикки с диким воплем отлетел назад и растянулся на земле, а пылающая кружка, вращаясь, взмыла высоко в воздух. Несколько секунд все стояли в полном недоумении, не веря собственным глазам, а потом нас охватил такой неудержимый смех, что мы едва смогли заставить себя броситься тушить небольшие язычки пламени, которые разлетелись по земле и вспыхивали среди сосновой хвои. Самому Дикки, однако, было совсем не до смеха. Помимо того, что он пережил настоящий испуг, он ещё довольно сильно обжёг пальцы. Таким образом ему выпала сомнительная честь стать первым пострадавшим британской армии в Греческой кампании и первым пациентом доктора Макмиллана. Бимбо Уоррен пригрозил представить его к упоминанию в приказе «за глупость и неосторожность».

Мы всё ещё не имели ни малейшего представления о том, куда отправимся отсюда дальше и когда это произойдёт. Во время лёгкого обеда, проходившего в пятнистой тени деревьев, Бимбо сообщил нам, что во второй половине дня надеется получить какую-нибудь информацию от командира батальона. А пока мы могли развлечься, отправившись на пляж, все, кроме Дикки: ему предстояло остаться в лагере в качестве дежурного офицера «в знак признания его инициативности и выдающихся умственных способностей». По дороге к морю мы снова проходили между рядами пригородных вилл. Мы с некоторой завистью заглядывали в сады и в далёкие окна домов. Они напоминали нам обо всех тех удобствах мирной, цивилизованной жизни, которые теперь казались почти недостижимой роскошью. Мы увидели детей, игравших на лужайке того самого мира, где мужья каждый вечер возвращаются домой к шести часам, где их ждут домашние туфли, заранее приготовленные заботливой женой, и где жизнь течёт размеренно, соединяя спокойное довольство с почти совершенной скукой. Маленькая девочка звонко рассмеялась, переполненная детской радостью.

Я сказал Хэрри: — Ну что, не навеивает тебе мысли о топоте маленьких детских ножек и прочей семейной идиллии?

— Да брось ты свои циничные шуточки, — ответил он. — Признайся, ведь было бы здорово открыть вот эту калитку, пойти по дорожке к дому, а навстречу тебе уже бегут дети, едва услышав щелчок замка, и внутри тебя ждёт женщина.

Я заметил, как на молодых женатых офицеров постепенно опускается лёгкая дымка ностальгии и сказал: — Пожалуй... лишь бы только эта женщина не была моей женой. - Потом указал рукой вперёд: — А теперь взгляните туда. Где ещё вы увидите подобную картину? В Далидже (*тихий и зеленый район Лондона - ВК*)? Или в Ишере (*богатый и престижный пригород Лондона*)?

Мы уже вышли на набережную. Изогнутый берег бухты обрамлял море невероятной синевы. Где-то далеко, почти незаметно, эта лазурь сливалась с голубизной неба. Два каика с белыми парусами и стоя чаяк, словно застывших в неподвижности, выглядели точь-в-точь как иллюстрация в туристическом журнале.

— Я с тобой согласен, Боб, — сказал Оксо. — Пошли выпьем вон в той забегаловке.

Немного левее в море выдавался небольшой каменный пирс. На самом его конце стоял маленький ресторанчик, словно свесивший ноги прямо в воду. На солнце ждали посетителей столики с клетчатыми скатертями, за одним из них сидел невероятно

толстый мужчина. Он лениво потягивал свой напиток и задумчиво смотрел вдаль. Единственными, кто нарушал тишину, были стайки мальчишек, носившихся среди прибрежных скал. Казалось, больше здесь не было ни души. Мы подошли и заняли один из свободных столиков. Толстяк мельком взглянул на нас, кивнул и снова уставился за горизонт. Из полутёмного помещения ресторана появился официант. Создавалось впечатление, будто его только что буквально вытащили из заслуженной пенсии.

Он произнёс что-то вроде: — «Ористе, сас паракало...» Мы стали изображать руками и губами, что хотим выпить. «Не... Не... Бира?» - он вопросительно произнёс слово «пиво». Мы дружно покачали головами: пиво совершенно не подходило к этому месту. Среди моря, соснового леса и заснеженных гор существовал лишь один по-настоящему уместный напиток — вино этой страны. Толстяк как раз пил какую-то жёлтую жидкость из бутылки. Я указал на неё. Официант понимающе закивал: «А-а... Коньяк,» — сказал он и исчез в глубине ресторана прежде, чем мы успели его остановить. Если это действительно было национальное вино Греции, то ничего особенно античного или классического в нём не чувствовалось. Напиток оказался крепким, обжигающим и весьма суровым. После двух рюмок на каждого мы уже начали искать себе какое-нибудь развлечение. «Послушайте, что поют эти ребятишки, — сказал я. — По-моему, это очень напоминает *The Woodpecker's Song*». Так оно и оказалось. Это действительно была *The Woodpecker's Song*. Незнакомые греческие слова совершенно правильно ложились на хорошо знакомую мелодию, хотя понять их мы, конечно, не могли. Потом мы начали различать слова, которые повторялись в начале каждого куплета: «Бенито Муссолини». Они удивительно хорошо совпадали с первыми тактами мелодии. Очень скоро мы запомнили достаточно греческих звуков — и выпили достаточно коньяка, — чтобы уже суметь исполнить первую строчку. Получалось примерно так: — «Бенито Муссолини! Эс кела тена мене...» Сначала мы попробовали спеть её пару раз довольно робко, но вскоре уже во весь голос распевали вместе с тонкими детскими голосами и пронзительными свистками, доносившимися с соседних скал. Ребятишки окружили нас, смеясь и подсказывая слова. Толстяк широко улыбнулся. С большим трудом поднялся со своего места, подошёл к нашему столику со своей бутылкой и наполнил наши рюмки, затем уселся рядом с нами, всё время довольно улыбаясь и покачивая головой в такт песне.

Официант, словно повинувшись какому-то молчаливому взаимопониманию, без всяких просьб принёс ещё одну бутылку. Солнце медленно опускалось к горным вершинам над далёким Коринфом, и море, расстилавшееся перед нами, постепенно меняло цвет — сначала с ярко-синего на розовый, а затем на густой тёмно-красный.

— Чёрт побери! — воскликнул Оксо. — Уже четверть шестого! Мы ведь должны были вернуться к пяти!

Мы поспешно вскочили на ноги. Руки сами собой полезли в карманы.

— И как, чёрт возьми, мы теперь будем расплачиваться? — спросил Хэрри.

— Попробуй ты, — предложил я.

— Да у нас нет ни одной греческой драхмы, невежественный бур!

— А чем тебе не нравится фунт стерлингов? Он ведь пока ещё свободно обменивается, разве нет?

Поскольку Хэрри оказался нашим невольным представителем, он достал банкноту в один фунт стерлингов и с некоторым сомнением протянул её официанту. Но толстяк быстро вытянул руку и остановил банкноту буквально на полпути. «Паракало! Паракало! Пожалуйста! Пожалуйста!» — энергично замахал он руками. Затем коротко кивнул официанту. Тот понял без слов, убрал со стола пустые бутылки и стаканы, не проявив ни малейшего желания принять деньги. Мы обменялись со всеми рукопожатиями. Мальчишкам, превратившимся за это время в наших слушателей, раздали горсти мелочи и несколько шестипенсовиков. После этого поспешили обратно через сосновый лес. Когда мы подошли к эскадронной палатке, последние звуки песни про Бенито Муссолини ещё витали среди деревьев. Бимбо уже яростно грыз свою трубку. «Ах вы, распушенная

шайка банковских клерков! — загремел он. — Господи Боже, я чувствую ваш запах ещё отсюда! Что это вы, чёрт возьми, пили? Денатурат? Когда же вы наконец поймёте, что служите в армии? В армии пять часов означает пять часов — и трезвыми! А не половина шестого — и пьяными! Когда я был младшим офицером...» Дальше последовала длинная тирада. Бимбо великолепно изображал праведный гнев. Причём, по-моему, получал от этого ничуть не меньше удовольствия, чем мы сами. Дикки сидел с самодовольной улыбкой, явно наслаждаясь тем, что сегодня достаётся не ему одному. Наконец Бимбо немного успокоился.

— Ну а теперь, если хоть кого-нибудь из вас, гражданских по складу характера, всё ещё интересует война, сообщу последние новости. Хотя их, честно говоря, немного.

Он поморщился и добавил:

— Ради Бога, Оксо, отодвинься подальше. Сядь на другом конце стола. От тебя разит так, будто ты только что вылез из выгребной ямы на спиртовом заводе.

Мы дружно рассмеялись.

— Конвой с нашими танками должен прибыть сегодня ночью в Пирей. Завтра утром их начнут выгружать. После обеда, ровно в тринадцать тридцать, всем командирам танков явиться для получения своих машин. Как только приведёте танки сюда, первым делом займётесь маскировкой. Затем сразу приступите к техническому обслуживанию. К моменту выступления каждый танк должен быть готов к бою на сто процентов. Он начал загибать пальцы:

— Двигатели, гусеницы, пушки, радиостанции, в общем — всё.

— Когда мы, вероятнее всего, вступим в бой, сэр? — спросил кто-то.

— Тогда, когда и там, где найдём немцев, чтобы стрелять в них.

Бимбо посмотрел на Хэрри Мэгрейта.

— Если вам известно, когда именно и где это произойдёт, мистер Мэгрейт, то, уверен, генерал Уилсон — не говоря уже о генерале Уэйвелле и мистере Черчилле — будет чрезвычайно рад услышать ваши соображения. Ладно. Пока всё. Есть вопросы?

— Сэр... — нерешительно начал я. — А есть ли возможность попасть в Афины?

— Я так и думал, что именно вы зададите этот вопрос.

Он улыбнулся: — Вообще-то такая возможность есть. Каждый день организуется транспорт в Афины и обратно. - Он достал список: - Вот график дежурств офицеров. Он составлен по алфавиту. Значит, Крисп завтра дежурит.

Потом продолжил: — Организуйте работу своих взводов так, как сочтёте нужным, лишь бы были уверены, что ваши танки находятся в полной исправности. Завтра можете отпустить часть людей в город. Возвращение — к пятнадцати ноль-ноль.

— А как быть с караулами, сэр?

— Старший сержант эскадрона уже составляет график дежурств по лагерю. Все, кто не находится в наряде и не занят обслуживанием техники, могут ехать в город.

Он на мгновение замолчал. Потом сказал уже совсем другим тоном:

— Пользуйтесь возможностью развлечься, пока у вас ещё осталось немного времени. - После этого посмотрел прямо на меня: — И запомните, Крисп: Парфенон — это древний храм, а вовсе не название какого-нибудь паба. Так что считайте поездку прекрасной возможностью повысить свой эстетический уровень.

Кто-то негромко рассмеялся.

— Все сведения о получении и обмене денег можно узнать у адъютанта.

— Неужели никто до сих пор не знает, куда мы отсюда отправимся дальше? — спросил Оксо.

Бимбо усмехнулся: — Даже если бы кто-то и знал, Оксо, я бы первым делом запретил ему рассказывать об этом именно вам.

Все снова засмеялись.

— Вы бы тут же прошептали всё на ушко первой же девушке, которая вам встретится.

Затем его лицо вновь стало серьёзным:

— Кстати, раз уж речь зашла об этом... Афины буквально кишат шпионами и осведомителями. Соблюдение секретности имеет первостепенное значение. Никто ни при каких обстоятельствах не должен обсуждать с посторонними или в общественных местах ничего, что имеет хоть какое-то военное значение.

Он внимательно оглядел нас: — Всем ясно?

Мы молча кивнули. На этот раз — совершенно серьёзно.

— Хорошо. Подъём в семь часов, завтрак — в восемь. Дикки, скажите Маллигану, чтобы принёс два больших стакана виски. А эти молодцы уже выпили вполне достаточно.

На следующее утро, после того как я несколько часов провёл, обходя расположение взводов, проверяя санитарное состояние лагеря и устройство полевых кухонь, группа, отправлявшаяся в Пирей, уехала, и я остался в лагере почти один. Вокруг царили удивительное спокойствие и тишина. Костёр лениво тлел. Размеренный стук топора по дереву приятно смешивался с робкими голосами птиц, словно обитатели этого вечнозелёного леса уже ощущали незаметное ещё человеческому глазу приближение весны. Накопилась довольно большая пачка солдатских писем, ожидавших военной цензуры. Я устроился поудобнее и принялся за работу. Солнце приятно согревало мне спину. От костра шло тепло к подошвам ботинок. Как это обычно бывало после любого крупного передвижения войск, письма были полны самых изобретательных намёков, с помощью которых солдаты пытались сообщить родным, что находятся уже совсем не там, где те их себе представляли. Например: «Не могу найти в своих ботинках больше ни одной песчинки. Очень скоро мы, наверное, будем бросаться друг в друга снежками». Или: «Чёрт возьми, сосновые иголки здорово колют ноги, когда попадают в носки». Или ещё: «Нам запрещено говорить вам, где мы находимся, но, уверен, у греков для этого места есть какое-то название». С сожалением я вычёркивал подобные строки. Работа цензора всегда вызывала у меня такое же отвращение, какое у солдат вызывала сама мысль о существовании цензуры. Честно говоря, слишком добросовестным цензором я никогда не был, тем более в данном случае. Необходимость соблюдать строгую секретность казалась мне весьма сомнительной, поскольку любой германский чиновник, ещё остававшийся в Греции, мог просто выйти на тротуар возле пирейского порта и спокойно пересчитать все наши танки, проезжавшие мимо. Если бы им захотелось, они вполне могли бы ещё и помахать нам маленькими красно-чёрными флажками со свастикой или пригласить зайти выпить по стаканчику.

Ровно в назначенное время грузовик вернулся из Афин. Я подошёл посмотреть, в каком состоянии находятся мои люди. Было совершенно очевидно, что многие из них всё ещё пребывали под впечатлением величественных памятников древней истории. Некоторые же находились просто под воздействием выпитого. Впрочем, ничего серьёзного не произошло, если не считать ужасного запаха аниса.

— Что это они там, ради всего святого, такое пили, капрал? — спросил я старшего подофицера.

— Говорят, сэр, какая-то штука называется «узо» ... или вроде того.

— Точно, сэр. Узо. С ним лучше быть осторожнее. С виду — самая настоящая вода. Но стоит только добавить в него немного воды, как оно сразу становится совершенно белым. А на вкус — прямо как [леденцы bullseyes](#)... только, само собой, куда крепче.

— Спасибо за совет.

Я улыбнулся:

— А теперь позвольте и мне дать вам один. Идите и выпейте столько воды, сколько сможете. Это самый дешёвый способ избежать похмелья.

Я оставил их заниматься своим здоровьем и вернулся к письмам. Через несколько минут до нас донёлся знакомый далёкий грохот, сопровождавшийся металлическим лязгом. Потом из-за деревьев начали появляться танки. Они двигались через лес медленно, словно стадо допотопных чудовищ, мирно пасущихся среди сосен. Тихая, наполненная ароматом хвои лесная идиллия была мгновенно разрушена шумом и запахом цивилизации двигателей внутреннего сгорания. Один взвод за другим машины неторопливо входили на заранее подготовленные стоянки. Наконец, после нескольких последних коротких, отрывистых рыков двигателей, всё снова погрузилось в благословенную тишину. Но казалось, что леса Глифады уже никогда не станут такими, какими были прежде. Высокие сосны с их почти непроницаемыми кронами сами по себе обеспечивали превосходную маскировку. Тем не менее мы всё равно развернули маскировочные сети, закреплённые на корме каждого танка, скорее для того, чтобы скрыть машины от случайных прохожих, чем от настоящего противника. Лично мне вся эта процедура в данных обстоятельствах казалась довольно бессмысленной. Единственным её достоинством было то, что возможные агенты противника могли издали впечатлиться внушительными размерами наших грозно выглядевших боевых машин, и при этом не могли подойти настолько близко, чтобы обнаружить, насколько они на самом деле несовершенны.

Танк был британским изобретением времён ПМВ. Однако в межвоенный период Германия значительно опередила Великобританию в области разработки и совершенствования бронетанковой техники. Причина заключалась не только в том, что Германия целенаправленно готовилась к новой войне, тогда как Британия — нет. Большую роль сыграли и самодовольство, царившее в британском Военном министерстве, и целый ряд ошибочных представлений о развитии танковых войск. Я очень хорошо помню, как в 1938 году один весьма высокопоставленный специалист с полной уверенностью заявил мне, что Великобритания опережает Германию — да и вообще все остальные страны — в области танкостроения по меньшей мере на два года. Итоги этой самоуверенности слишком наглядно проявились уже в первые три года войны. Они были очевидны и здесь, в Глифаде, где под соснами лениво стояли наши древние A9, A10 и несколько более современные A13.

Военное министерство и правительство едва ли можно было упрекать за то, что во время разгрома Франции было потеряно около семисот танков. Но их вполне можно было упрекнуть за то, что это были именно A9 и A10. Не вдаваясь в технические подробности, достаточно сказать, что лёгкие и средние танки, которыми была вооружена 1-я Бронетанковая Бригада в Греции, обладали слишком слабой бронёй, недостаточно мощным вооружением и крайне ограниченной проходимостью по тяжёлым грунтам, вполне обычным в конце зимы. Греческое население, разумеется, ничего этого не знало. И, должно быть, зрелище было действительно впечатляющим, когда эти огромные, с почти отвесными бортами машины одна за другой выползали из трюмов *Clan Macaulay*, а затем, грохоча гусеницами и ревя моторами, двигались по булыжным улицам, которые прежде никогда не ощущали тяжёлой поступи танковых траков. Это был заразительный момент военного воодушевления. Он мгновенно передался людям, выбегавшим из домов и лавок при звуке приближавшейся колонны. Экипажи моих танков потом рассказывали, какой восторженный приём им устроили. Повсюду слышались крики: «Аэра!» Женщины бросали на башни венки из цветов, а перед гусеницами рассыпали букеты. Мне было искренне жаль, что я всего этого не увидел. Для меня подобные сцены были неотъемлемой частью войны. Именно они создавали тот эмоциональный подъём, который временами почти заставлял думать, что всё происходящее имеет какой-то смысл.

В лагере под Глифадой экипажам не нужно было объяснять, чем заниматься. Большинство танкистов уже успели по-настоящему привязаться к своим бронированным машинам, особенно кадровые экипажи, пережившие катастрофу под Кале. Одним из главных аспектов их своеобразного профессионального настроения было постоянное стремление поддерживать танк в полной боевой готовности: двигатель должен работать, пушка — стрелять, радиостанция — действовать. Всегда. Танки Эскадрона С мы не видели уже очень давно. Фактически — с тех самых пор, как их погрузили на транспортные суда ещё в Ливерпуле. В вентиляционных жалюзи моторных отделений и на полу башен всё ещё оставался своеобразный мусор, напоминавший об Англии. Экипажи без всяких приказов с энтузиазмом принялись за работу. Существовал ещё один старый обычай: каждый танк получал собственное имя, его аккуратно наносили на бок башни. К этому относились почти с нежностью — примерно так же, как дают кличку любимой собаке. Имя словно придавало машине индивидуальность, а для людей, проводивших внутри танка большую часть своей жизни, это ощущение было вполне реальным. Разумеется, и здесь существовала строгая система. Все танки Эскадрона А должны были получать имена на букву А, а Эскадроне В — на букву В, и так далее. Совершенно естественно, что чаще всего выбирали женские имена, но поскольку каждый эскадрон состоял из четырёх взводов по три танка плюс четырёх машин штабного взвода, очень скоро выяснилось, что жён, невест, сестёр и дочерей попросту не хватает. В Эскадроне С недостатка в женских именах не наблюдалось, однако следовало избегать повторений. Если возникал спор, решение принималось по старому армейскому принципу - при отсутствии взаимного согласия преимущество отдавалось по старшинству, правда, старшинству не девушки, а солдата, поэтому Хэрри без всяких проблем получил право написать на своём танке имя Cecilia. Этим он создал определённую трудность для двух остальных командиров танков своего взвода. Сержант быстро решил вопрос - второй танк получил имя Cynthia, а вот дальше возникла заминка. После долгих коллективных размышлений всей памяти взвода наконец удалось извлечь имя *Cymbeline*. «У одного из наших ребят есть девушка по имени Сибил, — объяснил Хэрри. — Мы решили, что Сибил — это английский перевод греческого имени Кимбелина». Объяснение выглядело достаточно убедительно, хотя само имя занимало на башне слишком много места. У Оксо подобных трудностей не возникло. Для двух первых машин он легко нашёл имена *Catherine* и *Clara*. Зато экипаж третьего танка был совершенно потрясён, когда получил название *Columbine*. Оксо поспешил их утешить. Он заявил, что, хотя лично никогда не встречал ни одной Коломбины вне театральной сцены, в Афинах наверняка найдётся несколько таких девушек, и тогда экипаж сможет претендовать на определённые привилегии.

Дикки, служивший прежде на Северо-Западной границе Индии, черпал вдохновение именно там. Очень скоро на серой броне его трёх танков жёлтыми буквами появились названия: *Cawnpore*, *Calcutta* и *Calicut*. Сам я в тот момент совершенно не думал о девушках. Как подобает настоящему журналисту, мыслившему газетными штампами, я выбрал три слова: *Cool*, *Calm*, *Collected*/Хладнокровный, Спокойный и Собранный. Надо признать, что эти названия едва ли соответствовали характеру самих машин, разве что последнее. Бимбо подошёл к этому вопросу чрезвычайно серьёзно. Он не мог позволить себе ни легкомыслия, ни двусмысленности. Штабной взвод всегда обязан был служить примером как на поле боя, так и вне его. Однако задача оказалась для него неожиданно трудной. В конце концов он приказал нам всем вместе придумать четыре благозвучных названия для штабных танков. Мы уже достаточно намучились со своими собственными идеями и заявили, что подобное задание гораздо лучше поручить Тоби, заместителю командира эскадрона, который сам ездил в одном из штабных танков. Кроме того, мы весьма деликатно заметили, что Тоби, как кадровый офицер, почти наверняка обладает значительно большим запасом ума, чем мы — простые банковские клерки, как любил нас называть Бимбо.

— Это приказ, — сказал Бимбо, тем самым положив конец всяким спорам.

— А как насчёт чего-нибудь подходящего? Например, имён греческих богинь? — предложил я. — Наверняка среди них найдётся не один десяток на букву С.

Бимбо задумчиво посмотрел на меня:

— Вообще-то, Боб, идея не такая уж плохая. И раз уж она принадлежит тебе, то ты и подберёшь для меня четыре имени греческих богинь... к завтрашнему полудню. И смотри — приличных.

Я мрачно задумался. Навскидку я не мог вспомнить ни одной. Дикки бодро вмешался: — Есть ведь какая-то богиня по имени Каллистеникс, правда?

— Неужели вы никак не можете выбросить из головы этих танцовщиц? — проворчал Бимбо. — Добудьте мне имена четырёх почтенных богинь, Крисп. И чтобы их ещё можно было без труда написать по буквам.

И тут меня осенила удачная мысль: — Отправьте меня дня на два в Афины для научных исследований — и я непременно их вам найду.

Бимбо задумчиво затянулся своей неизменной трубкой: — Вообще-то нет никаких причин, почему бы всем вам не съездить в Афины, если хочется.

Он сделал паузу: — Кроме дежурного офицера, разумеется. — Я отвезу вас туда на штабной машине. Только заранее выясните, во сколько возвращается последний дежурный грузовик. Половину ваших экипажей можно отпустить завтра, вторую половину — послезавтра.

И тут же снова посерьёзnel: — Но помните: ваша главная задача — подготовить танки к бою.

Наш офицерский клуб был счастливым. Да и весь наш эскадрон был счастливым. Разумеется, мы считали себя лучшим эскадроном во всём батальоне. И были совершенно уверены, что у нас самый лучший командир эскадрона. Но будущего вместе у нас не было. Тоби и Дикки, вместе примерно с половиной танковых экипажей, вскоре останутся в Греции. Бимбо, Оксо и Хэрри окажутся достаточно невезучими, чтобы выбраться отсюда... обратно в пустыню. Там они и лежат до сих пор. Над ними — лишь простые кресты, возвышающиеся над песками. А вот этот человек... тот, кто пишет эти строки... остался жив, хоть и слегка потрёпанный жизнью, чтобы рассказать о них.

Глава 5

Такси доставило нас по современной дороге к подножию Акрополя, туда, где когда-то жители древних Афин собирались в [театре Диониса](#). Здесь мы вышли из машины, Дикки, Хэрри и я. Мы медленно поднялись по тропинке, проходившей среди развалин храмов, алтарей и портиков. Казалось, здесь до сих пор обитали тени древних греков - тени Перикла, Афродиты, Афины, Фемистокла... Мы поднимались по высеченным в скале ступеням к [пьедесталу Агриппы](#), остро ощущая, как наши подкованные армейские ботинки оскверняют камень, отполированный тысячелетия назад лёгкими сандалиями людей древности. И вдруг... на этой вершине холма... нас словно окружило всё величие древней Греции. Я знаю за собой одну слабость - я чрезвычайно восприимчив к руинам. Мне всегда кажется, что долгое соприкосновение с человеком каким-то образом оживляет даже безмолвные камни. Они становятся доказательством бессмертия. Формой существования человечества после его исчезновения. Кто способен смотреть на Парфенон... или стоять под совершенством его колоннады... и видеть лишь пентеликонский мрамор и сложнейшую архитектурную конструкцию, благодаря которой это сооружение и сегодня остаётся одним из самых совершенных зданий в мире? Это ведь триумф человеческого разума, воплощённого человеческими руками. Душа прошедших веков наполняет Акрополь точно так же, как она наполняет [серые стены Зимбабве в Родезии](#). Но если древний Зимбабве даже после смерти производит впечатление чего-то жестокого и мрачного, то стройные каннелированные колонны Парфенона кажутся такими же живыми и чистыми, как девушки, ради которых этот храм когда-то был воздвигнут. Я поймал себя на том, что с благоговением касаюсь холодного

мрамора, пронизанного голубыми жилками, словно прикасаюсь к холодному телу умершего ангела.

— В конце шестого века до нашей эры, — монотонно говорил экскурсовод, — по всей вероятности, по инициативе [Клисфена](#) было принято решение построить совершенно новый храм. Работы действительно начались. Был сооружён стереобат, то есть основание будущего дорического храма, сложенное из тщательно обработанных каменных блоков...

Этот плавный, безжизненный голос мгновенно вернул меня из мира древности обратно в современность — в мир армейских гимнастёрок, обмоток и фотоаппарата, висевшего у меня на плече. Фотоаппарат я купил всего час или два назад, заплатив за него восемь только что полученных у армейского казначея банкнот достоинством сто драхм каждая (по курсу того времени 100 драхм равнялись примерно \$0.60 - \$0.70 США). Касса располагалась сразу за королевским дворцом. И первые снимки, которые я сделал своей новой камерой, были фотографиями *эвзонов* (солдаты элитного подразделения греческой армии — ВК), стоявших на карауле. Несмотря на все их пышные украшения, длинные белые чулки и ботинки, больше похожие на балетные туфли, они выглядели чрезвычайно суровыми и вполне способными постоять за себя. Сам фотоаппарат, что неудивительно, оказался немецкого производства. Но гораздо сильнее меня удивило другое - пока мы неторопливо разглядывали витрины магазинов по дороге от площади Конституции к площади Омония, я заметил, насколько велико было количество выставленных товаров германского производства. Совершенно очевидно, что между двумя странами существовала весьма оживлённая и взаимовыгодная торговля. Это помогло мне немного лучше понять ту странную сдержанность, почти равнодушие местных жителей, которое я ощущал с самой минуты нашего прибытия в Грецию. Даже цветы, которыми нас встречали, не могли полностью скрыть этого чувства. Оно продолжало окружать нас и теперь, когда мы сидели за столиками на широких тротуарах площади Омония, медленно потягивая местное вино. Мы заглянули в торжественно-элегантный отель *Grand Bretagne*, чтобы выпить ещё по рюмке, а затем пообедали в ресторане, где совершенно не было молодёжи, зато недостатка в посетителях не ощущалось благодаря нескольким важного вида офицерам греческой армии и целой компании светлокожих иностранцев, которых мы тут же единодушно объявили немецкими шпионами.

В те дни каждая светловолосая или рыжеволосая женщина казалась нам подозрительно привлекательной. Каждый из нас уже обзавёлся разговорником греческого языка, и мы старательно демонстрировали окружающим свои новые познания. Правда, весь наш словарный запас ограничивался тремя приветствиями в зависимости от времени суток: *калимера* — доброе утро, *калиспера* — добрый вечер, *калинихта* — спокойной ночи. Мы произносили их при каждом удобном случае, тщательно воспроизводя звуки по разговорнику, но в ответ обычно получали лишь вежливое повторение этих слов без особого энтузиазма. Вечером мы неторопливо прогуливались между *Maxim* и *Argentine* — двумя самыми фешенебельными ночными клубами Афин. В сущности, они мало чем отличались от ночных заведений Александрии, Каира или любого другого города мира: тяжёлые портьеры, мишурный блеск украшений, полутёмные уголки, столы, покрытые скатертями, столовые приборы, суетливые официанты, бар, оркестр, шум голосов, девушки, застывшие в ожидании, которых, казалось, можно было встретить уже сотни раз прежде... и мужчины, думающие о них и о том, как сложится предстоящая ночь. Но здесь нас ожидал весьма неприятный сюрприз. Греческим девушкам запрещалось танцевать. Это тоже считалось их вкладом в военные усилия страны и поддержание боевого духа солдат на фронте. Предполагалось, что мужчины должны думать об итальянцах, а не мучиться бесплодными размышлениями о том, чем в это время занимаются дома их возлюбленные. Поэтому танцовщицы и артистки афинских ночных клубов проявляли тот же патриотизм, что и женщины днём, — сохраняя столь же неприступную недоступность своих тел, с какой мужчины защищали страну на фронте.

Самым естественным местом оказался бар. Поставив ногу на латунную перекладину, словно сама собой нашедшую своё место, мы начали обычную предварительную

разведку взглядом. За столиками сидело несколько девушек-хостес. Оксо, с непринуждённостью завсегдатая лондонского Вест-Энда, очень скоро уже оживлённо жестикულიровал, беседуя с одной из них. Моё внимание привлекла привлекательная темноволосая девушка, сидевшая за столиком вместе с полноватым маленьким мужчиной. Он был совершенно лыс, с румяными щеками и весьма штатским видом. Девушка бросила на меня взгляд, в котором приглашение читалось совершенно недвусмысленно. Я подошёл к их столику.

— Здравствуйте, — сказал я мужчине. — Вы случайно не немецкий шпион?

Он посмотрел на меня скучающим взглядом.

— Вообще-то — Хэмпстед, северо-западный Лондон.

— Господи! Да я уже полгода не видел ни одного английского гражданского! Что вы здесь делаете?

— Компания *Shell*.

Он по-прежнему говорил с тем же ленивым равнодушием.

— А вы что здесь делаете?

— Ну... боюсь, что о том, что не очевидно, я рассказывать не могу... — начал было я.

Он перебил меня.

— Я имею в виду — что вы делаете за моим столиком?

В этот момент я почувствовал, как девушка под столом крепко прижалась ногой к моей ноге. Наглый штатский. Я молча взял стоявшую перед ним почти пустую бутылку лагера и вылил её содержимое ему прямо на гладкую блестящую лысину. Он даже глазом не моргнул.

— Пойдёмте танцевать, — сказала девушка.

Я удивлённо посмотрел на неё, но спорить не стал. На танцевальной площадке мы оказались единственной парой.

— Как вас зовут?

— Никки. А вас?

Я сразу уловил в её речи иностранный акцент.

— Скажите, Никки, вас не расстреляют за то, что вы танцуете со мной? Я имею в виду — власти, а не того господина.

Она рассмеялась.

— Нет. Мне можно танцевать, потому что я британская подданная.

— Вот как? Дайте угадаю... Кипр? Мальта? Маврикий?

Она презрительно покачала головой.

— Нет, нет! Я гречанка. Родилась здесь, в Афинах.

— Тогда как же вы стали британской подданной?

— Потому что в прошлом месяце я вышла замуж за британского полковника. Теперь я британка. Поэтому мне можно танцевать.

— Ну... поздравляю, — сказал я.

И вдруг меня осенила неприятная мысль.

— А тот человек за столиком — это, случайно, не ваш муж?

Она скорчила недовольную гримасу.

— Нет. Мой муж — полковник Шотландской Гвардии.

Она назвала мне его фамилию и свою новую фамилию, произнесла древнее кельтское имя с отчётливым средиземноморским акцентом. Музыка закончилась. Мы вернулись к столику, где Никки оставила пудреницу, сигареты... и маленького сотрудника компании *Shell*. Но его уже не было к её явному удовольствию и к моему облегчению. И вдруг мне стало очень не по себе: я поймал себя на мысли, что не уверен, осмелился бы я вылить пиво на голову человеку покрупнее. С тяжёлым чувством пришлось признать самому себе: возможно, нет. Иногда и сейчас я представляю себе этого маленького лысоватого человека, сидящего за длинным столом в зале заседаний штаб-квартиры компании *Shell* в *City Gate House* на Финсбери-сквер. Пожалуй, извиниться перед ним ещё не поздно.

В ночных клубах новости распространяются удивительно быстро. Хотя после знакомства с её новым мужем и новым паспортом Никки перестала меня интересовать, я всё же испытал некоторое удовлетворение, отбивая многочисленные кавалерийские и ещё более прямолинейные танковые атаки со стороны других дам. В конце концов я оставил её среди тех счастливиц, которым не нужно было возвращаться в лагерь последним дежурным грузовиком. Мы долго ждали Оксо в холодной, тёмной ночи Афин. Город, как и почти вся остальная Европа, был полностью затемнён, но он так и не появился. В конце концов нам пришлось возвращаться в лагерь без него. Он явился только на рассвете. Небо уже начинало сереть. Оксо ворвался в палатку, стряхивая снег с шинели, и с величайшим возмущением принялся жаловаться на дороговизну жизни. По его словам, поездка на такси обошлась ему дороже, чем сама девушка. Мы лишь поглубже забрались в свои спальные мешки. До подъёма оставался ещё целый час. Почти всё это время мы слушали чрезвычайно забавный, хотя и весьма рискованный по содержанию, рассказ Оксо о его ночных приключениях. Наконец он уснул, продолжая что-то сонно бормотать о невероятном количестве драхм, которое пришлось отдать за такси.

На следующее утро мы проснулись уже в совершенно другом мире. За одну ночь вечнозелёные сосны неожиданно стали совершенно белыми. Низкие облака нависли прямо над лагерем, словно заключив нас в тесный снежный купол. Мы разожгли костёр ещё сильнее. Вокруг большого яркого пламени стояли люди с кружками горячего чая в руках. Мы грели ладони о металл кружек и молча наблюдали, как снежинки, попадая в горячий воздух над огнём, мгновенно исчезали без следа. Бимбо вернулся из штаба батальона. Он сообщил новости. Наш тыловой эшелон — колонна снабжения и транспортных машин категории Эшелон *B* — выдвинулся ещё накануне вечером, но уже успел застрять в снежных заносах в горных проходах севернее Афин. Танки вместе с экипажами должны были отправляться поездом на следующий день. Лишь одна железнодорожная станция на другой стороне города имела специальную погрузочную рампу, пригодную для танков, поэтому ранним утром следующего дня, ещё до рассвета, нам предстояло скрытно выйти туда под покровом темноты.

— Куда мы направляемся? — почти одновременно спросили мы.

Бимбо ответил:

— Из Афин на север ведут всего две железнодорожные линии.

Он ткнул пальцем в карту.

— Мы поедем по той, что идёт в сторону Салоник. Потом свернём на запад, пока не доберёмся до места под названием Аминтеон. Если внимательно посмотрите на карту, найдёте его. Там мы и выгрузимся.

— А дальше, сэр?

— Пока ничего больше сказать не могу.

Он пожал плечами.

— Надеюсь, узнаем всё уже на месте.

Потом продолжил:

— Те, кто ещё не был в Афинах, могут съездить сегодня утром. Но к обеду должны вернуться. — С наступлением сумерек выстроимся на дороге, ведущей из леса.

Он начал перечислять:

— Штабной взвод — впереди, девятый, десятый, одиннадцатый, двенадцатый, сразу за нами начнёт погрузку Эскадрон А, поэтому никаких задержек — ни в дороге, ни на станции.

Последнее распоряжение прозвучало особенно сурово:

— Подъём завтра — в час ночи. В свой танк я сяду ровно в два часа.

Мы невольно поёжились. От одной только мысли о короткой ночи, ледяном ветре и снегопаде становилось холоднее. Но этот холод смешивался с другим чувством — возрастающим волнением перед новым маршем. Он должен был привести нас к самым северным границам страны, где нас уже ожидал завтрашний противник. Никто не испытывал сожаления, покидая даже такое приятное место, как Глифада.

— Вот ваши греческие богини, сэр, — сказал я Бимбо. — Во всяком случае, можно сделать вид, что это богини.

Он озадаченно посмотрел на меня.

— Ах да... Совсем забыл. Кто же они?

— *Calliste, Calliope, Camilla, Clytemnestra*, есть ещё одна-две, но...

Бимбо махнул рукой.

— Оставьте их себе. У нас не хватит ни времени, ни краски.

Потом сразу перешёл к делу.

— Передайте своим радистам: сегодня в пятнадцать часов будет батальонная радиосеть. Во время марша радиомолчание не нарушать. Исключение только одно — если танк сломается или потеряется.

Он посмотрел на нас.

— И лучше бы не случилось ни того, ни другого.

В офицерской палатке мы собрались вокруг единственной карты, которую нам выдали. Чёрная линия железной дороги, испещрённая всеми условными обозначениями, которые мы когда-то так усердно зубрили в *OCTU (Officer Cadet Training Unit – офицерская школа)* — выемки, насыпи, железнодорожные переезды, — извивалась на север среди тесно прижавшихся друг к другу горизонталей. Лишь изредка она выпрямлялась, пересекая редкие зелёные равнины. Почти параллельно ей тянулась красная линия главной автомобильной дороги. Обе эти ниточки словно вместе свидетельствовали о том, насколько труднодоступной была окружающая местность даже для главных артерий цивилизации — и цивилизованных войн. Названия населённых пунктов, выделенные на карте жирным шрифтом и словно исполненные собственной важности, тогда ещё ничего для нас не значили: Ламия, Лариса, Флорина. Они пока не занимали никакого места в нашей жизни. Но среди условных обозначений вдруг появились скрещённые мечи. Рядом стояла короткая подпись: Фермопилы. Я ненадолго задумался. Перед глазами возникли героические спартанцы, и бесчисленные персидские полчища, спускавшиеся с севера по тем самым ущельям, по которым вскоре должны были двигаться и мы. Я поймал себя на мысли: если история действительно собирается повториться, повторится ли она столь же доблестно — хотя бы для нашей стороны? Это была лишь случайная мысль, простая историческая ассоциация. На самом деле наши мысли были заняты совсем другим. Мы всё ещё смутно представляли себе будущее как тяжёлое, но победоносное наступление через плодородные долины Югославии, через горные массивы Балкан к широкой долине Дуная, где нас будто бы ожидали виноградники с только что раздавленным виноградом и красивые крестьянские девушки. Палец, медленно скользивший по карте, указывал нам

названия Парнас и Олимп. В этом месте железная дорога почти прижималась к самому берегу моря, где простирались сверкающие под солнцем голубые воды Эгейского моря.

Боги и богини... веселые застолья... летние морские путешествия... Всё это осталось позади, когда железнодорожная линия, достигнув района напротив Салоник, резко повернула на запад и устремилась к горным бастиям Македонии. Там, в самом дальнем углу карты, после долгих поисков мы наконец обнаружили крошечную надпись: Аминтеон. Городок уютно расположился между двумя большими озёрами, оставив железной дороге лишь узкую полосу земли для прохода между ними. От границ Югославии и Албании его отделяли только Т-образное соединение горных хребтов и тонкая пунктирная линия государственной границы.

— Похоже, славное местечко, — тихо заметил Хэрри. И, думаю, большинство из нас в тот момент представляло себе скорее прогулки на лодках, рыбную ловлю и, пожалуй, ещё лыжные прогулки, чем войну, которая совсем скоро должна была обрушиться на нас через высокие горные перевалы. К востоку от Салоник лежала Фракия. Она словно дремала рядом с беспокойной, всё более оживлённой Болгарией. Мы знали, что немецкие войска уже входят в Болгарию, и понимали, что если вторжение в Грецию действительно начнётся, то удар последует именно оттуда. На этом наши знания практически заканчивались, да и они были лишь наполовину верны. Нам казалось, что Болгария находится довольно далеко от Аминтеона. Поэтому наши совершенно неискушённые в стратегии головы почти не обращали внимания на единственную дорогу, уходившую на юг у нас за спиной. Как я уже говорил, все наши взгляды были устремлены к Голубому Дунаю. Однако совсем другие люди смотрели на карту иначе. Для них эта дорога вызвала серьёзное беспокойство. В это время продолжалась напряжённая дипломатическая деятельность британского министра иностранных дел: он отчаянно пытался убедить Югославию и Турцию вступить в войну на стороне союзников, но добиться смог лишь одного. Обе страны заявили о твёрдом намерении сохранить нейтралитет и защищать лишь собственную территорию. Регент Югославии, принц Павел, добавил, что хотя он и не позволит иностранным войскам проходить через страну, предсказать реакцию Югославии в случае германского наступления через Болгарию невозможно.

Истинная военная обстановка, которую тщательно скрывали от британских частей, участвовавших в операции, выглядела следующим образом. Греческое командование собиралось оборонять линию реки Нестос, расположенную восточнее Салоник, рассчитывая остановить ожидаемое вторжение германских войск через болгарскую границу. Генерал Уилсон считал этот план ошибочным. По его мнению, Великобритания не могла позволить себе рискнуть последними резервами, оставшимися на Ближнем Востоке, ради столь неудачно выбранной позиции. Он предложил иной вариант. Британские и греческие войска должны были совместно занять оборонительную линию по реке Альякмон, а бронетанковые части использовать перед этой линией. Наверное, здесь стоит упомянуть один любопытный факт. До самого прибытия на место ни я, ни кто-либо из моих ближайших товарищей даже не подозревали о существовании какой-то *Линии Альякмон*. Мы не знали ни того, где она находится, ни того, что её вообще собираются оборонять. Впрочем, это всё равно ничего не изменило бы. Решение принять предложение Уилсона было вынесено ещё до того, как 1-я Бронетанковая Бригада отправилась в Грецию. Однако греческое военное командование так и не реализовало этот план должным образом, да и британское высшее руководство вооружённых сил поддерживало его весьма неохотно. Военные риски, связанные с этой операцией были настолько очевидными, что вызвали серьёзные сомнения даже в Уайтхолле. Уинстон Черчилль, по-видимому, уже начал испытывать определённые колебания. Он особо подчеркнул «серьёзные последствия, которые могут возникнуть для империи в результате отправки австралийских и новозеландских войск в заведомо безнадёжное предприятие». Если бы тогда я знал обо всём происходившем, то, будучи южноафриканцем, вполне мог бы поднять в нашей эскадронной столовой несколько собственных «имперских вопросов».

Начальник Имперского Генерального Штаба, сопровождавший Энтони Идена на Ближний Восток, придерживался несколько более оптимистичного мнения. Он считал, что существует вполне реальная возможность, по крайней мере, вести длительные арьергардные бои в труднодоступной горной местности за линией Альякмона. Кроме того, он вновь подтвердил: греки, независимо от того, будут ли рядом союзники, полны решимости сражаться против Германии с тем же мужеством, с каким они воевали против Италии. Примерно в это же время Каир посетил [генерал Смэтс](#), личный друг греческого короля. После его визита все участники переговоров ещё больше укрепились в своём намерении продолжать начатое. Если военные риски были вполне очевидны, то перед Энтони Иденом стояла значительно более сложная дипломатическая задача. Ему необходимо было понять, что окажется хуже: военное поражение, которое может поколебать позиции Великобритании в глазах колеблющихся нейтральных государств и всего мира, или же полный отказ от каких-либо действий вообще. Само наше присутствие в Греции являлось свидетельством того решения, которое он принял. И никто из нас, пусть даже мы почти ничего не знали о политических обстоятельствах и практически не представлял себе всей безнадёжности военного положения и не сомневался, что это решение было правильным. Правда, никто не счёл нужным сообщить нам, что сразу после его принятия в Югославии начали происходить события исключительной важности. Германская дипломатия, подкреплённая открытой угрозой применения вооружённых сил, оказывала на регента всё более сильное давление, пытаясь заставить страну присоединиться к странам *Оси*.

Пока наш поезд неторопливо пыхтел по живописным просторам Восточной Греции, мы, к счастью, ничего не знали обо всех этих мрачных закулисных событиях. Мы не подозревали, что северные горы, которые казались нам всего лишь неудобной естественной преградой между нами и будущими союзниками, очень скоро превратятся в линию обороны, линию, которая окажется столь же ненадёжной, как тонкая пунктирная линия государственной границы, нанесённая на карту.

Глава 6

В кромешной темноте афинской ночи мы с грохотом, рёвом моторов и лязгом гусениц двигались по окраинам города. Все были замёрзшими и раздражёнными. Никто не мог понять смысла этой мучительной ночной переброски. Ведь уже через день-два наш железнодорожный эшелон с танками всё равно будет прекрасно виден всем жителям вдоль линии от Афин до Аминтеона. Да и за последние два-три дня весь наш полк свободно наблюдали и подробно фиксировали в донесениях вражеские агенты, которые, по странной прихоти дипломатии, всё ещё оставались официальными представителями государства, формально считавшегося дружественным. Шестнадцать танков, идущих один за другим по узкой городской улице глубокой ночью, производят шум, который можно сравнить разве что с землетрясением, происходящим одновременно с ураганом, раскатами грома и воплями обезумевшего населения. Мы почти не видели прохожих. Лишь несколько одиноких полицейских в длинных плащах стояли как вкопанные, настолько ошеломлённые увиденным, что даже забывали свистеть в свои свистки. Но наше ночное прохождение через Афины всё равно оставляло после себя настоящий след паники. В окнах внезапно вспыхивал свет. Тёмные фасады домов вдруг прорезались яркими квадратами освещённых окон. На тротуарах собирались встревоженные соседи, дрожа от холода и обсуждая происходящее. Несомненно, этот грохот разбудил и германского посла вместе со всем его персоналом. Погрузка танка на железнодорожную платформу — дело чрезвычайно сложное и нервное. Даже опытные специалисты порой не справляются с этой задачей. Для успешной погрузки необходимы почти идеальные условия, они такими бывают редко. На той безвестной афинской станции их, безусловно, не было, однако здесь имелась погрузочная рампа для скота. Именно она должна была заменить настоящую танковую эстакаду. По обе стороны гусениц оставалось всего по одному-два дюйма свободного пространства. Медленно, сантиметр за сантиметром, нам всё же удалось загнать наши чудовища на платформы, избежав катастрофы. Каждый танк осторожно подталкивали как можно ближе к переднему краю платформы, чтобы

позади него удалось разместить ещё один. Откуда вообще взялись эти железнодорожные платформы, одному Богу известно. Насколько нам было известно, греческая армия вообще не имела тяжёлых танков. Вероятнее всего, эти платформы прибыли сюда последним поездом из Берлина. В голове состава находился единственный пассажирский вагон. Он предназначался для офицеров и старших унтер-офицеров штабов эскадронов. Экипажи танков нисколько этому не завидовали: для них сами танки давно стали настоящим домом. Очень скоро они натянули между машинами брезенты, превратив их в подобие общего укрытия. Конечно, современных удобств там не было, но такое убежище достаточно хорошо защищало от ветра, дождя и порывистых снежных зарядов. Позади нас, пока мы заканчивали погрузку, из полумрака с привычным грохотом и лязгом выползла техника Эскадрона А.

Первые прохожие нового дня — маленькие дети и закутанные в одежду женщины, которые во всех городах мира составляют население раннего утра, — ненадолго останавливались. Они смотрели, что-то негромко говорили друг другу и, всё ещё растерянные и словно не до конца понимающие увиденное, продолжали путь. Некоторые, хотя и немногие, всё же находили в себе желание помахать нам рукой, несмотря на холод. Танкисты, тоже успевшие купить разговорники греческого языка, дружно выкрикивали своё экзотическое:

— Калимера!

В ответ с улицы доносились звонкие голоса:

— Калимера! Кало таксиди!

— Послушай-ка, — сказал Дикки. — А что означает «таксиди»?

Он быстро перелистал несколько страниц разговорника и среди списка стандартных приветствий нашёл нужную фразу.

— Вот она. Кало таксиди — счастливого пути.

Он довольно улыбнулся.

— Любопытно. «Кало» означает «хороший». Значит, «таксиди» — это «путешествие» или «дорога».

Он немного подумал.

— Я всегда хотел узнать, откуда произошло слово «такси». Теперь, кажется, знаем.

Мы согласились, что это весьма любопытное открытие. Нисколько не сомневаюсь, что впоследствии этот случай не раз пересказывался лондонским таксистам, застрявшим в бесконечных пробках. Очень хочется надеяться, что этимология действительно была правильной.

Когда все наши танки были окончательно закреплены — перед каждой гусеницей и позади неё крепко прибили деревянные упоры, — мы с удивлением увидели, как весь поезд неожиданно, без какого-либо предупреждения, медленно тронулся с места. При этом половина эскадрона всё ещё оставалась на земле. Началась суматошная беготня. Мы бросились догонять уходящий состав и карабкаться на платформы. Это была чисто инстинктивная реакция. Вряд ли кто-либо из нас так уж стремился поскорее оказаться на настоящей войне. Смуглый маленький кондуктор высунулся из своей такой же маленькой служебной будки в хвосте состава. Он успокаивающе замахал нам руками, показывая, чтобы мы не спешили. В этот момент неторопливо подошёл Бимбо. Он совершенно спокойно объяснил: «Поезд отходит всего на несколько сотен ярдов вперёд. Нужно освободить место для погрузки состава Эскадрона А». Оказалось, было решено, что один паровоз сможет тянуть лишь один эскадрон танков. Впереди лежали крутые подъёмы на пути к северным равнинам, и более тяжёлый состав оказался бы слишком большим испытанием даже для локомотива.

Позади нас вновь раздался мощный рёв моторов. Эскадрон А запускал свои двигатели. И тогда я снова подумал о том, что каждый эскадрон существовал почти как отдельный

мир. Для двух остальных он был почти чужим. Мы жили и передвигались плотными эскадронными группами, часто не знали, где стоят другие эскадроны. Иногда даже не представляли, где находится штаб батальона или сам командир полка, да, по правде говоря, это нас особенно и не интересовало. Мы лишь смутно знали, что штаб и Эскадрон В уже ушли далеко вперёд по железной дороге, что тыловой Эшелон В уже давно движется севернее по автомобильным дорогам. Но настоящей боевой единицей для нас был именно эскадрон. Так мы жили, и так же нам предстояло воевать.

Мы неловко побрели вслед за медленно уходившим поездом. Высокие офицеры длинными шагами переступали через шпалы, те, кто был ниже ростом, спотыкались о щебень между рельсами. Наш ряд танков остановился на грязном запасном пути. С одной стороны его нависала длинная глухая стена, с другой тянулся запутанный лабиринт загонов для скота. Но поскольку почти весь домашний скот Греции теперь использовался либо для снабжения армии продовольствием, либо для перевозки этого продовольствия к фронту, загоны выглядели совершенно пустыми и удивительно печальными.

Хэрри и я отправились к паровозу, стоявшему во главе состава перед нашим вагоном, чтобы познакомиться с машинистом. С помощью оживлённой жестикуляции и весьма ограниченного запаса фраз из разговорника нам удалось, сквозь непрерывное шипение перегретого пара, выяснить, что поезд отправится только поздно вечером. Едва эта новость дошла до остальных, как появился старшина эскадрона. Он доложил, что солдаты просят разрешения «заварить чай». Началось обсуждение - как это сделать безопасно? Незаметно? Так, чтобы после себя не оставить беспорядка? Нет на свете людей, более искусных в приготовлении чашки горячего чая при любых обстоятельствах, чем британский танковый экипаж. Танкисты способны вскипятить чайник под артиллерийским обстрелом, они могут приготовить чай во время ночной стоянки колонны, где даже зажечь спичку считается нарушением дисциплины и может повлечь наказание. В их способе приготовления чая было что-то от настоящего гения, а в их стремлении выпить этот чай — нечто поистине великое. На самом деле старшина лишь формально просил разрешения на то, что люди, скорее всего, всё равно сделали бы сами — тихо и незаметно. Запретить солдатам устроить *brew-up* — традиционное британское чаепитие в полевых условиях — обычно приходило в голову лишь командующим армиями. В данном случае сам командир эскадрона и все офицеры мечтали о чашке горячего чая ничуть не меньше рядовых. Оставалось только придумать, как её приготовить. Проблему неожиданно решил Хэрри.

— Послушайте, — сказал он. — Да ведь меньше чем в десяти ярдах отсюда находится столько кипятка, что его хватило бы напоить чаем жён и детей по меньшей мере двух дивизий!

Мы одновременно воскликнули:

— Ну конечно! Паровоз!

Идея оказалась превосходной для всех, кроме машиниста и его помощника. Их немедленно осадила длинная очередь людей с чайниками и котелками, умоляющих налить кипятка. Во главе очереди стоял ординарец офицерской столовой. Машинист отнёсся к происходящему удивительно доброжелательно - он охотно помогал всем. После этого во время каждой остановки, когда паровоз набирал воду, к его котлу выстраивалась новая очередь чайников и котелков, уже с насыпанной внутрь заваркой. Через несколько минут они возвращались обратно вдоль всего состава, от танка к танку, неся с собой немного тепла и ощущение домашнего уюта нескольким десяткам продрогших и усталых людей.

Пока сохранялся дневной свет и можно было видеть окружающий мир, я не мог представить себе, что путешествие по столь прекрасной и исторической стране способно наскучить. Но впереди были ночь... и ещё одна ночь... Они представлялись длинными туннелями оцепенения и беспокойства. А мысль о том, что более сорока восьми часов не удастся нормально лечь и выспаться, вовсе не радовала. Часы ожидания проходили под

всё более густым серым небом. Эта серая мгла снаружи словно отражалась и внутри нас, постепенно превращаясь в скуку. Наконец появился Тоби: «Через десять минут отправляемся. Проверьте, чтобы все экипажи были на месте». Мы спустились вдоль путей уже почти в полной темноте и начали проверять свои взводы. Как обычно, солдаты удивительно быстро приспособились к новым условиям. Каждая железнодорожная платформа с двумя танками превратилась в небольшое временное жилище. Внутри тускло светили переносные инспекционные лампы, подключённые к аккумуляторам танков. Широкие крышки моторных отделений служили кроватями. Под спину подкладывали вещмешки, свёрнутые маскировочные сети и всё, что могло хоть немного смягчить невероятную жёсткость броневой стали. Мы оставили людей играть в карты, читать книги, писать письма домой, ещё раз напомнив: «Во время движения никаких огней не зажигать».

Когда мы забрались обратно в свой вагон, кондуктор уже размахивал неизменным зелёным сигналом отправления. Паровоз издал оглушительный свист, словно глубоко вздохнул несколько раз, недовольно фыркнул, неожиданно почувствовав огромную тяжесть состава позади себя, и, дёрнувшись, медленно потянул поезд в ночную темноту, будто изрыгая из трубы огненные проклятия и угрозы. Это была очень долгая ночь, ночь неуклюже устроившихся тел, затёкших шей, невнятного бормотания, храпа, тяжёлого дыхания, холодных ног, и всё это время, отсчитывая километр за километром, под нами звучал ровный ритм стальных рельсов — тук-так... тук-так... тук-так... - словно биение пульса огромной стальной артерии.

Одни рассветы наступают слишком быстро. Другие, кажется, бесконечно задерживаются за горизонтом. Но рассвет всё равно приходит всегда. Когда я заметил, что на востоке изменился оттенок неба, я опустил окно вагона и высунул голову наружу. Ледяной поток воздуха ударил в лицо так резко, словно меня окатили ведром холодной воды. И первое ощущение было таким, будто я внезапно оказался на самом краю огромной пропасти. Прямо подо мной зияла чёрная бездонная пустота. Никакой земли не было видно. Несколько секунд я не мог понять, что происходит, и лишь потом сообразил: мы ехали по гигантскому виадуку, перекинутому через ущелье невероятной глубины, которое ещё скрывала темнота. Вокруг, на фоне постепенно светлеющего неба, отчётливо вырисовывались силуэты высоких горных вершин.

— Да закрой ты наконец это чёртово окно! — послышался голос Оксо.

Я рассмеялся.

— Господи!

— Ты сейчас говоришь точь-в-точь как миллион англичан, которые каждое утро едут поездом из Брайтона на восемь тридцать.

— Неудивительно, что вся ваша нация вечно ходит с насморком.

Потом добавил:

— Иди-ка лучше сюда. Посмотри сам.

Хэрри высунул голову из окна рядом со мной, и я услышал, как он невольно ахнул. Оксо, всё ещё что-то недовольно бормоча, опустил другое окно, и они с Дикки сонно выглянули наружу. Несколько секунд царило ошеломлённое молчание, после чего послышались приглушённые ругательства, рождённые благоговением и изумлением. Но, прежде чем кто-либо успел произнести хоть что-нибудь осмысленное, паровоз впереди пронзительно взвыл, словно предупреждая об опасности, и с грохотом нырнул в ревущую стигийскую тьму тоннеля. Мы отпрянули обратно в купе, преследуемые клубами дыма и пара, и поспешно захлопнули окна. В течение следующего получаса мы переходили из света в темноту и обратно с такой быстротой и регулярностью, словно действительно ехали по чередующимся чёрным и белым прямоугольникам условного обозначения железной дороги на военной карте. Время от времени по одну сторону состава над нами возвышалась вершина горы, тогда как далеко внизу, по другую сторону, синевато-чёрная гладь воды отражала медленное изменение красок восточного неба. Затем поезд словно

с глубоким вздохом облегчения вышел на ровную открытую местность и остановился на станции — чтобы пополнить запасы воды, а вместе с тем дать передышку и нам, успокоив наши изрядно расшатанные нервы. Во время этого бесконечного чередования тоннелей и мостов я постоянно беспокоился о танках и их экипажах. Малейшая неосторожность, минутная беспечность — и кто-нибудь мог либо сорваться с платформы в бездонную пропасть, либо, сидя на башне танка, разбить голову о нависающую скалу.

Когда первые чайники потянулись вдоль состава за кипятком, я пошёл проверить свои машины — *Cool, Calm u Collected*. Все три были на месте. Уже одно это было хорошей новостью.

— Ну как? — спросил я Скиппера, своего механика-водителя. Он тоже когда-то служил на Северо-Западной границе Индии, и его речь была щедро пересыпана словами на урду, придававшими ей особый колорит, хотя далеко не всегда понятными окружающим.

— *Tekai, sir, tekai*, — ответил он. — Совсем как ездить на работу по старой линии Апминстера.

Железная дорога теперь пересекала широкую, ровную равнину Фессалии — первое по-настоящему просторное открытое пространство, которое мы увидели в Греции. Между нами и Ларисой лежала лишь одна невысокая горная гряда. Древние пастухи, вынужденные вновь выйти на работу после того, как молодых мужчин призвали в армию, и совсем маленькие дети, ещё не достигшие школьного возраста, замечали наш поезд, подбегали к полотну железной дороги, а затем в изумлении отступали назад при виде его необыкновенного груза. Несомненно, столь странного товарного состава им ещё никогда не доводилось видеть. Лариса была для нас всего лишь очередной станцией, хотя и значительно крупнее большинства предыдущих, вполне соответствуя большому городу, раскинувшемуся вокруг неё. Бимбо рассказал нам, что именно здесь находится единственный передовой аэродром в стране, пригодный для использования Королевскими ВВС в операциях против итальянцев в Албании. Он же должен был стать единственным аэродромом, который можно будет использовать и против *джерри* — немцев.

Паровоз снова остановился, чтобы набрать воды и подготовиться к тяжёлому переходу через суровые горы вокруг Олимпа. Мы видели, как его тёмная громада поднимается в облака, полностью заслоняя собой северный горизонт. Некоторое время путь проходил между широкой рекой и сравнительно узким шоссе с твёрдым покрытием. Затем река ненадолго отклонилась в сторону, пока все три пути — река, дорога и железная дорога — вновь не сошлись, когда дорога и рельсы последовали за речным ущельем, ведущим к морю. К полудню солнце прорвалось сквозь облака, озарив сверкающим сиянием снежный венец Олимпа, который открывался нам сквозь туман и ущелья. Каждый новый изгиб железнодорожного пути открывал очередной, всё более величественный ракурс этой грандиозной горы. Во второй половине дня к этому великолепию прибавилось ещё и синее Эгейское море. Оно было так близко, что в него можно было бы без труда бросить камень. Между морем и горами, рекой и лесом наши чувства оказались настолько переполнены красотой и великолепием окружающего мира, что после первого восторга наступило пресыщение, а вслед за ним — своеобразное «несварение» от избытка впечатлений. Эта далёкая, почти безличная величественность природы лишь изредка нарушалась крошечными деревушками на берегу моря, где женщины прекращали стирку, дети переставали играть и все, широко раскрыв глаза от удивления, смотрели на нас. Их поднятые для приветствия руки так и застыли в воздухе, пока оцепенение не разрушалось весёлыми приветственными криками наших солдат, доносившимися вдоль всего состава. По другую сторону пути, там, где, как гласили древние предания, собирались олимпийские боги, чтобы взирать на землю, нам казалось, что даже они никогда прежде не видели ничего подобного.

Так к вечеру мы добрались до железнодорожной развязки, откуда сквозь сгущавшиеся сумерки ещё можно было различить высокие трубы и верхушки мачт порта Салоники. Паровоз сделал поворот более чем на девяносто градусов, увлекая за собой наши танки под тревожно большим углом, и совершенно неожиданно оказалось, что теперь мы

движемся на запад, навстречу ещё одной ночи. Именно в ту ночь Бимбо едва не потерял одновременно и поезд, и свой эскадрон. Измученный жаждой паровоз остановился под водонапорной башней, и, воспользовавшись длительной стоянкой и темнотой, многие из нас разбрелись в стороны от железнодорожного полотна. Тридцать шесть часов почти полной неподвижности, да ещё шесть подряд приёмов пищи, состоявших главным образом из толстых ломтей белого хлеба и консервированной говядины, отнюдь не способствовали быстрому завершению наших естественных надобностей. Когда раздался короткий свисток паровоза и послышались первые тяжёлые выдохи локомотива, большинство из нас едва успело закончить свои дела, отчаянно придерживая форменные брюки, чтобы они не свалились. Карабкаясь по ступенькам уже тронувшегося вагона, мы вдруг услышали из темноты пронзительный крик. «Майор! — закричал Тоби. — Остановите поезд!» Только благодаря силе наших лёгких и настойчивости нам удалось заставить машиниста обернуться. Высунувшись из окон, освещённые светом вагонов позади нас, мы отчаянно размахивали руками и кричали изо всех сил, стараясь перекрыть грохот поршней и стук колёс. Наконец сработали тормоза. Поезд начал замедляться. Через несколько секунд темноту с шумом прорезала фигура Бимбо. Крепко придерживая брюки обеими руками, он мчался вдоль насыпи по щебню, то и дело опасно оступаясь. Сделав последнее отчаянное усилие, он вцепился в поручень и буквально ввалился в вагон. Тоби поднял большой палец вверх, подавая машинисту знак, что всё в порядке. В ответ локомотив весело просвистел, и поезд снова тронулся. Бимбо стоял в дверях. Он тяжело дышал и всем своим видом ясно давал понять, что только попробуй кто-нибудь отпустить по этому поводу хоть одну шутку. Мы старательно отвели глаза в стороны, словно ровным счётом ничего не произошло. Наконец Оксо, как будто продолжая прерванный разговор, совершенно невозмутимо произнёс: «В конце концов, есть вещи, которые просто невозможно остановить на полпути».

На следующее утро меня разбудил какой-то голос, он показался удивительно знакомым. Я лежал, глядя, как сквозь закрытые ставни просачивается серый рассветный свет, и пытался понять, не продолжается ли ещё сон. Голос прозвучал снова, теперь уже совершенно отчётливо и вполне реально: «Хайя, шеф!/Hiya, chief!» Не веря своим ушам, я медленно опустил окно. Внизу стоял невысокий человек - седые волосы, несколько дней небрит, поверх пижамы наброшена тяжёлая шинель. Он широко улыбался: «Эй, шеф! Сигаретки не найдётся?» К этому времени проснулись уже все. Мы спустились на железнодорожное полотно. Дикки протянул незнакомцу пачку сигарет *Players*. Тот моментально выхватил три или четыре штуки. Потом разочарованно спросил:

— А что, ребята, у вас нет *Camel*? Или, может, *Lucky Strike*?

— Что, чёрт возьми, вы здесь делаете? — спросил я.

— Только не говорите, что американцы добрались сюда раньше нас.

Он рассмеялся.

— Да нет, чёрт возьми. Я грек. Это мой дом. Здесь родился.

Потом продолжил:

— Лет двадцать прожил в Штатах. Всё время был нелегальным эмигрантом. Пару лет назад меня депортировали обратно сюда.

Некоторое время мы болтали об Америке и о разных пустяках, но рассказывать ему что-либо о себе совершенно не хотелось. В этом человеке было что-то неприятное, что-то, вызывавшее недоверие. Через несколько минут, прихватив ещё горсть сигарет, он наконец остался позади. К счастью, именно в этот момент паровоз подал уже привычный сигнал отправления. «Пока, ребята! — крикнул он нам вслед, размахивая целой пригоршней драгоценных сигарет Дикки. — Меткой стрельбы вам!» Хэрри предположил, что этот тип, вероятно, был когда-то правой рукой самого [Аль Капоне](#). Но зато благодаря ему мы узнали, что находимся в местечке под названием Верия, а до Аминтеона — который он презрительно окрестил «этой захолустной дырой за два гроша/that two-bit dump» — остаётся ещё около пары часов пути.

Теперь поезд шёл по краю широкой равнины. С севера, юга и запада её окружали покрытые снегом горы. Вскоре железная дорога снова соединилась с шоссе и рекой, вместе отыскивая путь между горными хребтами. Теперь мы уже могли точно определить по карте своё местоположение. Следя за извилистым течением реки, мы видели, как Аминтеон становится всё ближе и ближе. Наконец поезд вывез нас к узкой полоске берега озера Вегоритис. Оно уютно лежало среди жёлтых и охристых холмов, с которых зима давно уже сорвала всю зелень травы и почвы. Ещё через несколько минут, после особенно громкого свистка паровоза, ясно говорившего о том, что больше воды и пара ему уже не потребуется, мы медленно въехали на станцию Аминтеон. На платформе нас встречали полковник и адъютант по прозвищу Стринг. Я очень надеялся, что все фотографии, которые успел снять своим фотоаппаратом, получатся удачными.

Глава 7

Это была прекрасная гора, почти совершенная. Она поднималась над окружающим горным хребтом совершенно симметрично, словно равнобедренный треугольник. Её вершина была покрыта снегом, будто кто-то окунул её в сверкающую белую краску и оставил там высыхать. Каждое утро, едва проснувшись, я первым делом смотрел именно на неё. Постепенно я всё лучше понимал, сколько разных настроений может быть у этой горы, и всё сильнее ощущал, что каким-то необъяснимым образом эти её переменчивые настроения отражались и в наших собственных. Когда гора чётко и резко вырисовывалась над ещё погружённым в тень миром, когда одна половина её вершины уже окрашивалась в розовые тона рассвета, а другая всё ещё хранила память о ночи в синеве льда, — в такие утра нас охватывал подъём. Мы словно разделяли с этой горой её светлое ожидание наступающего дня. Когда весь остальной горный хребет скрывался под облаками, а она одна поднимала свою одинокую вершину высоко над белой пеленой, это становилось вызовом нашим мыслям. Мы, быть может, молча давали себе обещание в грядущие дни не совершить ничего такого, что оказалось бы недостойным высокого символизма этой вершины. Когда же гора исчезала из виду, мы и сами становились холоднее и мрачнее — и по отдельности, и все вместе. Но нас согревало твёрдое знание: сколько бы ни пришлось ждать, гора снова появится. Ещё белее прежнего, но нисколько не изменившаяся. Видеть её при полной луне казалось мне воплощением не только красоты, но и самого времени. Её вечный шпиль был холодным памятником горячему началу мира, свидетельством всемогущества, которое, создав скалу и охладив её, тем самым сотворило условия для возникновения жизни. Она называлась Монастир... И мне ничего не хотелось сильнее, чем однажды подняться на её вершину — если только там вообще нашлось бы место, чтобы стоять.

Батальон расположился на участках размещения своих эскадронов на обратном скате гребня, примерно в двух милях к югу от городка. Мы тщательно замаскировали танки, укрыв их пучками пожелтевшей за зиму травы, и выставили часовых, чтобы не подпускать любопытных местных жителей, но удержать мы могли далеко не всех. Невозможно было прогнать крестьян, которые пахали поля вокруг наших рассредоточенных машин. Невозможно было прогнать и пастуха со стадом овец, мирно пасшихся прямо среди наших танков. Такой контраст мой фотоаппарат просто не мог оставить без внимания. Эскадрон С занял самое выгодное место. Мы стояли на крайнем правом фланге батальона, там, где гребень заканчивался выступом, словно нависающим над пустотой, откуда открывался вид на синюю гладь озера. Пока каждый экипаж выкапывал рядом со своим танком большую квадратную землянку, в которой предстояло жить до прихода немцев, я пошёл к самому концу гребня. Там я заметил человека, пахавшего землю, и две бесформенные фигуры, размеренно работавшие мотыгами. Он был очень высоким, стройным и смуглым. Чёрные усы загибались вверх почти до самых скул. Увидев меня, он остановил двух волов в конце борозды, улыбнулся и слегка поклонился. Я протянул ему руку и произнёс уже ставшее у нас традиционным и превратившееся в постоянную шутку тройное приветствие по-гречески:

— Доброе утро. Я здоров. Сколько вам лет?

Это были первые три фразы в разговорнике. Он серьёзно ответил на хорошем английском:

— Доброе утро. Я здоров. Мне шестьдесят девять лет.

И тут я заметил весёлый блеск в его глазах. Мы оба рассмеялись и пожали друг другу руки.

— Где вы так хорошо выучили английский? В школе?

Он покачал головой.

— Нет. Я выучил его здесь.

Он широким жестом обвёл рукой гребень холма.

— Пойдёмте, я вам покажу.

Он что-то сказал через плечо двум фигурам, которые уже перестали размахивать мотыгами и с любопытством опирались на них. Лишь теперь я смог различить, что это женщины, но определить их возраст было невозможно, как и фигуры. Они были закутаны в такое количество одежды и шалей, что совершенно теряли человеческие очертания. Обе носили паранджу по мусульманскому обычаю.

«Мои дочери,» — сказал старик. Я кивнул им и приветливо помахал рукой и увидел, как в их глазах вспыхнул смех, когда они ответили мне чем-то средним между поклоном и реверансом. Мы медленно прошли по свежевспаханной земле к самому краю гребня. Я ещё никогда не был здесь и с удивлением увидел старые окопы и земляные укрепления какого-то прежнего поля боя. «Их выкопали в 1916 году, — сказал старик. — После [Дарданелльской операции](#) мы вместе с англичанами сражались здесь. Именно тогда я и научился говорить по-английски у ваших *томми* (*Тотту* – *распространенное прозвище британских солдат – ВК*)». Слово *томми* прозвучало очень необычно из уст человека, который внешне едва ли мог быть менее похож на английского солдата. Мы оставили позади эти причудливо переплетающиеся траншеи и вернулись к его плугу. По дороге говорили о старых войнах, ни словом не упоминая о той, которая вскоре должна была прийти сюда. Работы у него было ещё очень много, если он хотел обеспечить свою семью хлебом ещё на один год. Он снова взялся за рукоятки плуга, волю медленно и привычно двинулись вперёд. По мере того, как лемех переворачивал землю, казалось, что сама картина вокруг отступает назад сквозь века. Это был тот самый деревянный плуг, которым первые египтяне когда-то лишь слегка царапали плодородные наносы Нила. Волю выглядели ожившим античным фризом, а сам старик — закутанный в плащ, в гетрах, худой и жилистый — словно сошёл со страниц истории, став живым образом давно ушедшего прошлого. Я наблюдал за тем, как работают две женщины. Их скрытые под паранджой фигуры напоминали о долго сохранявшемся влиянии великой Османской империи, когда турки на протяжении четырёхсот лет властвовали над всем Ближним Востоком и большей частью Балкан. Мне не терпелось снова открыть свой путеводитель, и я с большим интересом обнаружил, что окончательно Греция была освобождена от турецкого господства благодаря действиям военно-морских сил под командованием [лорда Кокрейна](#) и армии [генерала Черча](#), независимость Греции была закреплена [Лондонской конвенцией 1832 года](#). «Что ж, — подумал я, — похоже, история повторяется».

В Эскадроне С мы, командиры взводов, между собой приняли небольшое решение: разделить все неудобства жизни в земляных укрытиях вместе с экипажами своих танков — есть и спать рядом с ними. Однако спустя несколько дней раздумий майор Уоррен (Бимбо) решил, что так поступать не следует. По его мнению, подобная фамильярность не могла пойти на пользу воинской дисциплине. Мы с ним не соглашались, но были обязаны выполнить приказ и переселиться в эскадронную офицерскую палатку, которая к тому времени, увешанная маскировочной травой, больше всего походила на разваливающийся стог сена. С армейской точки зрения это, без сомнения, было более правильным решением, но мне доставало непринуждённой, весёлой болтовни моего танкового экипажа и той атмосферы, в которой я старался не пользоваться

преимуществами своего офицерского положения в нашей общей повседневной жизни. Впрочем, существование четырёх человек в тесной яме, накрытой сверху брезентом, тоже не доставляло особого удовольствия. По ночам запах человеческих ног был просто ужасен. Что же касается самих экипажей, то я почти не сомневаюсь, что они испытали большое облегчение после ухода своих офицеров. Теперь они могли без всяких ограничений снова предаваться своим хорошо осведомлённым и весьма проницательным разговорам, а также позволить себе те небольшие, но столь необходимые нарушения дисциплины, которые составляют неотъемлемую часть солдатской жизни.

Мы знали, что эскадроны *A* и *B* расположились где-то левее нас, отдельными группами, но никогда не были уверены, где именно. Насколько нам было известно, Эскадрон *B* занимал позиции в районе деревни Сотер, непосредственно южнее Флорины и западных гор. Именно оттуда, из этого хаоса горных вершин, до нас иногда доносился глухой рокот артиллерийской канонады. Это было далёкое, но вполне реальное прикосновение к войне, которая постепенно приближалась и к нам. Штаб батальона и полковник разместились в большом доме напротив железнодорожной станции Аминтеон.

Несмотря на первоначальные строгие меры безопасности постепенно между нами и местными жителями установилось двустороннее общение, которое со временем стало обычной и признанной частью нашей жизни. Торговля в лагере в основном велась по системе натурального обмена. Яйца и масло обменивались на банки тушёнки, армейские галеты и сигареты. В маленьких лавках мы покупали круглые плоские лепёшки пресного хлеба и двухгаллонные бочонки густого, терпкого вина, изготовленного традиционным способом — виноград давили ногами. Такой бочонок стоил нам один фунт стерлингов (92-105 долларов США в 2026 году – ВК). В меню регулярно появлялись бараньи отбивные. Иногда экипажи танков вскладчину, за десять–двенадцать шиллингов (2.4 доллара США в 2026 году – ВК), покупали целого барана и запекали его целиком вместе с картофелем и прочими гарнирами в печи общей деревенской пекарни.

Но ожидание не сводилось лишь к спокойной жизни и маленьким удовольствиям. В этот период мы совершали продолжительные разведывательные поездки к северу от наших позиций. Все набивались в кузов полутонного грузовика — единственного транспортного средства, имевшегося в распоряжении эскадрона. Мы обследовали весь участок вдоль югославской границы, куда только можно было добраться по дороге или просёлку, стараясь изучить каждую деталь местности с военной точки зрения. На только что выданных нам картах мы отмечали: горные перевалы, речные ущелья, мосты, пригодные для подрыва, выгодные оборонительные позиции, где можно было укрыть танк за складкой местности (*hull-down*), болота, рвы, железные дороги, любые другие препятствия, способные задержать продвижение гусеничной техники. Примечательно, что полковник и офицеры штабной группы, казалось, гораздо больше интересовались разведкой не впереди, а позади наших позиций.

Главная дорога, ведущая из Югославии, проходила через Веви (севернее Аминтеона), затем мимо расположения нашего эскадрона, далее через узкое ущелье у Птолемаиса, находившееся непосредственно позади нас, и потом уходила к Козани, расположенному на вершине перевала через хребет Вуринос. Это был единственный путь отхода, и всё сильнее, пока мы обследовали его предгорья и нижние склоны, гора Монастир начинала господствовать над нашей жизнью. От подножия её почти идеальной пирамидальной вершины к западу отходил широкий отрог, который соединялся с соседними горами узкой седловиной, образуя глубокий разрыв в иначе непрерывной горной цепи. Именно через эту сравнительно небольшую впадину проходили шоссе и железная дорога, связывавшие Грецию с Центральной Европой и всей остальной континентальной частью Европы. Наши разведывательные поездки вскоре показали, что, хотя через горы существовало несколько троп и просёлков, пригодных для прохода пехоты и лёгкого снаряжения, только здесь могли пройти танки, тяжёлая артиллерия и грузовые автомобили. Это был единственный пригодный для механизированных войск проход через высокий горный барьер. На всём пятидесятикилометровом участке границы, который прикрывал британский сектор, именно он имел решающее военное значение. Он был известен под названием

Монастирский проход. Пока мы на первой передаче медленно ползли по краям обрывов и огибали опасные повороты, пока наш грузовик, громяхая, пересекал ущелья по мостам и водопропускным сооружениям, все мы пришли к одному и тому же выводу: при наличии достаточной поддержки авиации и артиллерии всего полдюжины противотанковых орудий и примерно одного пехотного полка было бы достаточно, чтобы навсегда закрыть этот проход для любой армии.

Это были удивительно увлекательные поездки по приятной, плодородной возвышенной местности. Люди здесь были приветливы и дружелюбны. Гора стала казаться ближе, но по-прежнему возвышалась прямо над нами с тем же холодным, высокомерным безразличием. Однажды мы свернули на обочину гравийной дороги, чтобы пропустить большой грузовик. Его открытый кузов был заполнен двумя десятками нарядно одетых девушек. Они пели, смеялись, махали нам руками и что-то весело кричали, проезжая мимо. Мы спросили сопровождавшего нас греческого офицера-проводника, куда они едут. Со стороны всё выглядело так, словно девушки направлялись на какой-нибудь праздник урожая. Но в марте никакого урожая ещё быть не могло. Он, улыбаясь, объяснил, что они едут на Албанский фронт, чтобы хоть немного скрасить жизнь доблестных греческих солдат, сражавшихся против итальянцев. «Господи Боже... — сказал Оксо. — Целый трёхтонный грузовик проституток?» Это выражение оказалось совершенно непонятным нашему проводнику. Когда мы объяснили, что в данном случае *tart* означает проститутку, он был искренне потрясён. Он энергично замахал руками, решительно отрицая услышанное: «Нет! Нет! Проститутки — нет! Они... как это сказать по-вашему... добровольцы». В любой другой ситуации подобный разговор показался бы смешным. Но здесь он почему-то глубоко тронул нас. Все эти молодые женщины, словно скот, отправляющийся на рынок, ехали к полю боя, чтобы удовлетворять потребности солдат. И при этом они воспринимали свою миссию как добровольное, радостное служение, столь же героическое, как любой подвиг на поле боя. Даже после того, как грузовик исчез за поворотом, их дружное пение ещё долго доносилось к нам вверх по горному проходу. Даже Оксо не смог заставить себя отпустить какую-нибудь непристойную шутку.

Однажды днём мы остановились возле двух больших пограничных щитов, по которым и без перевода было ясно, что мы достигли греко-югославской границы. Мы впервые прошли через перевал и теперь смотрели вниз, туда, где земля плавно уходила под откос, открывая широкую и красивую долину. Между крутыми горами, окружавшими её с трёх сторон, лежали зелёные и бурые поля. Широкая серебристая лента реки извивалась, исчезая в тумане далёкого севера. Вдоль неё цепочкой тянулись деревни, соединённые более прямыми нитями автомобильной и железной дорог. Примерно в десяти милях ниже нас находился довольно крупный город, обозначенный на карте как Битола. Обернувшись назад, я вовсе не удивился, увидев, что вершина Монастира по-прежнему возвышается в своей безупречной симметрии, с одинаковым безразличием взирая на обе стороны границы. Так вот она какая — Югославия. Мы совершенно беспечно пересекли границу, настолько увлечённые окружающим пейзажем, что направились прямо к маленькому белому домику, стоявшему на выступающем отроге горы. От дома отделились две фигуры в военной форме, с винтовками в руках. Размахивая руками и что-то громко выкрикивая, они стремительно побежали к нам по крутому склону. Они были чрезвычайно возбуждены. Подбежав к грузовику, они весьма решительно направили на нас свои винтовки. Мы сразу поняли, что с формальной точки зрения наше появление вполне можно считать актом нарушения границы. И что, строго говоря, у них имелось полное право открыть по нам огонь. Но, разумеется, настолько серьёзно мы к происходящему не относились. Мы хохотали от души над этой почти руританской сценой среди столь же руританского пейзажа. Когда пограничники узнали, что мы англичане, они тоже расхохотались, однако столь же решительно отказались пропускать нас дальше. Ни у кого из нас не было действительного паспорта. Мы расстались, улыбаясь, кивая друг другу и размахивая руками. Но пересечение государственной границы — событие всё-таки не повседневное. Мне всегда хочется как-нибудь отметить такой момент. Похоже, остальные испытывали то же самое. И это счастливо совпало с весьма настоящей физиологической потребностью. Мы выстроились вдоль колючей проволоки с греческой стороны и помочились на югославскую землю. Мы искренне надеялись, что два

пограничника воспримут этот жест как своеобразный комплимент, а не как оскорбление. Во всяком случае, нам казалось, что им будет непросто квалифицировать этот эпизод как нарушение государственной границы.

По итогам нашей разведки мы все пришли к единому мнению: танки должны занимать позиции именно с этой стороны Монастирского прохода. Если бы нас обеспечили надлежащей поддержкой, германские танковые части никогда не смогли бы прорваться через наши позиции. Это была оценка, сделанная непосредственно на местности группой воодушевлённых дилетантов, которые почти ничего не знали, кроме тех ограниченных факторов, что находились у них прямо перед глазами. Тем не менее вдоль прохода существовало по меньшей мере полдюжины участков, где противник просто не смог бы сосредоточить достаточно сил, чтобы прорвать решительную оборону. Однако оставалось одно серьёзное сомнение. Выдержат ли танковые гусеницы длительное движение по столь пересечённой местности? Особенно если недавние дожди размочат тяжёлую почву? Мы прекрасно знали, что запасных гусениц у нас нет, что же касается погоды, то именно на неё меньше всего можно было рассчитывать. Стоял типичный март — только ещё более суровый. Яркие солнечные дни сменялись дождями, снегопадами и частыми метелями, налетавшими с покрытых снегом горных вершин, и почти всё время было пронизывающе холодно.

В промежутках между разведывательными выездами, обслуживанием танков и бесконечными попытками согреться горячим чаем и подогретым вином мы ходили за покупками в Веви и постепенно всё ближе знакомились с гостеприимными местными жителями. Думаю, именно тогда многие из нас впервые столкнулись с таким удивительным сочетанием: почти полной материальной нищеты и поразительного богатства духовных качеств. Я искренне завидовал их здравому, суровому чувству меры и внутреннего достоинства. При каждом удобном случае я приносил своему знакомому пахарю банку армейской тушёнки или пачку галет. Какая бы ни стояла погода, он вместе со своими дочерьми неизменно работал в поле, из года в год ведя нескончаемую борьбу то с землёй, то с непогодой, прекрасно понимая, что рядом с его собственным плугом всегда идёт ещё один невидимый пахарь — призрак голода.

Однажды он пригласил меня к себе домой на ужин. Это было приглашение, высказанное с такой серьёзной учтивостью, что я сразу понял: для него и всей его семьи это событие имеет большое значение, а для меня самого является высокой честью. Я оделся так, словно собирался ужинать в лондонском *Savoy/Savoy*, и отправился по дороге в сторону Аминтеона. Небо было затянуто высокой серой облачностью, сквозь которую вершина Монастира всё ещё отчётливо выделялась своей холодной белизной. Казалось, что с этой горы нисходит тишина, медленно опускаясь на землю. Не было слышно ни обычного шума пригородной жизни, ни гула транспорта, ни даже птичьего пения лишь звук моих ботинок по мягкой дороге. Потом с запада налетел лёгкий ветерок, наполнив мои уши и мысли далёким напоминанием о войне: где-то в албанских горах глухо перекатывались раскаты артиллерийской канонады.

Моё решение нарядиться оказалось совершенно правильным. Хозяин стоял в дверях дома, великолепный в шёлковой рубашке, бархатном жилете и плаще, небрежно наброшенном на одно плечо и скреплённом красивой сверкающей брошью. Он обеими руками взял мою ладонь, словно мы не виделись долгие годы, низко поклонился и произнёс: «*Kalos orisate sto spiti mas*/Добро пожаловать в наш дом». Я тоже поклонился, пробормотав несколько фонетически заученных греческих слов, чувствуя себя неловко, поскольку совершенно не знал, какой именно ответ требует местный церемониал. Позади него вся семья выстроилась по старшинству: сначала жена, затем две дочери и наконец младший сын лет четырнадцати. Все были одеты в лучшую одежду — ту, которую в Англии называли бы воскресной. Мне было особенно приятно увидеть, что все три женщины сняли паранджу. Я неожиданно поймал себя на мысли, как странно: простое открытие лица может быть жестом почти столь же интимным, как для европейской женщины снять корсет или пояс. Я прошёл вдоль этой своеобразной шеренги, словно прибывший с официальным визитом премьер-министр. Каждая из женщин брала меня за руку, делала реверанс и произносила те же самые слова приветствия. Мальчик, стоявший

последним, был уменьшенной копией своего отца — вплоть до жилета, плаща и исполненного достоинства поклона. Когда я проходил мимо девушек, мне было приятно увидеть, что весёлый блеск их глаз — единственное, что я до сих пор успел в них узнать, — теперь дополнялся ямочками на щеках, юной полнотой лица и миловидной, ещё совсем незрелой красотой. Их фигуры, однако, по-прежнему оставались загадкой, скрытые под шальями и множеством нижних юбок. Мы расселись на стульях, аккуратно расставленных вдоль стен комнаты. Комната была почти совершенно пустой. Посередине стоял единственный стол. На стенах висело несколько очень старых семейных портретов. Пол был застелен чистейшим, до блеска натёртым, но ледяным линолеумом. Никакого другого источника тепла здесь не существовало, кроме сердечности хозяев и кроме той всеобъемлющей греческой [филоксии](#) — врождённой любви к гостю и страннику, — которая, казалось, впиталась в самую душу этих македонских крестьян. Я был рад маленькой рюмке коньяка, которую хозяин подал мне после того, как мы расселись. Мне казалось, что это тоже является частью обязательного ритуала гостеприимства. Я старался использовать весь свой весьма ограниченный словарный запас, по возможности, не прибегая постоянно к помощи старика как переводчика. Мальчик всё время с интересом рассматривал белый силуэт танка, вышитый на моём рукаве, и другие знаки различия. Вероятно, его несколько разочаровало полное отсутствие ярких наградных ленточек. Так мы и беседовали — медленно и с большим трудом. Улыбками мы говорили друг другу гораздо больше, чем словами. Наконец одна из девушек ушла в глубину дома и через несколько минут вернулась с подносом. На нём стояли шесть блюдец, на каждом лежала ложка густой массы, похожей на варенье, рядом лежала чайная ложечка. Я взял своё блюдо и стал ждать, что будет дальше. Меня не покидало ощущение, что всё происходящее — часть какого-то древнего обряда, где каждое движение должно совершаться в строго установленной последовательности. Однако мальчик с большим удовольствием сразу же принялся есть содержимое своего блюда. Я последовал его примеру. По тому, с каким наслаждением он ел, было ясно, что это для него настоящее лакомство. Мне стало любопытно, что же это такое. Я осторожно попробовал ложечку — это оказалось сливовое варенье. Я растягивал удовольствие как можно дольше, стараясь есть в том же темпе, что и старшие. Паузы заполнял неловкими попытками заговорить с девушками, но в ответ получал лишь недоумённые взгляды и весёлый смех. Но этот смех был настолько искренним и заразительным, что моя неуклюжесть и незнание языка казались вполне оправданными. Когда с вареньем было покончено, я стал с интересом гадать, каким окажется следующее блюдо. И мне пришлось немало потрудиться, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица, когда поднос снова пошёл по кругу. Теперь на нём стояли маленькие чашечки с очень крепким чёрным кофе, а маленькие рюмки снова были наполнены коньяком. И вновь я старательно повторял все действия хозяев, попеременно отпивая то кофе, то коньяк, пока рюмки не опустели, а чашечки не оказались выпиты до самого густого кофейного осадка на дне. К этому времени до меня наконец дошло, что ужин, на который меня пригласили, уже состоялся. Причём это был вовсе не обычный ужин, а совершенно особенный. Самое трудное для меня было скрыть своё удивление и даже некоторое недоумение. Разочарования я не испытывал ни в малейшей степени, наоборот, меня переполняли глубокая благодарность и искреннее сочувствие к этому пожилому джентльмену и его замечательной семье, которые, несмотря на свою бедность, сумели превратить свой убогий дом в настоящий дворец, а меня — в короля.

Пока через окно и открытую дверь — открытую ради света, хотя ценой уходящего тепла, — постепенно входила вечерняя темнота, мальчик принёс зажжённую свечу и поставил её на единственный стол. Становилось всё холоднее. Я понял, что если задержусь ещё немного и заставлю хозяев и дальше сидеть в этой промёрзшей парадной комнате, то вскоре мы все начнём просто замерзать. Возможно, у них была другая, более тёплая комната, но она не подходила для приёма офицера, а может быть, единственным источником тепла в доме была возможность пораньше лечь всем вместе в постель. Пора было уходить. Стараясь изо всех сил не показать, будто тороплюсь, я объяснил старику, что все мы обязаны возвращаться в лагерь до наступления темноты. Семья снова выстроилась передо мной так же, как при встрече. Я повторил церемонию в обратном порядке. Пожимая каждому руку, я тихо говорил: «Efkaristo. Kale nikta/Спасибо, доброй

ночи». Старик плотнее закутался в свой плащ и вышел проводить меня. Над нами, тёмная и прямая, возвышалась гора. Мы оба почти невольно подняли на неё глаза. «Видите, — сказал старик, — она держит небо». Мы некоторое время молча смотрели на неё, потом медленно пошли. Я сказал ему, как сильно хочу подняться на вершину. Не знает ли он кого-нибудь, кто мог бы показать дорогу?

— Я бы сам с удовольствием пошёл с вами. Но прошло уже больше двадцати лет с тех пор, как я в последний раз поднимался на Монастир. Теперь я слишком стар — для всего, кроме плуга. Но у меня есть племянник. Он живёт в Мелити, у самой горы. Я попрошу его проводить вас. Когда вы хотели бы отправиться?

— На выходных, только не в эти, может быть, через неделю. Я заранее сообщу вам, чтобы вы успели предупредить своего племянника.

На Монастир я так и не поднялся. Я даже не добрался до Мелити: немцы пришли туда раньше меня. Тем временем дипломатическое наступление Великобритании на Балканах почти полностью провалилось. 22 марта в Каире стало известно, что Гитлер поставил югославскому правительству ультиматум: до полуночи подписать [Тройственный пакт](#). 25 марта югославская делегация отправилась в Вену для его подписания, а Энтони Иден и генерал Дилл вылетели из Египта обратно в Англию. Зная о намерении принца Павла договориться с Германией, группа югославских офицеров организовала государственный переворот. 27 марта они захватили власть от имени юного [короля Петра](#). Этого оказалось достаточно, чтобы заставить британского министра иностранных дел повернуть обратно с Мальты, а генерала Дилла — немедленно вылететь в Белград. В срочном порядке была созвана штабная конференция британских, греческих и югославских офицеров. Она состоялась неподалёку от Флорины — города, который вполне можно было назвать последним городом Греции. На конференции присутствовали также Иден и Дилл. План заключался в том, чтобы убедить югославов сразу после начала немецкого наступления атаковать германские коммуникации и одновременно вторгнуться в Албанию в тыл итальянских войск. Это позволило бы основным британским силам выдвинуться вперёд с линии Альямона и прикрыть жизненно важный порт снабжения — Салоники. Однако представители Югославии имели полномочия обсуждать лишь оборону Салоник, поэтому никакого прогресса достигнуто не было. Прежде чем удалось организовать новую конференцию, немецкие войска уже вторглись как в Югославию, так и в Грецию.

Большая часть этих напряжённых дипломатических событий прошла совершенно мимо нашего внимания. Однако изменение обстановки очень ясно отражалось в Оперативном приказе № 1 штаба 1-й Танковой Бригады, датированном 22 марта 1941 года.

1. Германское наступление на Грецию из Болгарии представляется неизбежным.

В настоящий момент наиболее вероятно, что оно будет развиваться либо:

- *через район Рупельского прохода;*
- *либо западнее, из района Петрича в Югославию с последующим продвижением на юг, возможно вдоль реки Аксиос.*

Не исключается также наступление ещё западнее — через Скопье — в направлении равнин Флорины и Козани.

2а. Восточно-Македонская армия Греции состоит из трёх дивизий, одной бригадной группы и гарнизонов укрепленных районов.

Она удерживает линию болгарской границы до реки Неста, затем оборона продолжается вдоль русла реки до самого моря.

2б. Центрально-Македонская армия Греции, состоящая из ... дивизий, занимает позиции вдоль линии горного хребта севернее озера Везгоритис.

ЗАМЫСЕЛ

Максимально долго задерживать противника в районе подготовленных разрушений, нанося как можно большие потери его передовым частям и при этом не допуская серьёзных потерь собственных войск.

СПОСОБ ДЕЙСТВИЙ

Подготовка к разрушениям осуществляется в следующей последовательности:

а) по линии реки Альякмон — от моря на запад, далее на север вдоль канала до Скидры и затем на запад к Эдессе;

б) по линии реки Аксиос — от моря до югославской границы;

в) на всех промежуточных переправах через основные каналы, осушающие район озера Яница, и вдоль канала Лудиа.

С целью уничтожения передовых частей противника и задержки его продвижения от линии реки Аксиос к реке Альякмон будут сформированы сводные колонны всех родов войск следующего состава...

Колонны X, Y и Z, включающие подразделения: 4-го Полка Гусар, 2-го Полка Королевской Конной Артиллерии, противотанковые подразделения, пехоту, санитарные подразделения (машины скорой помощи).

Это был первый оперативный приказ, изданный командиром бригады, и, насколько мне удалось впоследствии выяснить, он же оказался последним. Для нас в то время с ним были связаны две проблемы. Во-первых, в нём вообще не упоминался 3-й КТП, во-вторых, до Эскадрона С он так никогда и не дошёл. Я не имел ни малейшего представления о том, какие греческие части находятся в нашем районе, равно как и о том, где располагаются остальные подразделения нашей 1-й Танковой Бригады. Мы имели лишь самое смутное представление о роли полка в предстоящей операции и собирались воевать в Греции, по существу, исключительно в рамках своего эскадрона, да и это продолжится не более половины дня.

Если бы мы тогда знали содержание этого оперативного приказа, он привёл бы нас в полное недоумение. Где-то в глубине души мы всё время допускали возможность наступления на территорию Югославии, между тем высшее командование уже тогда не рассматривало никаких иных действий, кроме арьергардных. Мы даже не подозревали, что являемся лишь подразделением прикрытия, действующим впереди оборонительной линии вдоль реки, о существовании которой никогда прежде не слышали, — Альякмон. Наше недоумение стало бы ещё сильнее, если бы нам показали хотя бы выдержку из телеграммы, которую бригадир Чэррингтон отправил своему штабу из Афин, где находился на совещаниях с генералом Уилсоном и греческим главнокомандующим. Телеграмма была датирована 27 марта и гласила: «Всё устроено самым удовлетворительным образом. Новости из Югославии превосходные. Наступление в ближайшем будущем весьма вероятно. Передайте Тернеру действовать без спешки, а Ледварду обратить внимание на восточное направление». На следующий день Чэррингтон вернулся с приказом провести разведку района к востоку от реки Аксиос, рассматривая его как возможный участок для действий бригады.

Однако где-то далеко внизу списка наших забот, в Эскадроне С, не было ни одного слуха или намёка, который заставил бы нас отвлечься от возможностей использования Монастирского прохода. Сам бригадир Чэррингтон и его замыслы казались нам столь же далёкими, как и гора Олимп. Тем не менее те судьбоносные дни, которые столь незаметно проходили для нас, принесли несколько довольно близких встреч с британским министром иностранных дел и начальником Имперского Генерального штаба во время их неудачной поездки во Флорину. Они проявили большой интерес к нашим танкам, и, по-моему, увиденное им совсем не понравилось. Довольно неожиданно оказалось, что генерал больше всего обеспокоен отсутствием свежих овощей в нашем рационе, тогда как политик интересовался состоянием танков. Мы не оставили у них никаких сомнений относительно плачевного положения дел как со «свежей зеленью», так и с танковыми гусеницами. «Я вижу, что гусеницы сильно изношены, — сказал мистер

Иден. — Но, насколько мне известно, к вам уже отправлены запасные. Хотя полностью уверенным быть не могу». Пока он находился у нас, он воспользовался тем, что рядом имелось достаточное количество технических специалистов, и попросил вынуть гвоздь, который попал ему в ботинок. В его носке зияла большая дыра. Мистер Иден оказался совершенно прав насчёт запасных гусениц — они действительно прибыли, но, к сожалению, к тому времени танков, на которые их можно было установить, уже не осталось.

В тот самый день, когда югославское правительство подписывало в Вене Тройственный пакт, офицеры Эскадрона С обеспечивали себе весьма серьёзное похмелье в Веви. 25 марта — День независимости Греции, и офицеры греческого гарнизона укрепленного района пригласили нас принять участие в ежегодном праздничном обеде. Во второй половине дня мы отправились в Веви, чтобы немного пройтись по магазинам и заодно получить небольшую фору перед греками в предстоящем праздновании. Это была довольно большая деревня — своего рода средневековый аналог городка американского Дикого Запада. Единственный большой магазин представлял собой настоящий универсальный торговый дом, где продавалось практически всё, что могло понадобиться жителям сравнительно изолированной общины. Деревянный пол, полумрак, паутина. Под потемневшими стропилами свисали связки колбас — салями, болонской колбасы — похожие на перевёрнутые воздушные шары, а рядом висели зловещие гроздья чеснока, окутывавшие своим запахом каждого, кто проходил под ними. Я уловил слабый запах Веры из Александрии...

... Потом мои ноздри, содрогнувшись, мгновенно перенесли меня прочь из Веви, Македонии и надвигавшейся на нас за горами войны — обратно в душную ночь в Сингапуре, в танцевальный зал *New World Palais de Dance*. Адъютант губернатора оказал мне тогда высшую степень гостеприимства и предоставил на весь вечер свою особую китайскую девушку. Она была по-восточному ослепительно красива, с едва заметной примесью малайской крови, придававшей её бледной азиатской коже тёплый смуглый оттенок. Как и другие китаянки в танцевальном зале, она носила платье с высоким разрезом до бедра — наряд, полный бесконечного соблазна. Но сквозь все мучения следующего утра — похмелье, отвращение и тяжёлое раскаяние — меня преследовал запах её дыхания и тела, насквозь пропитанный чесноком. Он настолько въелся в память, что заслонил собой все остальные воспоминания о той ночи. Этот запах сопровождал меня через Куала-Лумпур и Ипох, постепенно выветриваясь лишь вместе с тропическим потом, пока наконец я не поднялся на паром, шедший с материка на остров Пенанг. Море было покрыто длинной, медленной, маслянистой зыбью, а в корму дул попутный ветер. Пассажирские помещения располагались прямо перед открытой грузовой палубой. Именно она была доверху заполнена самой огромной кучей чеснока, какую мне когда-либо доводилось видеть. Сбежать от этого запаха было невозможно — разве что прыгнуть за борт. Остаться на том пароме оказалось одним из самых тяжёлых решений в моей жизни... «Смотри, — сказал Хэрри, возвращая меня из воспоминаний обратно в Грецию, где запахи прошлого уже неотличимо смешались с запахами настоящего. — Вон санитарный поезд подходит».

Я поспешно вышел из магазина, и мы направились к станции как раз в тот момент, когда длинный состав из товарных вагонов, размеченных красными крестами, с визгом затормозил у платформы. В каждом открытом раздвижном проёме теснились забинтованные руки и ноги, а над ними виднелись улыбающиеся лица. Мы медленно прошли вдоль всего поезда, останавливаясь у каждого вагона, чтобы пожать руки тем, кто был в состоянии ответить рукопожатием, и раздать наши скромные подарки — шоколад и сигареты. Мы были рады, что только что зашли в магазин. Солдаты были искренне удивлены и обрадованы нашему появлению. Мы забирались внутрь некоторых вагонов, чтобы своим присутствием хоть немного поддержать тех, кто не мог подняться с носилок. Даже те, кто уже не мог улыбаться, выражали своё внимание и внезапно вспыхнувшую надежду глазами, когда им объясняли, кто мы такие и зачем приехали.

— Ты заметил одну странную вещь? — сказал я Хэрри. — Почти у каждого ранена либо рука, либо нога.

— И правда! Похоже, это какой-то специальный поезд для раненых в кисти и ступни.

— Возможно, — согласился я.

Но моё профессиональное любопытство далеко не было удовлетворено. По путям с противоположной стороны шли военный врач и две аккуратно одетые медсёстры, проводившие осмотр раненых — то, что они могли делать лишь во время достаточно продолжительных остановок поезда. Мы встретились примерно посередине состава и обменялись рукопожатиями. Узнав, что врач говорит по-английски, я спросил его о характере ранений. «Не от пуль, — ответил он. — Девяносто процентов находящихся в этом поезде получили эти повреждения из-за обморожения». Я посмотрел на запад, где вздымалось белое нагромождение заснеженных вершин, откуда до нас глухо докатывались приглушённые раскаты войны, потом снова перевёл взгляд на длинный ряд перевязанных рук, ног и лиц, на которых боль и усталость далеко не всегда удавалось скрыть улыбкой. «Пойдём, Хэрри, — сказал я. — Напьемся за независимость Греции».

Это был памятный вечер. Не помню ни что мы ели, ни ели ли вообще. Я сидел между двумя греческими офицерами: один — невысокий, жилистый, средних лет, другой — высокий, красивый, жизнерадостный. Они без конца подливали мне в рюмку узо, добавляя ровно столько воды, чтобы напиток становился молочно-белым. Поскольку каждый новый тост они непременно пили, переплетя руки в локтях — один справа от меня, другой слева, — к концу вечера у меня, наверное, уже начало развиваться искривление позвоночника. Для моего головокружения это было явно не лучшим лечением. Узо оказался довольно крепкой штукой, а тот способ, которым мы пили его в тот вечер, — одним глотком, одновременно, физически соединённые переплетёнными руками, — необычайно быстро создавал между людьми чувство братства. В этом было что-то, отвечавшее отчаянной потребности в надежде и взаимной поддержке, которая заполняла весь зал. Я совершенно серьёзно сказал каждому из своих соседей: «Теперь ты мой узо-брат». Они понимающе кивнули. В таком толковании древнего обычая они увидели нечто очень важное. Их лица внезапно стали серьёзными, словно они в полной мере ощутили огромную значимость происходящего. Они снова наполнили мою рюмку. День независимости Греции... Все прекрасно понимали, что если греки сегодня празднуют, то лишь потому, что другой возможности праздновать что-либо у них, вероятно, уже не будет. Дух независимости, безусловно, жил, погасить его было невозможно, но яркость, с которой он пылал той ночью в Веви, была последней вспышкой перед угасанием. Никто в этом зале не питал никаких иллюзий относительно того, что принесут ближайшие недели, разве что мы, британцы. Для нас всё это было всего лишь очередным профессиональным назначением — работой, которую нам приказали выполнить. В этом даже чувствовалось некоторое воодушевление. Для наших греческих товарищей будущее смотрело им прямо в лицо. За мыслями о предстоящем сражении и возможной смерти для них уже вырисовывались горе, трагедия и страшное унижение — оккупация их родины чужой армией.

Их чувства особенно ясно проявились тогда, когда после первых рюмок прошла порывистая весёлость. Едва со столов убрали тарелки — но не бутылки и не рюмки, — один молодой офицер достал гитару. Несколько пробных аккордов заставили зал замолчать. Убедившись, что все слушают, он начал энергично брэнчать бодрый марш. Очень скоро весь обеденный зал сотряснулся от дружного топота ног и слов песни. Весь собравшийся офицерский состав — включая и нас — подхватил припев. Почти незаметно воинственный тон первых куплетов сменился мужественными песнями о патриотизме и национальном достоинстве. Затем, словно само собой, уловив внезапную перемену настроения, тонкие пальцы гитариста перебрали печальные, очень печальные ноты знакомой песни о любви. Мягкие звуки струились по притихшему залу — ностальгические, почти осязаемые. Стройный майор поднялся со своего места, дождался нужного аккорда и чистым тенором влился в грустную мелодию. Остальные офицеры словно заранее знали, что делать. Сначала они молча слушали, ожидая своего момента, а затем дружно вступили густым хором: «S'agaro... S'agaro...» Эти три слога были универсальным греческим признанием: «Я люблю тебя... Я люблю тебя...» Как и следовало ожидать, вечер завершился исполнением греческого национального гимна. Мы сделали всё

возможное, чтобы подпевать, старательно повторяя движения губ и звуки тех, кто стоял рядом. Затем мы ответили своим знаком уважения, исполнив *God Save the King* — не только в честь нашего короля, но и в честь их монарха. Но вовсе не государственные гимны определяли дух того вечера. Он витал по залу в грустных, нежных переливах песни: «S'agaro... S'agaro...» Мужчины, разлучённые со своими женщинами, страна, разлучённая со своим народом.

Глава 8

До тех пор, пока в 1942 году командование 8-й Армией в Египте не принял [генерал Монтгомери](#), в Британской армии, по-видимому, не считалось необходимым знакомить младших командиров и солдат с тактическими планами и замыслами. Думаю, будет справедливо сказать, что, когда Монтгомери настоял на том, чтобы все подчинённые ему командиры вводили своих людей в курс дела, солдаты стали сражаться если и не более храбро, то, по крайней мере, значительно более разумно. А это, как он, безусловно, понимал, ничуть не менее важно хотя бы потому, что живой умный солдат почти всегда представляет для армии большую ценность, чем погибший храбрый. У такого подхода есть и недостаток. Гораздо больше людей оказываются посвящёнными в планы и прогнозы верховного командования, поэтому, когда впоследствии верховный командующий принимается писать военные мемуары (а кто из них этого не делает?), удобные уловки памяти легко распознаются множеством людей, не входящих в кружок его почитателей.

Но в Греции верховным командующим был не Монтгомери, а Мейтленд Уилсон. Это был жёсткий, способный военачальник, полностью оправдавший свою репутацию в последующих кампаниях. К сожалению, за всё время пребывания в Греции я ни разу его не видел. Вероятно, это не имело большого значения ни для него, ни для меня. Да и вряд ли в этом была его вина. Когда в начале марта он прибыл в Афины, греческое правительство настояло, чтобы он оставался инкогнито и носил гражданскую одежду. Генеральский мундир он надел и открыто принял командование лишь месяц спустя — за день до германского вторжения в Грецию. Однако мы, танкисты 3-го КТП, были гораздо ближе к мыслям генерала, чем могли бы предположить — если бы вообще когда-либо об этом задумывались.

К началу апреля план развёртывания британских сил — известных всем как *W Force*, за исключением самих солдат, входивших в её состав, — предусматривал следующее:

1-я Танковая Бригада, за исключением 3-го КТП, должна была прикрывать подготовку подрывов мостов и других объектов вплоть до реки Аксиос. Затем ей предстояло задерживать продвижение противника (в соответствии с оперативным приказом бригады) и отходить через проход у Эдессы на линию реки Альякмон. Новозеландская дивизия должна была занять позиции перед железнодорожным узлом у Катерины и подготовиться к обороне прохода через Олимп и прибрежной полосы. Слева от новозеландцев 6-я Австралийская Дивизия занимала рубеж в районе прохода у Верии. Вместе обе дивизии образовывали 1-й Австралийский Корпус [генерала Блейми](#).

31 марта, когда эти части ещё только выдвигались на свои позиции, Роммель начал [наступление из Триполи в Киренаику](#). Именно тогда генерал Уилсон получил известие, что 7-я Австралийская Дивизия и польская бригада, обещанные ему ранее, не будут предоставлены в его распоряжение. Лично я тогда никогда даже не слышал ни о 7-й Австралийской Дивизии, ни о польской бригаде. Я также не знал, где находятся австралийские и новозеландские войска и находятся ли они вообще в Греции. Нам казалось, что во всей Македонии, кроме наших пятидесяти с небольшим дряхлых танков, ничего больше нет. Все эти сведения о планах и развёртывании войск стали известны мне лишь много лет спустя, когда я изучал официальные документы. Поэтому они появляются в этих воспоминаниях лишь затем, чтобы читатель был осведомлён лучше, чем были осведомлены сами участники событий.

По той же причине полезно знать, какими воздушными силами располагал командующий Королевскими ВВС. Один британский солдат — один из тех счастливицков, которым удалось эвакуироваться из Греции, — когда его корабль вошёл в гавань Порт-Саида, перегнулся через поручень и плюнул в первого попавшегося военнослужащего RAF, которого увидел. Он не совершил бы такого поступка, продиктованного отчаянием и презрением, и никто из нас не испытывал бы той горечи и раздражения, которые мы тогда испытывали, если бы мы знали реальные обстоятельства. К моменту германского вторжения Королевские ВВС имели в Греции: четыре эскадрильи бомбардировщиков *Бленхейм*, одну истребительную эскадрилью *Бленхеймов*, одну истребительную эскадрилью *Харрикейнов*, две истребительные эскадрильи *Гладиаторов*. Общая численность составляла 80 самолётов, которые могли базироваться всего на трёх-четырёх пригодных для эксплуатации аэродромах. Разумеется, именно эти аэродромы сразу же стали первоочередными целями для ударов *Люфтваффе*. Им противостояли 800 немецких самолётов на северном фронте Греции, 160 итальянских самолётов в Албании и ещё 160 машин, действовавших с аэродромов в самой Италии. Основную массу немецкой авиации составляли *Мессершмитты*, *Хейнкели* и целые стаи пикирующих бомбардировщиков *Ju-87* — печально знаменитых *Штук*. Численное превосходство противника было настолько огромным, что казалось почти фарсом — если вообще можно говорить о фарсе рядом с такой отчаянной трагедией. Но не менее разительным было и превосходство немецкой техники. Разница между *Гладиаторами* и *Мессершмиттами* была столь же очевидной. *Me-109* развивал максимальную скорость 395 миль в час (около 635 км/ч) и был вооружён двумя пулемётами калибра 7.9 мм и тремя 20-мм пушками. Против него Королевские ВВС выставили *Гладиатор* — одномоторный биплан, который выглядел так, словно только что впервые перелетел Ла-Манш. Его максимальная скорость составляла всего 245 миль в час (около 395 км/ч), а вооружение ограничивалось четырьмя пулемётами калибра .303 (7.7 мм).

На земле соотношение сил выглядело столь же неутешительным. Даже если бы мы знали, что к концу марта противник сосредоточил в Болгарии двадцать дивизий, а удар по Греции собирался наносить своими специально подготовленными горнострелковыми дивизиями и четырьмя элитными танковыми дивизиями, это едва ли прибавило бы нам спокойствия. Однако мы пребывали в счастливом неведении. Нас успокаивало сознание того, что перед нами лежит грозная горная преграда, через которую, сколько бы танков противник ни бросил в бой, они всё равно смогут двигаться не более чем по одному. Генерал Уилсон очень серьёзно опасался за свой западный фланг и возможности немецкого наступления из Югославии через Монастирский проход. Первоначально нас разместили в районе Аминтеона именно потому, что сильный износ наших гусениц не позволил отправить полк вместе с остальными частями танковой бригады на равнину вдоль реки Аксиос. Когда все сомнения относительно намерений Германии окончательно исчезли, генерал Уилсон в последний момент предпринял меры, чтобы хоть немного уменьшить своё беспокойство по поводу Монастирского направления. Нашу танковую группировку усилили: взводом 25-фунтовых орудий Королевской Конной Артиллерии, подразделением артиллерийского полка среднего калибра, пулемётной ротой и батареей противотанковых орудий. Последние два подразделения были выдвинуты непосредственно в Монастирский проход. Я не видел, как они прибыли, и не видел, как они ушли. Позади нас вдоль дороги, ведущей на юг, расположилась группа зенитных орудий *Бофорс/Bofors*, прикрывавших наши небронированные транспортные машины. Да, это действительно были меры, принятые в самый последний момент.

Подкрепления прибыли к нам 5 апреля — за день до начала германского вторжения в Грецию. Это решение, например, ещё не было принято 4 апреля, когда к нашему величайшему удивлению нам приказали свернуть лагерь, завести танки и перегнать их обратно на станцию Аминтеон. Там мы снова с огромной осторожностью погрузили машины на длинный состав железнодорожных платформ. Нам сообщили, что мы отправляемся в Плати, железнодорожный узел, ведущий к Салоникам, а затем своим ходом выдвинемся в район, примыкающий к болгарской границе. Почти вся ночь ушла на погрузку танков, но уже на следующее утро приказ о передвижении был отменён. Мы снова со скрипом и грохотом вернулись на свои прежние позиции. Это вызвало немалую

тревогу и растерянность среди овечьего стада и деревенских ребятишек, которые уже успели обследовать и почти обжить место нашего бывшего лагеря, разыскивая среди оставленного нами мусора разные полезные вещи. Среди прочего мы оставили небольшую пирамиду из банок тушёнки и армейских галет — своего рода плату за постой.

6 апреля утренний выпуск новостей [корпорации] *BBC* сообщил, что в 5 часов 45 минут Германия объявила войну Югославии и Греции и что германские войска уже начали атаки на пограничные укрепления обеих стран. Хотя мы уже давно ожидали именно такого сообщения, когда оно наконец прозвучало, оно всё равно стало потрясением. Я достаточно ясно ощущал собственные чувства - возбуждение смешивалось со страхом и неопределённостью, но одновременно я испытывал облегчение. Решение наконец было принято. Отныне уже не существовало ни скуки, ни чувства собственной незначительности, ни ощущения оторванности от происходящего. Ни сейчас, ни в обозримом будущем. Интересно было чувствовать — пусть даже не всегда замечать — насколько по-разному реагировали люди в нашем тесном мужском мире. Бимбо, какими бы ни были его внутренние переживания, нисколько не сомневался, что всё происходящее — лишь очередной этап той профессии, которую он когда-то сознательно выбрал. Но, как мне казалось, среди нас было немало тех, кто предпочёл бы, чтобы неопределённость и вынужденное бездействие продолжались ещё какое-то время. Особенно это относилось к тем, кто недавно женился или был счастлив в браке. Для них превыше всего были продолжение и прочность только что обрётённого счастья, уверенность в совместной жизни. Им было тяжело даже представить, что всё это может внезапно и насильственно оборваться, что они, возможно, уже никогда не смогут прикоснуться к тем дорогим сердцу обычным вещам, которые и составляли их жизнь. Дело было вовсе не в страхе перед боем или смерти. Они боялись не столько погибнуть сами, сколько потерять тот уклад жизни, который успели полюбить. Они страшились конца своей счастливой жизни гораздо сильнее, чем конца собственного физического существования.

В последующие месяцы и годы мне предстояло пережить ещё немало канунов сражений, и в такие моменты передо мной нередко раскрывались как сокровенные мысли моих товарищей, так и то, как они проявлялись в их внешнем поведении. Очень скоро я пришёл к выводу, что если бы когда-нибудь мне дали пятьдесят танков и предоставили право самому подобрать для них экипажи, то я собрал бы всех самых «ершистых», самых непокладистых рядовых танкистов из восьми кадровых батальонов танковых войск, а затем сделал бы окончательный выбор среди тех, кто ответил бы «да» на три вопроса:

— Вы несчастливы в браке?

— Ваша жена или девушка недавно ушла к другому?

— Вы недавно развелись?

Мне кажется, что, имея пятьдесят танков — желательно немецких — и пятьдесят экипажей, укомплектованных такими людьми, под командованием офицеров-добровольцев из гражданских, я сумел бы дойти от Аминтеона или от Эль-Аламейна до самого Берлина... если бы только хватило горючего.

В последующие несколько дней над страной повисла странная, напряжённая тишина. Нам сообщили, что неподалёку от нашего фронта сосредоточены немецкие транспортные самолёты, способные одним ударом доставить с помощью планёров и парашютов до четырёх тысяч десантников. Поля и деревни внезапно опустели: мужчин мобилизовали в подразделения греческого народного ополчения. Женщин и детей поспешно отправляли на юг, словно этим можно было уберечь их от трагедии, которая уже нависала над страной тяжёлым облаком дыма, гари и разрушения. Из штаба бригады поступил приказ: все британские части должны самостоятельно обеспечивать противодесантную оборону в радиусе одной мили от своих штабных районов. Каждое утро на рассвете и каждый вечер в сумерках объявлялась полная боевая готовность.

Воздух был буквально насыщен слухами. О «пятой колонне», проникшей из Болгарии, говорили едва ли не в каждой деревне. Офицер бригадной службы безопасности — очень

жёсткий, но вместе с тем приятный человек — разъезжал по окрестностям на джипе вместе со своим греческим коллегой, собирая показания сельских старост и жителей против незнакомцев и подозрительных лиц. Обычно приговор приводился в исполнение быстро и без долгих процедур. Много лет спустя, уже после окончания войны, я встретил этого офицера в Лондоне. Он пришёл ко мне в редакцию газеты на [Флит-стрит](#), где я тогда работал. Я был потрясён и даже испуган тем, как он изменился. Казалось, его душа съежилась и обвисла, под стать иссохшему телу. Мы вместе пообедали в ресторане *Simpson's*. Потом я отвёл его в пресс-клуб, где за несколькими бокалами — которые в то время днём, по-видимому, считались куда менее незаконными, чем теперь, — он рассказал мне о том, что не давало ему покоя, о том, что преследовало его, о том, что превращало его ночи в чёрные бездонные колодцы мучений.

— Знаешь, Боб, там, в Македонии, я расстрелял одиннадцать мирных жителей. На каждого были показания. Большинство из них, я уверен, действительно были агентами пятой колонны. Но некоторые — нет. У меня не было ни времени, ни возможности это проверить. И всё равно я их расстрелял. Я приставлял дуло своего револьвера тридцать восьмого калибра к затылку — вот сюда, за ухо — и нажимал на спуск. Они падали, как старые пустые мешки. Я убивал их.

— Но ведь ты исполнял свой долг. Тебе приказали. Ты обязан был это сделать.

— Да... я знаю. Именно так я и должен на это смотреть. Я повторяю себе это снова и снова. Но это не помогает. Всё оказывается совсем не так просто. Беда в том, что я помню именно тех, кто не был агентом пятой колонны...

Мука ясно читалась в его глазах. Мне было бесконечно жаль этого человека. Я сказал ему, что он болен, что его болезнь столь же реальна, как злокачественная опухоль.

— Сегодня такие болезни лечат. Поедем обратно ко мне в редакцию. Я дам тебе адрес лучшего психиатра в Лондоне. Я сам напишу ему.

Он лишь покачал головой безнадёжно и потерянно. Через несколько недель я прочитал в своей газете короткую заметку. Его нашли мёртвым в комнате одного из маленьких отелей, теснившихся в узких переулках возле [Стрэнда](#). Он застрелился. Пуля вошла... точно за ухом.

Одним из молниеносных слухов, распространявшихся по стране вместе со страхом и надеждой, стало известие, будто Россия и Турция объявили войну Германии. Мы ухватились за эту новость с жадностью. Нам уже отчаянно хотелось верить во что-нибудь подобное. Мы держались за этот слух целый день, пока адъютант официально не объявил, что всё это неправда. Во второй половине дня, когда немецкие войска начали наступление через югославскую границу, наш Эшелон В — весь колёсный транспорт, личный состав обеспечения, резервные экипажи и ближайшие пополнения — был отведён далеко назад по дороге к Козани. Одновременно мы узнали, что и остальные части танковой бригады были оттянуты назад, а штаб бригады теперь находится где-то у нас в тылу. Подобные перемещения едва ли могли внушить кому-либо оптимизм или желание бросить вызов судьбе. В передовых эскадронах нас всё сильнее охватывало чувство одиночества и оторванности, мы словно оказались на самом конце длинной ветви. Пока ещё никто не перепиливал её у основания, но мы прекрасно понимали, что она не выдержит ни слишком долгого пиления, ни слишком большого давления на нашем конце. Только гора со своими широкими плечами стояла между нами и огромной армией противника. Меня не покидало ощущение, что если бы я смог загнать свой танк на вершину этой каменной пирамиды и поставить его на её одинокий пик, то смог бы удерживать немецкие *панцеры* вечно.

Вторая неделя апреля обрушилась на нас с яростью метели и бури — достойной предвестницы того натиска, который должен был последовать. Вместе с тем именно эта непогода спасла большинство из нас от того, чтобы в буквальном смысле быть разорванными на куски. Шквалы и проливные дожди первых дней вторжения настолько расквасили аэродромы Югославии и Болгарии, что самолёты *Люфтваффе* не могли подняться в воздух. Южнее эскадрильи Королевских ВВС избежали худшей части

непогоды и потому смогли действовать против наступающих немецких войск, не опасаясь воздушного противодействия. Однако им приходилось атаковать сквозь плотную завесу зенитного огня, которая большую часть времени вынуждала их держаться выше нижней границы облаков, и не весь этот зенитный огонь вёлся противником. Возвращавшееся звено бомбардировщиков *Бленхейм*, направлявшееся на базу, прошло прямо над нами, ориентируясь по вершине Монастира как по естественному ориентиру. В этот момент их яростно обстреляли наши собственные расчёты *Бофорсов*, стоявшие ниже по дороге. Для пилотов этих *Бленхеймов* это было, должно быть, весьма тяжёлым испытанием. Вероятно, они уже с большим облегчением наблюдали, как вершина Монастира медленно уходит под крыльями самолётов. «Ну, — наверное, думали они, — теперь уж с земли нам ничто не грозит». И тут же внезапные разрывы потрясли кабины, а вокруг самолётов распустились чёрные цветы почти неминуемой гибели, сопровождая их по усеянному разрывами пути на юг. Нетрудно представить себе, каким сочным и поистине королевским авиационным языком разразились тогда экипажи в верхних слоях воздуха. Эти зенитчики, хотя мы и не могли восхищаться ни их умением распознавать цели, ни — к счастью, в данном случае — их меткостью, лишь отражали то напряжение, которое нарастало во всех нас по мере того, как ожидание становилось всё мучительнее. Наши взгляды и надежды уже не устремлялись к высокой вершине, скрывавшейся в клубящихся штормовых облаках. Теперь всё наше внимание было приковано к понижению в хребте — там, где склон горы опускался к воротам перевала. Наш слух тянулся через горные цепи и границу, стараясь уловить первые раскаты войны, неумолимо надвигавшейся на нас.

Том Или, который вместе со мной прошёл все тяготы офицерских школы и после моего перевода в Эскадрон С принял мой взвод разведывательных бронеавтомобилей *Daimler*, был направлен через границу в Югославию, чтобы выяснить положение передовых немецких частей. Они обнаружили, что автомобильный мост через последнюю реку на территории Югославии уже взорван. Железнодорожный мост неподалёку, однако, оставался целым, и по нему непрерывным потоком двигались сотни беженцев, направлявшихся Бог знает куда. На самом деле идти им было некуда. Пока Том и его разведывательные бронеавтомобили осторожно обследовали местность, они вдруг увидели, как мирные жители словно растворились на окружающих полях, и почти одновременно услышали короткую дробь пулемётной очереди. Группа мотоциклистов в военной форме стремительно выскочила к мосту, спрыгнула с мотоциклов и укрылась у земляной насыпи на берегу реки рядом с искорёженной кладкой разрушенного моста. Позади них Том заметил ещё одну группу мотоциклистов и приказал приготовиться к открытию огня, когда различил на них характерную полевую серую форму. Немцы подошли к Монастиру.

Глава 9

Разведывательные бронеавтомобили спустились обратно через перевал, преследуемые грохотом стрельбы, и мы поняли, что наша война в Греции вот-вот начнётся. Буря, которая так долго собиралась где-то над Балканами, наконец обрушилась на нас. Утро 11 апреля наступило мрачным и свирепым. Гонимые яростными порывами ветра, чёрные облака громоздились у каменных бастионов гор, обрушивая в долины снежные бураны. Высоко в горах шум боя смешивался с раскатами грозы, катясь вниз по склонам и предгорьям волнами звука, которые разливались по равнине и докатывались до длинного хребта, где мы ожидали своей участи — напряжённые, промёрзшие, сидя в башнях своих танков, но согретые внутренним возбуждением. Первые часы тревожного ожидания постепенно растворились в бездействии, сменившись сырой, пронизывающей скукой. Её нарушили лишь неизбежное приготовление чая да несколько неаппетитных кусков консервированной говядины с армейскими галетами. Наушники, которые мы с таким любопытным ожиданием надели ещё на рассвете, лишь потрескивали атмосферными помехами. Вскоре их сняли и положили на крыши башен.

В два часа дня нашу холодную полудрёму внезапно разорвал резкий приказ: «Эскадрон С немедленно выдвигается в район Пантелеймоноса для отражения угрозы со стороны вражеских танков, которые, по имеющимся данным, движутся к югу от Келле». Я недоверчиво уставился на карту перед собой. Келла представляла собой маленькую деревушку, затерявшуюся в горах восточнее перевала. Пунктирная линия между ней и Пантелеймоносом обозначала какое-то подобие дороги, однако проходила через такое нагромождение сходящихся горизонталей, что казалась пригодной разве что для опытного альпиниста или горного козла. Невозможно было поверить, чтобы по ней смогло пройти какое-либо транспортное средство — ни колёсное, ни гусеничное. Мы двинулись по дороге к Пантелеймоносу, а затем, миновав деревню, развернулись веером по полям и виноградникам, направляясь к тёмному зеву ущелья, уходившего вверх, в клубящиеся облака. Мокрый снег хлестал меня по векам, пока танк прокладывал себе путь через размокшую пашню. Я коротко передал по внутренней связи приказ механику-водителю, а затем по радио — двум другим командирам танков моего взвода: не пытаться разворачивать машины на тяжёлом грунте, а ждать, пока они не выйдут на участок твёрдой земли, и только тогда менять направление движения. Эскадрон медленно продвигался к подножию ущелья, оставляя за собой цепочку вышедших из строя танков — словно какую-то олимпийскую игру в «бумажную погоню», где сам Марс прокладывал след. У подножия горы мы полукругом заняли позиции у входа в ущелье. Каждый взвод выбрал себе укрытие с корпусом, скрытым в понижении рельефа, откуда предстояло встретить угрозу, медленно спускавшуюся из тумана.

Снег с дождём забивался мне за воротник и холодными струйками стекал по позвоночнику. Было так холодно, что мои пальцы не могли даже повернуть кольцо фокусировки на бинокле. Где-то позади меня я с удивлением услышал голос Тоби по радио. Он приказал мне переместиться, потому что я оказался в секторе его огня. Меня вполне устраивала выбранная позиция, и мне совершенно не хотелось выполнять какие-либо сложные манёвры на таком грунте, поэтому я предложил Тоби самому изменить своё положение. Несколько минут мы обменивались довольно оживлёнными репликами по радио, пока Тоби не передал вопрос выше по команде, и вскоре я услышал голос Бимбо: «Найдите другую позицию». Есть одна замечательная особенность армии: перед старшинством все споры заканчиваются. Я пробормотал в микрофон несколько весьма неблагочестивых выражений и начал перемещаться. Если я действительно находился в секторе огня Тоби, значит, он занял просто чертовски выгодную позицию со скрытым в понижении корпусом, потому что самого Тоби я нигде не видел.

Пятикилометровый марш по пересечённой местности оказался для эскадрона настоящим бедствием. Один танк вообще не смог тронуться с места из-за треснувшего распределителя зажигания. Ещё шесть не добрались до назначенной позиции из-за разрывов гусениц. К тому времени, когда сопровождавшие нас ремонтники из *R.A.O.C.* сумели привести в порядок последний из них, были израсходованы абсолютно все запасные части, имевшиеся в распоряжении эскадрона.

Это была тяжёлая ночь. Когда сгустилась темнота и буря окончательно накрыла нас, мы остались на своих местах. Перед танками были выставлены передовые дозоры, чтобы своевременно предупредить нас, если немецкая пехота попытается просочиться вниз по ущелью. Мы по-прежнему не верили, что немецкие танки смогут пройти этим путём, во всяком случае — не ночью. Все остальные старались лишь уснуть и при этом не замёрзнуть насмерть. На следующее утро мы получили сообщение, что сведения о появлении немецкой бронетехники у Келлы оказались ложной тревогой, вызванной ошибкой греческих подразделений, находившихся там. Нам было приказано возвращаться в Аминтеон. Мы с облегчением начали пробиваться обратно, постоянно оглядываясь через плечо туда, где наши уши продолжали улавливать грохот боя в горных проходах. Когда мы снова поднялись на знакомый хребет над деревней, перед нами предстали результаты первого, совершенно бессмысленного наступательного выдвижения нашей войны в Греции. Пять танков так и остались лежать среди виноградников с безнадежно порванными гусеницами. Их экипажи уныло стояли рядом, ожидая дальнейших распоряжений. Ещё два танка вышли из строя уже по дороге назад — из-за разрушения поршней двигателя. Краткий радиообмен с батальонным штабом

принёс ещё более неприятные известия: никаких запасных частей больше не имелось. В дальнейшем любой танк, который невозможно будет отремонтировать средствами самого эскадрона, предписывалось бросать и уничтожать, предварительно сняв с него пулемёты и затворы орудий. Тем же вечером над македонской равниной поднялись семь густых столбов чёрного дыма. Они несли свою мрачную весть, пока танки сгорали один за другим, содрогаясь от сильных взрывов детонирующих боеприпасов. Раскаты этих взрывов уходили в облака и смешивались с более глухим грохотом артиллерийской канонады, где наши тяжёлые орудия тщетно пытались нащупать наступающие немецкие колонны.

На гребне хребта, когда с территории Албании начали наползать вечерние тени, остатки Эскадрона С заняли свои ночные позиции. Полностью сохранился лишь один взвод — три танка 9-го Взвода: *Cool, Calm* и *Collected/Хладнокровный, Спокойный и Собранный*. Позади нас я видел, как артиллеристы Королевской Конной Артиллерии подтягивали на позиции свои 25-фунтовые орудия, а расчёты рыли индивидуальные окопы, готовясь к бою, который, казалось, уже невозможно было отсрочить хотя бы ещё на один день.

Слева от нас находился Эскадрон В, прикрывавший дорогу от Сотера к Флорине. Эскадрон А был отведён назад к дефиле у Птолемаиды, в нескольких милях у нас за спиной. Это место представляло собой почти идеальную позицию для засады. Бимбо успел провести для нас короткий инструктаж. Все передовые подразделения — британские и греческие, включая части, уже ведущие бой в районе Монастирского прохода, — должны были ночью выйти из соприкосновения с противником и отойти через позиции 3-го КТП. Задача эскадронов В и С, при поддержке подразделения Королевской Конной Артиллерии, состояла в том, чтобы как можно дольше задерживать противника у Сотера и Аминтеона, обеспечивая отход наших войск по дороге через Козани. После этого мы сами должны были отступить через дефиле у Птолемаиды, где Эскадрон А получил задачу задерживать немцев до наступления темноты. Он сообщил нам, что Эшелон В был отведён далеко назад — к сборному пункту на господствующих высотах южнее реки Альякмон, — и что поступления каких-либо дальнейших запасов вперёд ожидать уже не приходится. Тогда же мы впервые узнали, что Салоники двумя днями ранее были захвачены противником, наступавшим из Болгарии, а порт Пирей почти полностью разрушен в результате воздушного налёта, во время которого взорвалось судно с боеприпасами. Нам также сообщили, что наш правый фланг прикрывают австралийские и новозеландские бригады, удерживающие все горные проходы и прибрежную полосу между нами и Эгейским морем, так что опасаться обхода и отрезания нас немецкими войсками, наступающими вдоль восточного побережья, не приходится.

Эти новости трудно было назвать воодушевляющими. Мы вернулись к своим взводам в довольно подавленном состоянии, думая и о настоящем, и о будущем, понимая, что независимо от исхода предстоящей ночи и следующего дня мы стоим в голове длинного отступления, которое уже протянулось за нашей спиной, словно бесконечный каньон страха и неопределённости. Мы были побеждённой армией, ещё не вступившей в бой. Я коротко объяснил трём своим экипажам ближайшие задачи, но решил, что сейчас неподходящий момент сообщать им худшую часть новостей и делиться собственным мрачным пониманием происходящего. Впереди их ожидала одинокая, изматывающая нервы ночь. Им предстояло собрать в себе всё мужество, какое только было возможно, и не стоило позволять крысам безнадёжности и отчаяния подтачивать их решимость и стойкость. Незадолго до наступления темноты я осторожно вывел три своих танка немного вперёд, за гребень, на передний склон. Теперь наши пушки могли, если понадобится, вести огонь по пространству непосредственно перед танками. Кроме того, машины находились достаточно низко на склоне, чтобы их силуэты не вырисовывались на фоне неба. Я понимал, что где-то этой ночью наши передовые части будут отходить через наши позиции. А когда они пройдут дальше, следующими людьми, которые появятся перед нами из темноты, окажется уже противник. Это будет пехота, она станет продвигаться, пригнувшись к самой земле, и нам придётся стрелять по ней сверху вниз практически в упор. Появления немецких танков раньше рассвета ожидать не приходилось.

Я занимал крайнюю правую позицию на участке эскадрона. Мой крайний танк стоял у самого окончания гребня, который здесь круто обрывался к озеру Вегоритис. Неподалёку находился вход в угольную шахту, ее штольня уходил прямо в склон холма. Шахтёры просто заталкивали внутрь свои маленькие вагонетки, а затем выкатывали их обратно, уже нагруженные буроватыми, слоистыми кусками угля, словно сам процесс превращения древнего леса в каменный уголь был остановлен где-то на полпути. Чёрный зев штольни, мрачно исчезающий в недрах земли, был весьма подходящим зловещим дополнением к этой ночи. Мы уже ушли из зоны мокрого снега и метели, царивших у подножия гор, но и тело, и душа дрожали от холода в тесном металлическом чреве танка. Низкие облака полностью заполняли пространство между склонами гор, не пропуская ни малейшего отблеска света, ни даже намёка на какое-либо облегчение той могильной черноты, которая окружала нас. Оставалось выполнить ещё несколько практических дел, чтобы как можно дольше занимать мысли и руки. Когда последние остатки света исчезли с неба, я вышел вперёд перед своим танком, тщательно отсчитывая шаги. В руках у меня был разворот старой лондонской газеты, каким-то чудом добравшейся до нас и служившей теперь множеству самых разных нужд. Я приказал наводчику удерживать перекрестие прицела на газете и крикнуть, когда он сможет различить её лишь с большим трудом. На расстоянии двадцати шагов от танка я услышал его окрик. Именно там я прикрепил газету к невысокому кусту — это была граница видимости и одновременно — практический предел эффективности нашего огня. Я решил положить рядом с собой на крышу башни две или три ручные гранаты *Mills*, после чего ещё раз проверил барабан своего револьвера калибра .38. Затем я обошёл два других танка своего взвода и проделал ту же самую процедуру. Потом ещё раз предупредил экипажи, что ночью к нам могут выйти британские или греческие солдаты, отступающие с переднего края, но одному Богу было известно, что вообще можно сделать в такой темноте. После этого, полностью зарядив все пушки, мы плотнее закутались в одежду и приготовились к долгому, холодному и наполненному страхом ночному бдению. Наверное, было бы разумно выставить далеко впереди пару наблюдателей, чтобы они заранее предупредили нас о любом подозрительном движении, но я не рискнул. Слишком велика была вероятность, что их застрелят собственные артиллеристы, у которых нервы неизбежно будут напряжены до предела, или танковые командиры, которым в такую ночь наверняка начнёт мерещиться всякое. Когда все приготовления были закончены, цепочка танков застыла в ожидании вдоль гребня.

Мы не видели друг друга в темноте, но каждый ощущал совсем рядом присутствие остальных. Внутри каждого закованного в сталь корпуса радист сидел, сгорбившись над своей аппаратурой. Его пальцы осторожно и почти нежно вращали ручки настройки, удерживая радиостанцию точно на рабочей частоте. Он слышал лишь треск атмосферных помех, но всё его внимание было настроено на первое сообщение, которое в одно мгновение заставит всех нас сорваться с места и погрузиться в сумятицу, страх и лихорадочную деятельность. Наводчик, вероятно, снова и снова примерял плечо к прикладу спаренной установки, время от времени прижимая глаз к мягкому окуляру прицела. Он видел только белое пятно впереди, но хорошо сознавал, что в казёнке двухфунтовой пушки уже дослан снаряд, а от пола башни к пулемёту поднимается лента с патронами калибра .303. Механик-водитель, уютно устроившись на своём привычном месте и погружённый в полудрёму, сидел в кресле, форма которого за долгие часы службы и многочисленные толчки стала как будто продолжением его собственного тела. Его руки и ноги знали без всякого участия мысли, что следует делать в тот момент, когда в наушниках прозвучит короткая команда: «Водитель, заводи!»

Над каждой башней виднелась голова, а иногда голова и плечи командира танка. Именно на него ложилась вся ответственность. Пока остальные в тесной темноте внутри машины либо дремали, либо вполголоса переговаривались между собой, он не смел ни закрыть глаза, ни ослабить бдительность. Жизнь трёх других человек в каждом танке зависела от того, окажется ли он хоть немного быстрее и немного лучше другого такого же командира. Но поскольку его собственная жизнь была столь же неразрывно связана с жизнью этих троих, напоминать ему об этой ответственности не было никакой необходимости. Я

мысленно повторял первую команду, которую мне предстояло отдать: «Водитель, заводи! Пулемёт! Пехота противника! Огонь!»

Именно так нас учили в танковой школе в Лалворт-Коув. Я повторил её про себя несколько раз, чтобы в минуту внезапной опасности произнести автоматически. Я положил гранаты поближе к себе, а затем, немного подумав, положил рядом и револьвер. Я тщательно перебирал в уме возможные варианты событий, представляя себе развитие боя и собственные действия. Какие возможности будут у противника? Какие — у меня? Именно так, согласно учебнику, следовало проводить оценку обстановки. Я услышу их раньше, чем увижу, в этот момент запускать двигатель будет нельзя. Самое главное — не выдать себя, но именно тогда нужно будет шёпотом предупредить наводчика, чтобы остальные члены экипажа тоже слышали. Вероятно, придётся поднять по тревоге весь эскадрон, потому что было маловероятно, чтобы попытка противника просочиться произошла только перед моим танком.

Так мы и ждали. Поначалу довольно спокойно, зная, что впереди нас всё ещё находится значительное количество своих войск, но тревога всё же не покидала нас. Главная трудность заключалась в том, чтобы мгновенно распознать своих в темноте. Противнику такой проблемы решать не приходилось, а это означало, что первое преимущество — те самые решающие первые секунды — принадлежало именно ему. Незадолго до полуночи радист коснулся моей ноги. (Я уже снял наушники, чтобы лучше слышать всё происходящее вокруг.) Он сообщил, что по главной дороге приближается греческая дивизия с Додеканесских островов и вскоре будет проходить через расположение нашего эскадрона. Никто не должен открывать огонь. Дорога находилась значительно левее наших позиций. Через несколько минут, напрягая слух, я действительно различил в долине шум движущегося транспорта. Этот глухой гул продолжался довольно долго, а затем постепенно затих где-то на юге, снова оставив после себя чёрную тишину.

Ещё одно прикосновение радиста. Последний свой уже прошёл. С этого момента всё, что появится перед нашим фронтом, следует считать противником. Вот тогда напряжение достигло настоящего предела. Мы, широко раскрыв глаза, вглядывались из башен в ночь, населяя её ползущими тенями, которые, казалось, бесшумно подкрадывались к нам через кустарник. Каждый куст словно оживал и становился чужим. Даже тишина шуршала злобой. Единственным реальным предметом в этом мире темноты — темноты не только пространства, но и времени, — помимо холодной плоской брони наших танков, оставался прикрепленный впереди газетный лист. Он был нашей хрупкой связью с действительностью, с ещё не забытым здравым смыслом, с той обычной жизнью, где существовали улицы и дома, кухни, пивные и мягкие женские губы, чистые тарелки, штрафы за неправильную парковку, газетные сообщения об убийствах на сексуальной почве, бельё, сохнувшее на верёвках... Газета пошевелилась. Сначала мне показалось, что я лишь вообразил это. Потом я уже был уверен — она действительно двигалась. Кусты вокруг неё, совершенно невидимые в неподвижности, словно ожили какой-то скрытой жизнью. Я потянулся к револьверу и поднёс микрофон ко рту, и в тот же миг почувствовал, как мимо лица и ушей проходит холодный поток воздуха. Меня мгновенно охватило огромное облегчение. С юго-востока поднялся ветер. Он трепал газетный лист и заставлял всё вокруг приходить в движение. Этого оказалось достаточно, чтобы вывести меня из того гипноза, в который меня постепенно погрузили воображение и страх.

Темнота незаметно начала светлеть. Я поднял глаза и смутно различил облака, быстро несущиеся по освещённому лунной луной небу. Ночная тьма медленно отступала, пока ветер очищал небосвод. Склон перед нами постепенно вытягивался в сероватую глубину долины. Вскоре весь пейзаж между нашим хребтом и горой проступил в серебристо-чёрных тонах. Постепенно из темноты возникла гора Монастир. Я поймал себя на том, что тихо шепчу слова псалма: «Возвожу очи мои к горам, откуда придёт помощь моя», и тогда я понял, что перед лицом невидимого страха мы все остаёмся детьми, оказавшимися ночью в темноте. Чтобы разорвать морок ожидания и напряжения, которые, как я чувствовал, всё сильнее овладевали и мной, и всеми остальными, я вышел в эфир и сообщил командирам своих танков, что сейчас пройду к ним поговорить, и попросил не открывать по мне огонь, когда они меня увидят. Я сказал это достаточно

шутливым тоном, но говорил совершенно серьёзно. Я поочерёдно подошёл к сержанту и капралу. Когда я говорил с ними, они звучали вполне обычно, однако пережитое испытание давалось им нелегко, и я видел, что они искренне рады человеческому контакту. Мы говорили о погоде, о горе, о том, как хочется спать, о рассвете, который скоро положит конец этой ночи. Это должен был быть рассвет дня, полного самых разных событий, и все они, насколько мы могли себе представить, могли быть крайне неприятными. Я был рад возможности немного подвигаться, но одновременно с этим там, на открытой местности, меня охватило новое чувство тревоги — ощущение какой-то наготы и незащищённости без привычной защиты броневых листов, поэтому я с облегчением забрался обратно в башню и в очередной раз — далеко не первый и далеко не последний — мысленно поблагодарил судьбу за то, что я танкист, а не бедолага-пехотинец.

Ещё час — и это испытание ночным бдением осталось позади. Когда полумесяц начал опускаться за Албанию и Адриатическое море, а над Эгейским морем на востоке появились первые серые признаки рассвета, Бимбо приказал нам откатиться обратно за гребень высоты, скрывшись из виду, пока мы не получим достоверных сведений о расположении противника. Одновременный рёв дюжины заведённых двигателей прозвучал как единый вздох облегчения всех перепуганных людей на свете. Я решил не рисковать, разворачивая машину на этих изношенных гусеницах, поэтому всю дорогу сдавал назад, надеясь, что два танка по обе стороны от меня поймут мой намёк. В полумраке они были видны лишь как две чёрные тени. Танк слева повторил мои действия, но машина справа медленно двинулась вперёд и начала выполнять широкий поворот вправо, постепенно исчезая из поля зрения. Через несколько секунд в наушниках раздался голос: «Алло, *Cool*, вызывает *Collected*. У меня порвана гусеница. *Collected* — *Cool*. Приём». Я страшно рассердился и прямо сказал ему об этом. Затем доложил Бимбо и спросил дальнейших распоряжений. «Если они не смогут её починить, — ответил он, — подожгите танк и отправьте экипаж в штаб эскадрона». Я подошёл к неподвижному танку. Экипаж стоял рядом, поочерёдно переводя взгляд то на порванную гусеницу, то в темноту, туда, где находился Аминтеон. Все они выглядели крайне взвинченными. Левая гусеница была разорвана в двух местах, а один её конец намертво намотался на ведущее колесо. Я внимательно осмотрел следы на земле. Мне сразу стало совершенно ясно, что командир танка отдал механику-водителю команду «Водитель, вперёд! Круто влево!», хотя даже совершенно неопытный человек понял бы, что здесь необходим был плавный широкий поворот. Но этот командир новичком вовсе не был — он был прослужившим много лет кадровым военным и прекрасно знал возможности своего танка. Я был абсолютно уверен, что в тот момент, когда он отдал эту команду, он прекрасно понимал, что произойдёт, и водитель тоже это понимал. Я перевёл взгляд со следов на земле на запутавшуюся вокруг ведущего колеса гусеницу, а затем посмотрел прямо ему в глаза: «Ну что ж, вы действительно отлично справились с делом, не так ли? Теперь заканчивайте начатое. Снимите пулемёт и затвор пушки, затем подожгите танк. После этого забирайте экипаж и доложите майору».

Я подумал, что делать с этим человеком позже, когда обстоятельства перестанут быть столь чрезвычайными. Но сейчас мне хотелось лишь одного — чтобы он понял и чтобы его экипаж понял, что я знаю, что именно произошло. Больше я этого командира танка никогда не видел. Наверное, так было лучше для нас обоих. Мне было бы очень трудно наказать человека только за то, что он испугался или на какое-то время утратил самообладание. Конечно, определённая ответственность лежала и на мне. В подобных случаях всегда возникает вопрос примера для других, когда дисциплина оказывается недостаточно крепкой, чтобы победить страх или стыд.

Более года спустя, во время первого сражения Монтгомери в Северной Африке, мне пришлось столкнуться почти с такой же ситуацией. Тогда у меня уже был собственный эскадрон. Нам приказали контратаковать танковые части Роммеля у [Алам-Халфы](#). Для этого нужно было пересечь широкую, совершенно открытую полосу пустыни, где времени для размышлений о ближайшем будущем было более чем достаточно. На полпути один из командиров моих взводов вызвал меня по радио. Он сообщил, что остановился, потому что его механик-водитель отказался двигаться дальше. Я подъехал вплотную к

его танку и действительно увидел водителя. Он стоял снаружи, одной рукой опираясь на броню машины, несчастный, отчаявшийся, мрачный. Я слез с танка — без особой надежды, — чтобы попробовать несколькими словами изменить ситуацию. Он ничего не скрывал: «Не могу, сэр. Просто не могу. Я не могу просидеть в кресле механика больше ни секунды. Я не трус. Я готов драться с ними голыми руками, ножом, штыком — чем угодно. Но я не могу провести этот танк вперед ещё хоть один ярд. Он меня душит. Мне нечем дышать». Что я мог сделать? Я верил каждому его слову. Я прекрасно понимал, что он чувствует. Я осознавал, что никогда не сумею убедить его снова сесть за рычаги и выполнить свой долг, убедить в том, что все остальные боятся ничуть не меньше его, но всё равно продолжают двигаться вперёд. Да и вообще это был не тот довод, который мог помочь, и, откровенно говоря, времени на уговоры у меня тоже не было. Я приказал командиру его танка отвести машину обратно в штаб батальона, получить нового механика-водителя и как можно скорее снова присоединиться к нам. Вернувшись в свой танк, я успел лишь сообщить командиру полка, что произошло, после чего начался бой, и этот эпизод для меня закончился сам собой — довольно шумным образом. Это был ещё один человек, которого я рад больше никогда не видеть. Был ли он трусом? Я так не думаю. Да и вообще меня всегда не покидало тревожное ощущение, что большинство обычных трусов в нравственном отношении гораздо смелее многих героев. Ничто из того, что произошло вокруг меня или внутри меня за годы войны, не заставило меня изменить это мнение. Наказание? Не сомневаюсь, что оба этих человека и без того получают по полной каждый раз, когда они вспоминают тот миг, когда страх оказался сильнее их чувства долга и их мужества. Последнее, что я видел в Греции из происшедшего с тем экипажем, — четыре тяжело нагруженные фигуры, ярко освещённые пламенем горящего танка и казавшиеся в его отблесках призрачными и нереальными. Они медленно уходили по гребню высоты позади меня, пока расстояние и темнота окончательно не поглотили их. Жар добрался до боекомплекта, запертого внутри корпуса, и вызвал взрывы, по шуму напоминавшие целое поле боя. Трассирующие пули и осколки снарядов с оглушительным свистом вылетали через верх башни, словно смертоносный фейерверк. Так закончилась история танка *Collected* — пожалуй, даже более эффектно, чем она того заслуживала. Пока мы поспешно отходили от этого кольца огня и разлетающихся во все стороны взрывов, я невольно понадеялся, что гибель моего собственного танка окажется куда менее зрелищным.

Глава 10

Луч солнечного света вырвался из-за линии горизонта, нашёл просвет в плывущих облаках и безошибочно осветил вершину Монастира. Словно это был условный сигнал к началу действий, в то же самое мгновение на южном выходе из ущелья показалась первая колонна противника. Возможно, они простояли там всю ночь и только теперь решили двигаться дальше. Вереница трудно различимых машин, впереди которой осторожно двигалась небольшая группа мотоциклистов, медленно извивалась вниз по проходу, словно голодная, но пугливая змея. Я недоумевал, как им удалось так легко пройти мимо наших войск наверху. Я не знал, что все британские подразделения ночью были отведены назад. Очевидно, противник тоже этого не знал и сильно задерживался из-за взорванных мостов и водопропускных труб, затруднявших продвижение. Кроме того, сверху открывался отличный обзор на ряды наших танков, скрытых на обратных скатах холмов по обе стороны дороги.

Лишь в 07.30 мы смогли различить среди колонны бронетехнику. Судя по оживлению людей вдоль дороги, танки, по-видимому, ожидали, пока мосты будут усилены настолько, чтобы выдержать их вес. Меня немного удивляло, что по нашей высоте до сих пор не было выпущено ничего враждебного. Тем не менее я едва не выскочил из башни, когда сразу позади меня раздался оглушительный грохот. Я в панике обернулся, ожидая увидеть взметнувшиеся вверх землю и дым, но ничего подобного не заметил. Через несколько секунд снова прогремела серия выстрелов, и теперь я увидел вспышки у дульных срезов 25-фунтовых орудий, стоявших в укрытии за холмом позади нас. Я тотчас перевёл бинокль ко входу в ущелье. Там, прямо на буро-жёлтой ленте дороги, один за

другим возникали чёрные столбы разрывов, которые затем лениво расползались по склону горы. Я видел, как солдаты выпрыгивали из машин и бросались в укрытия. Это было весьма удовлетворительное зрелище. Даже мой весьма далёкий от военного дела ум подсказывал, что подобный обстрел неизбежно вызовет ответ, и всё же мне было немного стыдно за своё следующее желание — чтобы немецкие артиллеристы оказались недостаточно меткими и их залпы не начали ложиться вокруг меня.

Через несколько минут я услышал более глубокие и зловещие разрывы слева и увидел верхушки взрывов, когда снаряды перелетали через гребень холма на другом конце нашей позиции. Это был участок, где правый фланг Эскадрона В смыкался с левым флангом нашего Эскадрона С. Я искренне надеялся, что всё так и останется. Высоко на склоне горы мой бинокль уловил новые вспышки. Через несколько секунд после них последовала очередная серия разрывов. Я понял, что это немецкая артиллерия отвечает на огонь нашей батареи Королевской Конной Артиллерии. Пока что их огонь ложился с недолётом. Я вызвал Бимбо по радио и сообщил ему о вспышках и их приблизительном местоположении. Он ответил, что передаст сведения «нашим друзьям». Затем я услышал голос какого-то незнакомого мне командира танка, который, вполне оправданно взволнованный, докладывал, что его машина получила два прямых попадания, но всё ещё сохраняет мобильность.

Мы действительно вступили в войну. Внизу, в Аминтеоне, пехота выгружалась из машин и деловито занимала придорожные канавы. Мои мысли были одновременно заняты и ими, и моей знакомой греческой семьёй. Я думал о них и о немцах сразу, не отделяя одного от другого. По дороге, по которой мы столько раз ходили из деревни, шагал одинокий человек. Через бинокль я различил немецкую форму и телефонный провод, который он разматывал на ходу. На нём были очки. Казалось невероятным, что он выглядит настолько беззаботным и словно совершенно не замечает присутствия противника на том же самом континенте. Он ни разу не поднял головы в сторону гребня, где мы ожидали его. Это была впечатляющая демонстрация уверенности — не только в самом себе, но и во всей огромной бронированной машине германского Вермахта, следовавшей непосредственно за ним. Мне пришло в голову, что он, вероятно, разматывал телефонный кабель ещё от самого Берлина — через Польшу, Австрию, Чехословакию, Венгрию и Югославию. Теперь настала очередь Греции. Он будет идти впереди германских армий до тех пор, пока не кончатся катушки с проводом. Вот они — завоеватели. Завоеватель в очках...

Очередь из пулемёта прервала мои размышления и заставила связиста броситься в ближайшую канаву. Я даже видел, как пули выбивали искры и пыль на дорожном полотне. Я невольно задумался, каким бы выглядел этот сверхчеловек без своих очков. По радио донёсся голос майора, перемешанный с посторонними звуками боя. Он сообщил, что в районе Сотера, слева от нас, развивается атака немецкой пехоты. Внезапно совершенно иной звук, быстро нараставший прямо над головой, заставил меня вскинуть взгляд. Медленно скользя вдоль гребня, над нами летел немецкий самолёт-разведчик *Шторх/Storch*. Он прибыл, чтобы выявить позиции наших 25-фунтовых орудий и навести на них немецкую артиллерию. Нетрудно было представить, какое донесение пилот в этот момент передавал своим, обозревая всю нашу оборонительную систему. Закончив выполнение своей задачи, самолёт повернул на север, к своим позициям, но затем, словно вспомнив о чём-то, резко заложил вираж и в пологом пикировании пошёл прямо на наши танки. На высоте примерно двухсот футов над гребнем он ещё немного снизился, и от нижней части самолёта отделились два маленьких чёрных предмета. Самолёт тут же вновь набрал высоту и круто отвернул в сторону. Два почти одновременных взрыва среди танков слева от меня подтвердили мою догадку — это были бомбы. «Нахальный маленький мерзавец,» — подумал я. Для меня, находившегося в стороне и не вовлечённого в главное действие этой драмы, всё происходящее было точь-в-точь как театральная постановка или кинофильм о сражении, только без знаменитостей и столь же без героев. В глубине души я испытывал огромное облегчение оттого, что все эти неприятности происходят не со мной.

Именно вызывающая самоуверенность пилота вывела меня из равновесия и разрушила мою отстранённость. Когда самолёт медленно полетел обратно к горам, я почувствовал отчаянную потребность выстрелить хоть во что-нибудь — неважно во что, лишь бы это было немецкое. Я указал своему наводчику на цель (это показывает, насколько низко летел самолёт) и, к его немалому удивлению, отдал ему первый боевой приказ за всю войну: «Пулемёт! Вражеский самолёт! Дальность — пятьсот ярдов. Огонь!» Я предоставил ему возможность вести огонь самому, наблюдая, как трассирующие пули вытягиваются длинными светящимися струями и окутывают удаляющийся самолёт. Я с надеждой ждал увидеть чёрный дым или хотя бы малейшее покачивание машины. Но самолёт продолжал лететь как ни в чём не бывало — всё такой же самоуверенный и, что было хуже всего, даже не подозревавший об опасности. Тогда я обратил своё раздражение на деревню и группу стоявших там транспортных машин. Я не видел ни людей, ни какого-либо движения, но наблюдать, как трассирующие пули описывают свои плоские дуги, доставляло такое удовольствие, что я позволил пулемётчику продолжать стрельбу. Нам всем требовалась практика. И вдруг я узнал маленький домик позади немецких машин — это был дом моего старого знакомого пахаря. Меня охватил ужас при мысли, что мои пули могут бессмысленно прошить его жилище. Я не знал, ушёл ли он со своей семьёй вместе с потоком беженцев. Мне трудно было представить, что он способен оставить землю, частью которой был всю свою жизнь. «Прекратить огонь!» — резко приказал я.

Слева угроза атаки почти сошла на нет и свелась к нескольким редким очередям. Я воспринял это как обнадеживающий признак, зато всё больше начинал беспокоиться о правом фланге. Мой третий танк должен был прикрывать пространство за мысом. Теперь его там не было, и чёрный столб дыма, всё ещё поднимавшийся от сгоревшей машины, постоянно напоминал мне об этом. На правом фланге я всё сильнее ощущал какую-то оголённость и незащищённость. Меня всё больше тревожила мысль, что немецкий дозор может попытаться обойти нас справа, а не пробиваться по дороге. Если их передовые подразделения действительно сумели пройти от Келлы к Панталеймоносу, они могли незаметно и без всякого сопротивления продвинуться вдоль берега озера. Я ругал себя за то, что не предусмотрел этого заранее. За правый фланг отвечал я, на этой войне на мне впервые лежала серьёзная ответственность, и я её не оправдал. Я сообщил второму танку своего взвода, что собираюсь делать, и мы медленно двинулись вместе к вершине мыса. Я держал микрофон у самых губ, палец лежал на кнопке. Я был готов не только приказать механику-водителю остановиться, но и немедленно открыть огонь по пехоте, которую уже почти ожидал увидеть, густо поднимающейся от подножия холма по его склону.

Картина, открывшаяся с конца гребня, оказалась полным разочарованием по сравнению с тем, что рисовало воображение, как это нередко бывает на войне. С одной стороны от меня простиралась жёлто-бурая пашня. Она была совершенно пустой: единственным движением было медленное восхождение дыма от горящего танка. Внизу лежало озеро. Там, где по воде плыли отражения облаков, его голубая поверхность казалась серебристо-серой. Посередине озера почти незаметно двигалась лодка. Два человека в тёмной крестьянской одежде сидели рядом на средней банке и гребли. Через бинокль я различил пожилого мужчину и мальчика, оба отчаянно налегали на вёсла. Старик сознательно сдерживал свои усилия, чтобы грести в такт мальчику, и лодка не сбивалась с курса, направляясь к противоположному берегу. Лопасты вёсел взбивали за кормой завихрения, а небольшой носовой вал высотой около шести дюймов свидетельствовал о скорости их движения. Когда я опустил бинокль, вся эта сцена мгновенно снова превратилась в неподвижную картину. Я медленно повёл биноклем от озера широкой дугой — вдоль железной дороги, через Аминтеон и дальше по дороге на Веви. Немного выше города объективы поймали и удержали в поле зрения голову длинной бронированной змеи, бесконечно извивавшейся вниз от самого прохода. С десятков или больше лёгких танков — по-моему, *Mark I* — уже собирались войти в Веви.

Артиллерийский наблюдатель наверняка заметил их гораздо раньше меня. Я недоумевал, почему колонну до сих пор не накрывают огнём. Быстро оглянувшись через левое плечо, я увидел, что 25-фунтовые орудия одно за другим уже прицепляют к

тягачам и, подпрыгивая на ухабах, буксируют через поля к дороге на Козани. Похоже, арьергард уже начинал сниматься с позиций. Лично я не видел никаких особых причин для отхода, кроме той, что первый этап организованного оборонительного отступления был завершён. Совершившая первый в тот день массированный воздушный налёт группа вражеских самолетов с рёвом перевалила через горы, служившие одинаково удобным ориентиром и для своих, и для противника. Высоко в небе появились кружащие и стремительно маневрирующие *Мессершмитты*, и, когда солнечные лучи отражались от их фюзеляжей, отчётливо были видны ярко-жёлтые носы самолётов. Чуть ниже послышался другой, более тяжёлый гул — это приближалась тёмная фаланга *Штук*. По сравнению с истребителями сопровождения они казались медленными и неуклюжими, но в них чувствовалась смертельная целеустремлённость. Следом за пикирующими бомбардировщиками шли *Хейнкели* — тоже с жёлтыми носами, — чтобы завершить разрушение и деморализацию, начатые *Штуками*. Я с тревогой наблюдал за ними, но самолёты пролетели прямо над нами и скрылись на юге.

Что теперь? На своём выступе холма я начинал чувствовать себя до странности одиноким. Ни одного танка нашего эскадрона я не видел. Неужели обо мне забыли? Неужели я пропустил приказ на отход, который, судя по всему, уже получили артиллеристы Королевской Конной Артиллерии? Мои опасения наполовину подтвердились, когда эфир наполнился передаваемыми частям Эскадрона *В* приказами начать отход. Я уже собирался спросить своего радиста, не поступало ли чего-нибудь для нас, как в наушниках прозвучал долгожданный голос Бимбо. На том своеобразном, почти нелепом языке секретности, который тогда был в ходу, он сообщил, что «шумные друзья» и «друзья вроде нас» отходят, и что, выполнив свою задачу, мы теперь должны отойти через позиции Эскадрона *А*. Мне было трудно поверить, что я только что принял участие в успешном арьергардном бою против германских бронетанковых дивизий. Когда мы выехали на дорогу, мимо нас с бешеной скоростью пронеслось несколько наших крейсерских танков. У одного танка Эскадрона *В*, мчавшегося на полной скорости, башня была развёрнута почти под прямым углом к направлению движения. Когда машина с грохотом неслась по узкой дороге, я заворожённо увидел, как ствол двухфунтовой пушки с сокрушительным ударом врезался в телеграфный столб. Башню мгновенно развернуло вокруг своей оси на полный оборот — как раз вовремя, чтобы она врезалась в следующий столб. Затем последовал удар о третий, и лишь после этого экипаж, которому, должно быть, показалось, что сама Земля сорвалась со своей оси, сумел наконец взять под контроль этот обезумевший мир.

Я тревожно оглянулся назад вдоль дороги, пытаюсь понять причину такой спешки. Холмы, поля и шоссе безмолвно смотрели на меня. И только тогда я осознал, что, вероятно, между моим 9-м Взводом и противником уже никого не осталось. После этого я поспешил к Птолемаиде. Вскоре мы вошли в дефиле, где скрывался Эскадрон *А*. Подъезжая, я внимательно осматривал гребни высот, но не видел никаких танков, пока не оказался почти вплотную к ним. Я невольно порадовался, что не принадлежу к следующей группе бронетехники, которой предстояло принять бой у Птолемаиды. Командиры танков, выглядывавшие из башен, помахали мне. Я ответил каждому поднятым большим пальцем. Отъехав, как мне показалось, на достаточно безопасное расстояние, я остановил оба своих танка. Было около одиннадцати часов утра. Остальной части Эскадрона *С* нигде не было видно. На постоянные вызовы моего радиста никто не отвечал. Куда, чёрт возьми, мне теперь идти? И что я должен делать, когда доберусь туда? Ответ на один из этих вопросов пришёл вместе с ровным гулом самолётов неподалёку. Я встревоженно поднял голову. Первые группы самолётов, возвращавшихся с юга, почти лоб в лоб встречались со следующей волной, шедшей с севера. Инстинктивно мы направили танки в небольшую рощицу оливковых деревьев. Истребители и бомбардировщики, летевшие в том же порядке, что и раньше, прошли прямо над нами, словно даже не удостоив взглядом землю. Я решил, что их внимание приковано к аэродромам, складам снабжения и длинным колоннам транспорта, отходившим на юг, которые, как они прекрасно знали, должны были заполнять тыловые районы. Так продолжалось весь день. Это было лишь прелюдией к тем дням, когда смерть и увечья будут сыпаться с неба в течение каждого светлого часа. Воздух ни на

минуту не освобождался от гула самолётов. Каждый раз, когда двигатели наших танков умолкали и мы снимали наушники, до нас доносились взрывы — то близкие и внушавшие ужас, то, к счастью, далёкие. Во время всего нашего медленного, скрипучего отступления через Грецию мне постоянно казалось, что прямо надо мной висит один немецкий самолёт, что он смотрит именно на меня, что он целится именно в меня.

Тем утром я понял, что пока Эскадрон А удерживает проход у Птолемаиды, мы находимся в относительной безопасности. С воздуха нас было невозможно заметить, а в пределах видимости не было ничего, что могло бы привлечь внимание пролетающих бомбардировщиков. Примерно в полумиле к западу параллельно дороге тянулась длинная гряда холмов. К востоку местность оставалась пустынной и пересечённой до самого хребта Вермион, поднимавшегося примерно в восьми милях отсюда. Это казалось вполне подходящим местом для пикника. Оставив в танке лишь радиста для непрерывного прослушивания эфира, а наушники свесив через край башни, чтобы можно было слышать последние новости войны, я приказал обоим экипажам собрать все тщательно приберегавшиеся деликатесы. Мы понимали друг друга без слов. Если не съесть их сейчас, то, скорее всего, не удастся съесть уже никогда. Это был настоящий завтрак: кукурузные хлопья, сгущённое молоко, жареные сосиски и бекон, жареный картофель, консервированный зелёный горошек, поджаренный хлеб с мармеладом. Мы вскипятили столько чая, сколько только могли выпить. Не хватало разве что яиц и сливочного масла, во всём остальном даже вагон-ресторан *British Railways* не смог бы предложить нам ничего лучше. Правда, у нас было гораздо просторнее.

Мы растянулись на тёплом весеннем солнце на склоне македонской горы, подремывая под непрерывный гул самолётов. Они жужжали, словно пчёлы... Совсем как пчёлы... Пчёлы над лютиками... Я почувствовал, как чья-то рука трясёт меня за плечо, вырывая из сна без сновидений. Настойчивый голос повторял:

— Мистер Крисп! Мистер Крисп! Сообщение, сэр, от адъютанта.

Я быстро вскочил на ноги, одновременно расталкивая остальных.

— Хорошо. Что случилось?

— Эскадрону С приказано вновь собраться в Команосе, сэр.

— Команос? Где, чёрт возьми, находится этот Команос?

Карта лежала под рукой. После недолгих поисков мы нашли название Команос, напечатанное мелким шрифтом, примерно в десяти милях дальше к югу и приблизительно в одной миле к западу от главной дороги. Мы затушили костёр и — по какой-то странной причине — тщательно убрали за собой весь мусор. Затем, с трудом распрямив затёкшие тела, забрались на привычные места в танках и двинулись дальше — сытые и ещё наполовину сонные. Было немного позже часа дня. Дорожный указатель показывал строго на запад, на нём по-гречески и по-английски было написано: KOMANOS. Мы свернули на обсаженную деревьями аллею, которая тянулась совершенно прямо и выводила на деревенскую площадь. Это было очень красивое место. Рыночная площадь, окружённая деревьями и зеленью. Столики уличных кафе ярко освещало солнце. Мы осторожно поставили танки под деревьями и спустились вниз, оглядывая площадь в поисках остальных машин Эскадрона С, которые, как я был уверен, должны были прибыть сюда раньше нас, но обнаружили лишь несколько военнослужащих *RASC*, грузовики и нескольких потерявшихся связистов.

Утром несколько *Хейнкелей* уже побывали над Команосом. Особого ущерба они не причинили, но после них остались страх и тревога, усилившиеся с каждым новым пролётом самолётов *Люфтваффе*. Жители деревни смотрели на нас так, словно именно мы, а не немцы, были виновниками той шумной катастрофы, которая разрушила мирную жизнь их селения. До появления британцев даже редкие машины на главной дороге почти не нарушали их покоя. Водители транспортного корпуса окружили нас, требуя новостей. Никто из них за весь день не видел ни одного танка, и все они, вполне естественно, сильно тревожились за своё будущее. Единственное, что я мог им посоветовать, — как

можно скорее уходить в сторону Козани. Они немедленно отправились в путь, прихватив с собой и связистов. Оставив в каждом танке только радиста для наблюдения за эфиром, остальные мы уселись за один из столиков кафе. Неожиданно появился официант — совершенно неподходящий для военного времени человек — и принёс нам пиво. Теперь, помимо приглушённой угрозы непрерывно гудевших самолётов, появился ещё один звук. Резкие выстрелы орудий. Это была не беспорядочная трескотня винтовок или пулемётов, а сухой, хлёсткий звук тяжёлых скорострельных пушек. Сомнений не было — Эскадрон А вступил в бой. Пить пиво в Команосе в такой момент казалось совершенно неуместным.

Мы вернулись к своим танкам, оставив на столе большую горсть разных драхм — одновременно как плату и как своего рода искупление. Почти полчаса я безуспешно пытался вызвать по радио Бимбо, чтобы сообщить ему, где нахожусь согласно приказу командира полка и что он, между прочим, тоже должен быть именно здесь. Единственным человеком, с которым мне удалось установить связь, оказался Стринг, адъютант. Он пообещал попытаться найти Бимбо. Стринг сообщил, что Эскадрон А устроил *панцерам* настоящую «вечеринку», и пока всё складывается в нашу пользу. Наконец майор вышел на связь. Первым делом он спросил, какого чёрта я делаю. Я почтительно объяснил, что выполняю приказ о сборе Эскадрона С в Команосе. Он горько усмехнулся словам о «сборе». По его словам, весь Эскадрон С теперь состоял всего из четырёх танков: его собственного, моих двух и ещё одного танка из 12-го Взвода. Ещё четыре машины за ночь и утро окончательно вышли из строя из-за разрыва гусениц, а одна потеряла управление из-за поломки рулевого механизма. Он предложил мне выйти на главную дорогу, где попытается присоединиться к нам. Сам он не был вполне уверен, в какой именно деревне сейчас находится.

Радуюсь хотя бы тому, что у нас снова появилась какая-то определённая задача, мы без всякого сожаления покинули Команос. Не менее заметным было и облегчение, которое испытали жители деревни. На перекрёстке никаких признаков нашего командира эскадрона не оказалось. Мы медленно покатали обратно в сторону Птолемаиды, прислушиваясь к канонаде, всё ещё доносившейся из дефиле, хотя теперь она звучала гораздо реже. Солнце уже клонилось за западный горный хребет, окрашивая розовым светом яркую вершину Монастира. Теперь она казалась далёкой и уже больше не выглядела беспристрастной. Тени медленно выползали из гор на дорогу, напоминая мне о приближении ночи и о необходимости принимать решения.

Немного позже шести часов Бимбо снова вызвал меня по радио. На этот раз в его голосе отчётливо звучала тревога. Только что его посетил офицер связи из штаба бригады с приказом: Эскадрон С должен прикрыть штаб бригады от немецких танков, которые были обнаружены, обходящими наш левый фланг и уже приблизившимися к штабу примерно на тысячу ярдов. Мой собственный приказ был предельно краток. Я должен был поставить свой взвод между штабом бригады и противником и удерживать немцев столько, сколько смогу. Было бы гораздо легче, если бы я знал, где находится штаб бригады. Я вообще не знал, что штаб бригады находится где-то поблизости; если честно, я едва ли вообще задумывался о его существовании. Я несколько растерянно оглядел окрестности, пока не понял, что решение моей задачи заключается в том, чтобы найти противника.

Немцы получили хороший отпор от Эскадрона А, вышли из боя и теперь направили свои лёгкие танки в обход наших флангов. Я внимательно изучил карту и увидел, что местность между дорогой и холмом слева от меня заболочена и изрезана множеством мелких ручьёв. Немцы, разумеется, должны были выбрать более высоко расположенную местность у подножия холмов. Насколько мне было известно, остановить их там было некому. Значит, именно там их и заметили, и именно туда мне следовало идти. По дороге в сторону Козани отходило довольно много транспорта. Среди него было несколько танков Эскадрона А, командиры которых весело махали мне руками и широко улыбались. Это меня очень приободрило. Я внимательно разглядывал темнеющие склоны в бинокль и как раз различил тёмную цепочку танков, двигавшихся вдоль подножия холмов, когда услышал, как кто-то зовёт меня по имени. Это был Тоби. Он ехал в грузовике вместе с офицерами и унтер-офицерами Эскадрона С и кричал мне: «Что ты здесь делаешь? Тебе

надо быть вон там, наверху. Там, где идёт бой. Именно там тебе и место!» Я был совершенно ошеломлён, увидев всех своих друзей из Эскадрона С, согнанных в кузов грузовика, словно овец, и столь же бесполезных с военной точки зрения. Мне показалось, что Тоби говорит довольно резко, но я понимал, что для него это вполне естественная реакция. Объяснять ему что-либо времени не было. Я подмигнул Хэрри Мегрейту и вновь занялся наблюдением. Теперь я уже отчётливо различал колонну из примерно двадцати немецких лёгких танков. Они двигались один за другим, сохраняя интервал не более десяти ярдов между машинами. Я отдал необходимые распоряжения своему сержанту, командовавшему вторым танком взвода, помахал ребятам в грузовике, внимательно наблюдавшим за нами, и двинулся вперёд по диагонали. Если обе стороны продолжат движение прежним курсом, мы должны были столкнуться лоб в лоб. Я рассчитывал, что, если сумеем выйти им наперерез, а они продолжат двигаться одной колонной — а я очень надеялся, что местность не позволит им развернуться, — мы сможем уничтожить их по одному, не подвергаясь массированному ответному огню.

Моряки, вероятно, узнали бы в этом несколько изменённый вариант тактики, известной как «кроссинг Т» (*также «охват головы» – ВК*). Увы. Мы успели пройти всего около двухсот ярдов в сторону немецких танков, когда оба механика-водителя были вынуждены резко остановиться, чтобы не въехать прямо в болото. С нашими изношенными гусеницами рисковать было нельзя - мы бы уже никогда не выбрались обратно. Обойти это место, похоже, тоже было невозможно. Темнота быстро сгущалась. Если мы хотели остановить немецкие танки, именно сейчас и именно здесь следовало вступать в бой. Я сказал своему сержанту: «Попробуем достать их отсюда» и отдал наводчику команду открыть огонь. Дальность составляла около восьмисот ярдов, возможно немного больше. Наводчик крикнул мне, что едва различает цель. Тогда я приказал ему взять за ориентир головной танк колонны по направлению, а поправки по дальности я буду давать сам. Почти сразу мои зубы и череп содрогнулись от резкого удара выстрела двухфунтовой пушки. Я увидел, как снаряд упал примерно на пятьдесят ярдов перед целью: «Выше на сто!» Трассер следующего выстрела словно вонзился прямо в бурое пятно головного танка. Я приказал наводчику продолжать стрелять по этой установке, но после каждого второго выстрела увеличивать прицел ещё на пятьдесят ярдов и переносить огонь дальше по колонне. Пушка моего сержанта яростно грохотала рядом. Ему не требовалось объяснять, что делать: в танках и артиллерии он разбирался гораздо лучше меня. Оранжевые трассеры наших двух пушек почти непрерывным потоком рассекали сгущавшуюся темноту. В какой-то момент я заметил бегущих людей и приказал открыть огонь из пулемёта. Сержант тоже увидел их. Вскоре воздух наполнился маленькими светящимися метеорами пулемётных пуль, смешивавшимися с похожими на кометы трассерами наших пушек. Было бы чрезвычайно интересно узнать, что происходило на другом конце поля боя, но темнота уже не позволяла вести нормальное наблюдение. Я не замечал, чтобы по нам кто-либо стрелял в ответ, зато совершенно точно знаю, что через несколько минут немецкая колонна остановилась. В сумеречном зареве позади неё поднялись два густых столба чёрного дыма. Майор тоже заметил их — он был где-то позади нас. Он вышел на связь, поздравил нас несколькими словами и сообщил, что задача выполнена и мы можем возвращаться к дороге. В тот вечер он записал в журнал боевых действий эскадрона: «Второй лейтенант Крисп подбил два лёгких танка противника». С тех пор меня не покидает чувство вины. Мне всё время кажется, что немецкая колонна остановилась всего лишь для вечернего приёма пищи, а два столба дыма поднимались от двух особенно старательных танковых экипажей, которые просто кипятили себе чай.

Мы нашли Бимбо стоящим на краю шоссе. Он с самым несчастным видом смотрел на свой танк и отчаянно ругался. Он попытался последовать за нами, но в сгущавшихся сумерках наскочил на заболоченный участок. Гусеницу забило грязью, и когда она пошла на ведущую звёздочку, её разорвало. Одиноким танк 12-го Взвода ожидал нас прямо на дороге. Теперь нас осталось трое, и майор, прервав свой пылающий гневом монолог, сообщил, что батальону приказано отходить на рубеж южнее реки Альякмон, а три танка Эскадрона В оставлены в качестве дорожного заслона по ту сторону Козани до тех пор, пока через них не пройдёт штаб бригады. По его мнению, штаб в этот момент находился

где-то на равнине восточнее нас. Он перебрался в третий танк, и мы двинулись в темноту. До восхода луны видимость не превышала нескольких ярдов, и по мере того, как горы всё теснее смыкались с обеих сторон дороги, казалось, что становится всё темнее и темнее. До Козани было около двадцати миль. Всю дорогу предстояло идти в гору, к вершине перевала. Когда мы добрались до окраины города, было уже почти полночь. Там майор бригады развернул нас обратно, приказав ехать навстречу бригадиру, а затем организовать дорожный заслон для прикрытия отхода штаба бригады. Мы снова загрохотали назад по дороге. Вскоре из темноты начал вырисовываться силуэт штабного автомобиля. Это означало, что мы встретили Чэррингтона. Я видел его впервые в жизни, да и тогда почти ничего не смог разглядеть. Он производил впечатление человека совершенно невозмутимого и полностью владеющего собой. Из его разговора с нашим майором я понял, что всё идёт согласно плану и что Эскадрон А весьма основательно потрепал немцев. Пока он говорил, позади него подтянулись оставшиеся машины и танки штаба бригады. Я заметил также взвод лёгких танков Полка Гусар.

Бригадир отдал распоряжение относительно дорожного заслона, после чего уехал, а за ним последовали его штаб и охрана. Когда мимо проходил последний лёгкий танк, один из офицеров перегнулся через борт и крикнул: «Ну вот и всё. Следующий танк, который увидите, можете считать немецким и открывать по нему огонь». Бимбо сказал, что в качестве арьергарда ему нужно оставить только один танк: «Ну что, есть желающие? Придётся просидеть здесь примерно час». Я ответил, что едва ли кому-нибудь такая задача придётся по душе, но поскольку мой танк из трёх стоял первым, разумнее всего оставить именно его на месте, а остальные пусть уходят. Все согласились, что это наиболее здравое решение. Я смотрел, как они растворяются в ночи. За ними осталась тяжёлая, почти осязаемая чёрная тишина. Ждать там, в неподвижной темноте, было жутковато. С одной стороны дороги начинался крутой обрыв, с другой почти отвесно поднималась гора, поэтому беспокоиться приходилось только о том, что может появиться прямо по дороге. В подобных условиях любой приближающийся противник оказался бы в крайне невыгодном положении, а у меня было бы достаточно времени, чтобы заметить его. Однако одну предосторожность следовало принять. Я приказал Скипперу осторожно развернуть танк, чтобы он стоял носом на юг. Затем повернул башню так, чтобы пушка смотрела вверх моторного отделения назад, вниз по дороге. Если до истечения часа нам всё же придётся отходить под нажимом противника, мне совсем не хотелось пятиться задним ходом до самого Козани в кромешной темноте.

Когда Скиппер запустил двигатель, его рёв прозвучал так, словно одновременно стартовал весь пелетон автомобилей гонки *Гран-при*. Для немцев — если внизу перевала действительно были немцы — этот звук должен был показаться весьма неприятным. Наверное, им могло почудиться, будто целый танковый батальон движется прямо на них. Поразмыслив, я пришёл к выводу, что в ту ночь на дороге к Козани нервничал не только я один. Я решил выдержать положенный час, но этот час тянулся бесконечно долго. Тишина и темнота были почти материальны. Лишь наши приглушённые разговоры да смутные движения нарушали их, когда мы парами осторожно проходили немного вперёд по дороге, пытаясь что-нибудь увидеть или услышать. Скалы и ночь окружали нас так плотно, что даже эти едва различимые звуки отзывались эхом. Казалось, будто рядом движутся какие-то другие люди. Они останавливались одновременно с нами, начинали идти, когда шли мы. Наконец я решил, что мы пробыли здесь достаточно долго — и с точки зрения тактики, и ради собственного чувства достоинства. Было около часа ночи. Я оставил пушку развёрнутой назад и приказал Скипперу запускать двигатель. Стартер завертелся и остановился. Потом снова долго вращался, но двигатель так и не ожил. Скиппер выбрался из своего маленького люка.

— Надо посмотреть, сэр. Похоже, бензин не поступает. Сейчас всё будет *текай* (в порядке).

Через две минуты его приглушённый голос донёсся из недр моторного отделения:

— В карбюратор не поступает бензин. Либо топливопровод забит, либо чёртов бензонасос накрылся. Сид! Нажми ещё раз на стартер, ладно?

Наводчик перегнулся и нажал кнопку. Стартер послушно закрутился, но из двигателя снова донёлся только голос Скиппера.

— Всё, сэр. Конец. Проклятый насос приказал долго жить. Нельзя где-нибудь достать запасной?

Я мысленно проклял всех производителей бензонасосов в Соединённом Королевстве, но всё же вышел на связь с Бимбо. Тот сообщил, что запасных частей нет вообще ни для чего. Нужно эвакуировать экипаж и уничтожить танк. Я ответил, что мы пешком доберёмся до Козани, но ради всего святого пусть предупредят дорожный заслон Эскадрона *B*, что мы идём, иначе нас могут принять за немцев и расстрелять. Потом мы уедем вместе с ними. Скиппер никак не мог поверить услышанному. Он просто не способен был осознать, что его танк сейчас придётся уничтожить лишь потому, что вышел из строя какой-то несчастный бензонасос. Оторвать его от двигателя было почти так же трудно, как заставить капитана покинуть мостик тонущего корабля. Он не желал иметь ничего общего с подготовкой к уничтожению танка. Мне кажется, он совершенно искренне был готов погибнуть вместе с ним. Мы буквально оттащили его силой, и мне пришлось довольно резко приказать ему оставаться в стороне. Мы закинули маскировочную сеть внутрь башни, облили её бензином и засунули в складки две ручные гранаты *Mills*. Я одновременно отпустил оба предохранительных рычага, прыгнул с танка и бросился бежать. Когда раздался взрыв, мы остановились и обернулись - из люка башни вырвался шар ослепительно раскалённого дыма. Затем вспыхнули сеть и бензин — пламя взметнулось вверх единым мощным языком, опаливая скалы и пожирая темноту. Высоко над нами вершины гор замерцали в отблесках огня, а противоположный склон ущелья озарился зловещим сиянием. Мы инстинктивно попятились прочь от жара и света этой сатанинской свечи — обратно в темноту, которая теперь стала нашим союзником. Рядом со мной Скиппер что-то бормотал и яростно ругался. Я крепко держал его за руку. В неровных отблесках пламени я посмотрел ему в лицо и увидел, что у него на глазах блещут слёзы: «Пойдём, Скиппер. Надо убираться отсюда, пока не начали взрываться боеприпасы и бензобаки. Нам ещё около мили идти пешком».

Мы побрели обратно к Козани, оставляя за спиной собственный маленький ад — шумный, но по сравнению с тем, что нас ожидало впереди, почти безобидный. В небе уже было достаточно света от скрытой за облаками луны, чтобы различить, как дорога расширяется, переходя в центральную площадь, окружённую каменными зданиями и балконами Козани. Слева отвесные стены высоких зданий магазинов и складов заменили собой скалы гор. Посреди площади мы с огромным облегчением увидели массивные силуэты крейсерских танков Эскадрона *B*. Командир взвода окликнул меня: «Это ты, Боб? Мы тебя ждали. Забирайтесь на корму, и будем убираться отсюда. Ну и шуму же наделал твой танк!» Мы вчетвером разбились на пары и вскарабкались на жалюзи моторного отделения. Я крикнул командиру: «Всё в порядке!», и мы быстро двинулись дальше. На веранде здания, похожего на гостиницу, неподвижно стояла одинокая фигура — человек в пижаме и пальто. Он спокойно смотрел нам вслед. Я невольно подумал: будет ли он стоять там же, когда с рассветом в Козани войдут первые немецкие танки?

На крышке моторного отсека было тепло. Временно избавившись от всякой ответственности, я подложил под спину вещевой мешок, прислонился к башне и, убаюканный рокотом двигателя и вибрацией машины, заснул.

Глава 11

«Берегись! Сейчас перевернёмся!» Громкий крик Скиппера мгновенно вырвал меня из сна. Я успел лишь почувствовать, что танк опасно кренится, и сразу же бросился спиной назад через край моторного отсека. В тот миг я только мельком ощутил жгучую боль в ноге. Танк резко остановился, накренившись в противоположную от меня сторону. Я оказался стоящим на самой кромке дороги и смотрел на машину, нелепо зависшую над крутым склоном. Я уже кричал командиру танка, что теперь придётся сдавать задним ходом обратно на дорогу, как двигатель снова взревел. Не колеблясь ни секунды,

механик-водитель включил первую передачу и тронул танк с места. Внутреннюю гусеницу он затормозил, а внешняя отчаянно швыряла грязь и камни, стараясь вытянуть машину. Наступил миг, когда вся эта громадная масса брони, механизмов, людей и вооружения опасно зависла, удерживаясь лишь благодаря тому, что центр тяжести ещё не вышел за пределы опоры. В самый критический момент водитель отпустил левый рычаг управления. Тяжёлый танк рывком подался вперёд и вверх. Вращающиеся гусеницы наконец вцепились в твёрдое дорожное покрытие. Поединок с пропастью закончился. Я посмотрел на Скиппера. «Вот это человек, который действительно знает свой танк,» — сказал он. Я молча кивнул.

Либо это было блестящее мастерство механика-водителя, либо он просто не понял того, что поняли мы: если бы верхняя часть корпуса накренилась ещё хотя бы на шесть дюймов, он сам и весь экипаж вместе с танком покатались бы вниз по горному склону — в вечность. По задней стороне моей ноги потекло что-то тёплое. Я посмотрел вниз, вспомнив ту короткую вспышку боли. Брюки боевого комбинезона были разорваны от ягодицы почти до колена. Через длинную прореху виднелась глубокая красная рана — кожа и мышцы были рассечены почти по всей длине бедра. Я одолжил у командира танка индивидуальный перевязочный пакет. Когда мы снова тронулись в путь, Скиппер занялся моей ногой. Выглядела рана гораздо страшнее, чем была на самом деле, хотя несколько последующих дней она доставляла мне немало неудобств.

Ночь тянулась бесконечно и шумно. Большую часть времени моя спина была плотно прижата к башне, и это постоянно напоминало мне о невидимом спуске вниз. Позади, под бледным светом луны, серебристой лентой уходила дорога. Следом двигался второй танк, словно его тянули какие-то невидимые цепи. Наш механик-водитель, стремясь не отставать от товарищей, спешил. Мне казалось, что на всех этих бесчисленных поворотах и серпантинах мы идём слишком быстро. В одном месте дорога резко нырнула вниз, затем снова выровнялась. Привычный хруст гусениц вдруг сменился гулким, раскатистым грохотом. Я увидел, как мимо проплывают металлические фермы моста. Далеко внизу тускло блеснуло призрачное отражение — там быстро несла свои воды горная река. «Должно быть, это Альякмон!» — крикнул я Скипперу. Думаю, мы оба внутренне расслабились при мысли, что скоро окажемся среди своих. Поскольку мы понятия не имели, что рубеж по реке Альякмон назначен оборонительной позицией, нам не пришлось испытать разочарование, узнав, что именно на этом участке его уже никто не обороняет. Гул двигателя поднялся на октаву выше, когда танк начал взбираться на противоположный склон, и мне пришлось изменить своё положение из-за изменившегося наклона башни.

В ночи ощущалась явная перемена. Сама её темнота словно утрачивала свою плотность. Вскоре рассвет стремительно залил небо, открыв хаос гор, через которые мы только что пробирались и которые со всех сторон заполняли ближний горизонт. Свет буквально хлынул через вершины. Командир танка крикнул мне вниз: «Приехали!» Ещё через минуту-другую мы въехали на стоянку машин. Каждая стояла под деревом и была тщательно замаскирована. Повсюду нам улыбались знакомые лица под чёрными танковыми беретами. Над несколькими кострами уже поднимался бледный дымок — экипажи торопились вскипятить чай, пока не появились самолёты. И вот мы снова были среди своих, в составе Эскадрона С, наслаждаясь кружкой горячего чая и стремительным обменом новостями, слухами и фронтовыми сплетнями. К своему удивлению, сверившись с картой, я обнаружил, что мы находимся вовсе не на главной дороге, проходившей через Сервию вдоль западных склонов Олимпа к Лариссе. Оказалось, мы свернули на юго-запад, на второстепенную дорогу, ведущую через Гревену, а затем дальше на юг, где она соединялась с главной дорогой Ларисса — Янина возле городка Калабака. Разумеется, я спросил, почему мы здесь. Мне объяснили, что главная дорога отведена австралийским войскам, прикрывавшим отход через перевал Сервия. Их задачей было не допустить немцев к Лариссе до тех пор, пока греческие и британские части, отходившие из Западной Македонии, не сумеют выйти из-под удара. Аналогичная задача была поставлена новозеландцам на восточном прибрежном направлении. Нашей единственной заботой оставалась дорога, по которой мы только что пришли.

Ну и, конечно, воздух. Я совсем забыл про воздух, но ненадолго. До нас донёсся нарастающий гул из долины, где протекал Альякмон. Это был первый самолёт в тот день — снова *Шторх*, занимавшийся поиском целей для новых воздушных ударов. Он заметил наши машины и людей, расположившихся на склоне холма, и низко прошёл прямо над нами, пролетев всего в нескольких сотнях футов над землёй. Я схватил первое попавшееся оружие — это оказался ручной пулемёт *Брен/Bren*. Подняв ствол примерно в сторону самолёта, я нажал на спуск и старался вести трассирующие пули так, чтобы они попадали в полотняную обшивку машины. Раздался резкий треск, похожий на перебои в работе двигателя. Хэрри и Дикки одновременно закричали: «Попал!» Мы замерли, ожидая, что самолёт сейчас рухнет. Но треск продолжался, и лишь когда мы увидели, как солдаты дальше по склону бросаются в укрытия, стало понятно, что это вовсе не двигатель начал барахлить — это строчил его пулемёт. Мне стало немного неловко.

Позднее утром было решено свести все оставшиеся в батальоне двенадцать исправных танков в один сводный эскадрон. Командование им поручили командиру Эскадрона А. Я довольно быстро пришёл к выводу, что смотреть на Грецию лучше из танка, а не из кузова грузовика хотя бы потому, что так было значительно безопаснее, да и возможность дать отпор противнику всё же сохранялась. Без особого труда я принял под своё командование единственный оставшийся танк 12-го Взвода и пересадил туда свой экипаж. Они были довольны этим не меньше моего. Немного позже заново сведенный 3-й Батальон КТП снова двинулся на юг длинной колонной транспортных машин, которую замыкали двенадцать бронемашин. Полковник ехал в танке командира эскадрона. Я сознательно устроил так, чтобы мой танк оказался последним в колонне. Во-первых, мне казалось разумным держаться как можно дальше от небронированных автомобилей. Во-вторых, я считал, что чем дальше я буду находиться от полковника и старших офицеров, тем спокойнее и свободнее нам будет. Оба решения впоследствии оказались правильными и весьма благоразумными.

Из-за шума двигателя и наушников я оставил наводчика снаружи, на корме танка, чтобы он мог вовремя предупредить нас о появлении самолётов. Ждать пришлось недолго. Я почувствовал лёгкое похлопывание по плечу и обернулся. Над нами уже кружил своеобразный «зонтик» прикрытия из истребителей, сопровождавших стаю *Штук*. Я сразу же загнал танк под кроны деревьев и стал наблюдать. Восемь пикирующих бомбардировщиков появились так, словно летели по отражению дороги, проложенному прямо в небе. «Этот проклятый разведчик, — подумал я, — своё дело выполнил на совесть». Самолёты были ещё хорошо видны, когда их плотный строй распался. Они начали описывать медленные тесные круги, словно стая стервятников, заметивших беспомощную добычу. Ведущий самолёт внезапно сорвался в стремительное пикирование. Машина завывала и завизжала в каком-то исступлённом, почти отвесном падении, настолько жутком, что невольно задаёшься вопросом: что же должен испытывать человек, оказавшийся прямо под ним? Было отчётливо видно, как бомба резко отделилась от самолёта и устремилась вниз. Сам же самолёт, словно избавившись от тяжкого груза ужаса, круто взмыл вверх и ушёл в сторону. Ещё не закончил своё пикирование первый самолёт, как в атаку уже бросался второй, за ним — третий и так до тех пор, пока все восемь *Штук* не исполнили своё устрашающее представление. Взрывы следовали один за другим почти без перерыва. Короткие вспышки разрывов сливались в непрерывную череду, а затем над местом прямого попадания медленно поднялся густой чёрный столб дыма. Всегда поражало, насколько невелик был их реальный разрушительный эффект. *Ju-87* — *Штука* — была скорее орудием страха и психологического террора, чем средством массового физического уничтожения. В Греции пикирующие бомбардировщики выполняли свою задачу с мрачной эффективностью, поскольку практически не встречали противодействия ни в воздухе, ни с земли. Позднее, в Северной Африке, когда Королевские ВВС завоевали превосходство в воздухе, неповоротливые *Штуки* превратились почти в неподвижные мишени для *Харрикейнов* и *Спитфайров/Spitfire*. Они получили именно то, чего вполне заслуживали. И для нас, сумевших выбраться из Греции и сохранивших в памяти кошмарный визг их атак, не существовало более приятного зрелища, чем последнее пикирование *Штуки* — такое, после которого самолёт уже не выходил из атаки.

В Греции *Люфтваффе* добавили к своему арсеналу ещё один способ вселять ужас. Следом за *Штуками* появлялись группы *Хейнкелей*, которые поодиночке или парами рыскали вдоль переполненных дорог, сбрасывая бомбы и расстреливая из пулемётов всё, что двигалось. После них *Мессершмитты*, уже освободившиеся от обязанности сопровождать бомбардировщики, позволяли себе небольшое развлечение — по пути домой они уничтожали всё, что попадалось им на глаза. От рассвета до заката почти никогда не проходило больше получаса без того, чтобы над нами не появился немецкий самолёт. Именно это непрерывное давление — постоянный шум моторов и ежечасная угроза гибели — усиливало психологическое воздействие непрерывного отступления. Из-за этого многие люди превращались в настоящих неврастеников. Стоило лишь донестись далёкому гулу самолётов, как они выпрыгивали из кабин грузовиков и с водительских мест, зачастую даже не остановив машины, и бросались прочь от дороги. Они продолжали бежать до тех пор, пока небо снова не становилось чистым и пока грохот взрывов не переставал звучать у них в голове. Потом они медленно, настороженно возвращались к своим машинам и проезжали ещё несколько миль — до следующего налёта или даже до одной только угрозы налёта, которая снова обращала их в бегство. Такое происходило лишь с частью отступавших войск, но достаточно часто, чтобы страх стал столь же заразительным, как корь. Никогда прежде я не видел столь большого количества людей, которые были бы настолько открыто, без всякого стыда охвачены страхом, как на разбомбленных дорогах Греции. И, слава Богу, никогда больше мне не довелось увидеть ничего подобного.

Мы медленно ехали вслед за колонной, минуя свежие воронки и очередной тлеющий грузовик. Затем перевалили через ещё один высокий перевал и ближе к вечеру спустились в долину, прорезанную спокойной рекой, вдоль которой шла дорога. По обеим сторонам тянулись зелёные волнистые холмы, постепенно поднимавшиеся к окружавшим их горным хребтам. На склонах виднелись виноградники и оливковые рощи. Река, серебристо поблёскивая, весело журчала, перекачиваясь по галечному руслу. Впереди уже показались крыши и белые стены домов Гревены, а также колокольня местной церкви. Мы перевалили через небольшой подъём, и танк словно сам остановился. Перед нами внезапно открылась вся картина происходившего ужаса: в узком ущелье впереди нас греческий обоз снабжения, не имевший ни малейшей возможности ни уклониться, ни укрыться, попал под удар *Штук*. Греческие транспортные колонны совершенно не походили на прекрасно организованные эшелоны снабжения, к которым мы уже успели привыкнуть. Недостаток автомобилей и топлива, ограниченные возможности железных дорог, плохие автомобильные дороги и чрезвычайно пересечённая местность — всё это серьёзно осложняло снабжение удалённого фронта в Албании. Большая часть военных грузов доставлялась туда длинными колоннами вьючных животных и повозок, запряжённых волами. Это были вовсе не большие фургоны, типичные для Южной Африки, и не крытые повозки американских переселенцев времён освоения Запада. Это были более лёгкие и удобные телеги, рассчитанные на тяговую силу всего лишь пары волов. Глядя вниз, в теснину у Гревены, мы сразу поняли, что произошло. Встретились две колонны, идущие навстречу друг другу. Одна возвращалась с фронта с пустыми повозками, другая поднималась туда, полностью нагруженная. Нетрудно представить, что при такой встрече остановка неизбежно затягивалась. Люди обменивались новостями с передовой и из тыла, приветствовали старых друзей и родственников. Пока возчики шутили и разговаривали, волов попарно отводили с дороги, чтобы они могли пощипать травы. Именно в этот момент их и обнаружили *Штуки*. Люди ещё смогли броситься бежать вниз по склону, к руслу реки, но для животных спасения не существовало. Они лишь недоумённо поводили ушами, уловив незнакомый звук, и видели, как их человеческие спутники вдруг начали кричать и метаться.

Сидя на башне своего танка, я не сразу смог ни глазами, ни воображением осознать весь смысл той чудовищной картины, которая открылась перед нами. Лишь мой нос подсказал мне её истинное значение, когда вниз по долине медленно поплыл страшный запах разлагающейся, вздувшейся плоти. Я повязал носовым платком нижнюю часть лица, чтобы хоть немного защититься от смрада и от отвратительного привкуса, который он оставлял во рту, и приказал механику-водителю двигаться вперёд. После этого

ураганного налёта не уцелела ни одна повозка. Предыдущая колонна уже успела расчистить узкий проход среди обломков и трупов. Мы двигались по этому коридору ужаса с похоронной медлительностью. Это было похоже на путешествие по долине смертной тени. Перевернутые и разлетевшиеся в щепки телеги были перемешаны с перевернутыми и изуродованными тушами волов, искорёженное дерево сливалось с искалеченной плотью в каком-то безумном торжестве полного уничтожения. Нелепо раздувшиеся воловьи трупы лежали на спинах, их головы были вывернуты под невозможными углами. Ноги торчали кверху, окоченевшие и неподвижные, словно грузовые стрелы затонувшего корабля. Но сильнее всего потрясали нас не мёртвые - потрясали живые. Именно они наполняли наши глаза слезами, а желудки — мучительной тошнотой. Вероятно, в этих двух обозах было более двухсот волов, из всего этого числа катастрофу пережило около двадцати животных. Теперь они терпеливо стояли среди всеобщего разрушения. В их покорности ощущалось полное отсутствие способности осознать случившееся, но в их глазах ясно читались растерянность и одиночество. Они ждали человека, того самого человека, который, как всегда, должен был прийти, произнести привычные слова, издать знакомые звуки и заставить подняться своего обычного спутника — того самого, кто по-прежнему лежал рядом, хотя уже был мёртв, всё ещё соединённый с ними ярмом, как был соединён при жизни. Нигде не было видно ни одного человека.

Гревена тоже оказалась совершенно пустой: бомбардировщики прошли и здесь, оставив на земле, долгие годы знавшей лишь мир, свои глубокие воронки. Я остановил танк и направился к церкви, где встретил священника. Вернее, это священник нашёл меня. Он достаточно хорошо говорил по-английски, чтобы объяснить: самолёты налетали на их город дважды. Жители днём больше не оставались в домах и уходили прятаться в горы.

— А что будет с волами?

— Да... — ответил он. — Что-нибудь сделают. Они ведь не наша собственность. Они принадлежат армии.

— Когда? Сегодня вечером?

Он лишь пожал плечами.

— Животные принадлежат армии.

— Тогда пойдёмте и освободим их. Они не могут так оставаться.

Мы развернули танк и поехали обратно. Экипаж полностью поддержал моё предложение. Все они обладали той мгновенной жалостью к бессловесным животным, которая вообще свойственна людям их склада. Работа была отвратительной. Мы рубили, резали и разрывали ярма, освобождая животных. Несчастные волы терпеливо переносили наше грубое обращение, не проявляя ни злобы, ни страха. Получив свободу, они медленно подошли к реке и долго, спокойно пили воду, потом вышли на берег и начали мирно щипать жёлтую траву. Мы им завидовали. В деревне мы встретили нескольких офицеров греческой армии. Они уверяли нас, что на северо-западе ещё остаются значительные греческие силы и что в течение этой ночи и следующего дня они будут отходить на юг. Я усомнился в этом. Не в том, что греческие части действительно находятся позади нас, а в том, что они вообще смогут отступить по той самой дороге, по которой только что прошли мы. Из разговора я понял, что противник ещё не переправился через Альякмон. При данных обстоятельствах мне показалось одновременно безопасным и разумным провести ночь именно здесь и хоть немного поспать. Особенно отдых был необходим Скипперу. Если в предстоящие дни боёв нам предстояло пройти весь длинный путь вниз по греческому полуострову, силы ему были жизненно необходимы. Я передал полковнику успокаивающее сообщение, сообщив о нашем намерении остаться на месте. Вскоре я получил подтверждение от адъютанта, что сообщение принято.

Мы отъехали на несколько сотен ярдов к югу от города и остановились в небольшой сосновой роще. В этом каменистом караю деревья встречались редко, поэтому грех было не воспользоваться таким укрытием. Разумеется, первым делом вскипятили чай. Потом,

оставив одного человека в карауле на двухчасовую смену, остальные легли спать, Однако полноценным этот сон назвать было нельзя. Наш слух всё время был насторожен, ожидая первых звуков стрельбы, которые — если верить греческим офицерам — должны были возвестить о приближении противника. Ночью мимо нас прошло множество людей и машин, но они нас не тревожили, даже если замечали. Я надеялся, что все они были греками, но, если честно, я так смертельно устал, что мне было почти всё равно.

Едва только на востоке проступили силуэты гор, мы начали готовиться к дальнейшему пути. Мы рискнули ещё раз развести небольшой костёр и снова вскипятить чай. Бывают минуты, когда ничто — даже сама жизнь — не кажется таким драгоценным, как кружка горячего чая или один лишний час сна. Полезно хотя бы однажды испытать подобное чувство — оно навсегда меняет представление человека о том, что действительно имеет ценность. Мы двинулись дальше с наступающим рассветом и под другой неизменный признак нового дня — всё усиливавшийся гул первых самолётов. Как я и ожидал, одинокий танк не представлял для них никакого интереса. Всё внимание лётчиков было приковано к забитым дорогам, к медленно двигавшимся, совершенно беззащитным колоннам грузовиков и транспортных машин. Оставалось только наблюдать за веселыми воздушными рыцарями, сидевшими в *Мессершмиттах* и *Хейнкелях*. До нас доносился пронзительный вой пикирующих бомбардировщиков, сопровождаемый грохотом разрывов. Над линией рассветного горизонта один за другим поднимались высокие чёрные столбы дыма. Дорога впереди была совершенно пустынной. Я даже пошутил со своими товарищами, что, пожалуй, мы уже оказались позади немецкой армии.

Однако шумы, которые мы слышали ночью, всё же не давали мне покоя. Во всяком случае, они настолько меня тревожили, что я решил связаться с батальонным штабом и выяснить его местонахождение. Мне сообщили, что штаб находится в одной-двух милях к югу от следующей реки — притока Альякмона, называвшегося Венетикос. По карте я видел, что до неё уже совсем недалеко, но я никак не ожидал, что она возникнет буквально под самыми гусеницами. Дорога шла чуть ниже длинного ровного гребня. Мы обогнули крутой поворот, и водитель невольно резко потянул рычаг назад, потому что перед ним вдруг открылось нечто похожее на пропасть. Земля внезапно круто ушла вниз, в глубокое ущелье, которое река Венетикос прорезала в скалах. В тысяче футов под нами она яростно извивалась, неся мутный, наполненный грязью поток. Если бы ветер дул мне в спину, я, пожалуй, смог бы плюнуть прямо в реку. Между нашим танком и рекой дорога была вырублена в крутом склоне и изгибалась в форме тесно сжатой буквы Z. Внизу она заканчивалась мостом, который с этой высоты казался восклицательным знаком. Точку этого знака образовывало одинокое дерево на противоположном берегу. На другом берегу и на склонах за ним сновали военные. В отличие от голого, безжизненного склона передо мной, противоположный был покрыт низкорослыми деревьями и кустарником. Хаки британской формы и стальные каски были отчётливо видны. Я невольно отметил, что повсеместное ношение касок стало своеобразной данью непрерывности и внезапности воздушных налётов.

Мы осторожно спустились к реке по трём крутым серпантинам, после чего, скрипя и грохоча, въехали на мост. Деревянные конструкции протестующе стонали под тяжестью танка. Несколько раз гусеницы с резким треском задевали за края моста. Каждый такой удар заставлял меня думать, что вот сейчас мы рухнем в этот неприветливый поток. Мост вовсе не внушал доверия. Толстые, неплотно уложенные доски лежали на массивных балках и деревянных опорах, которые покоились на трёх каменных быках. Эти опоры, подобно тупоносым баржам, рассекали шоколадно-коричневое течение. На другом берегу меня уже ждал майор Уоррен. Неподалёку стоял вместительный грузовик ремонтной мастерской *LAD (Light Aid Detachment – Оперативная Мобильная Техпомощь)*, рядом с которым находился наш офицер из R.A.O.C., капитан Плюс (Plews).

Поначалу меня глубоко тронула столь заботливая встреча. Но вскоре я понял, чем всё это было вызвано.

— Переправу необходимо удержать, Боб, — сказал Бимбо. — Это нужно для того, чтобы греческие части смогли выйти из гор на этой стороне Альякмона, пока немцы будут восстанавливать мост. Пехота уже окапывается на этом склоне, а за гребнем заняла позицию батареи «Бофорсов».

Он сделал небольшую паузу.

— Полковник хочет, чтобы ты своим танком устроил дорожную блок. Мне очень жаль...

— Всё в порядке, сэр. Сначала только посмотрю, где лучше расположиться. Здесь уж слишком открыто — особенно для тех, кто окажется наверху, на противоположной стороне.

Сказать по правде, радости я не испытывал. Если моей задачей было не допустить немецкие танки к мосту, необходимо было найти такое место, откуда я смог бы открыть огонь прежде, чем они заметят меня. Единственная надежда заключалась в том, чтобы заставить их спуститься к мосту по дороге и затем, уничтожив как можно больше машин, перегородить им путь, прежде чем уничтожат нас самих. Положение складывалось крайне неприятное, но теперь я очутился в нем, и мне оставалось лишь сделать всё от меня зависящее. Я ведь не мог просто отказаться выполнять приказ, поэтому особого смысла размышлять над какими-либо другими вариантами уже не было. Пока я торопливо оценивал обстановку, над ущельем стал неторопливо выписывать круги самолёт-разведчик *Шторх*. Расчёты *Бофорсов* немедленно открыли по нему огонь, он резко отвернул и поспешил уйти, явно пребывая в состоянии сильнейшего волнения. По крайней мере теперь его экипаж наверняка понял, что переправа, вероятнее всего, хорошо защищена, а ещё теперь немцы точно знали, где расположена наша зенитная батарея.

Примерно в ста ярдах ниже по течению росла небольшая группа низких деревьев. Танк можно было прекрасно спрятать среди них. Если уж эту работу всё равно предстояло выполнять, я решил, что лучшего места нам всё равно не найти. Сообщив Бимбо о своём замысле, я снова забрался в башню и направил Скиппера с дороги к деревьям. Нам пришлось пересечь неглубокую канаву и невысокий вал мягкой земли. Для наших измученных гусениц этот небольшой манёвр оказался непосильным. Раздался резкий хлопок, за ним последовал громкий металлический лязг. Танк резко дёрнулся и остановился, и из люка показалось убитое горем лицо Скиппера.

— Вот и всё, сэр. Лопнула левая гусеница.

— Это я и без тебя вижу.

Ничего другого, кроме какой-нибудь крепкой ругани, мне в голову не пришло. Тут я заметил Плюса и подозвал его.

— Плюси, можешь что-нибудь сделать?

Он мрачно покачал головой.

— В грузовике у меня есть почти всё на свете, — сказал он, кивнув в сторону своего вместительного ремонтного автомобиля, — кроме того, что нужно для ремонта танка. Шворни для гусениц... Всё, что мне сейчас нужно, — это один-единственный гусеничный палец стоимостью в шесть пенсов.

Я быстро прикинул в уме.

— Твоя лебёдка сможет затянуть танк под то дерево?

Он недолго оценивал обстановку.

— Сможет, — коротко ответил он.

Плюс вообще был человеком немногословным. Это было одинокое дерево у самого конца моста. Само по себе оно было невелико, но крона у него была густая, а главное — росло оно именно там, где мне требовалось. Парни из *R.A.O.C.* поставили грузовик в нужное положение и закрепили трос лебёдки за переднюю часть нашего танка. Работа

оказалась непростой. После получаса сложных манёвров они всё же подтянули машину именно туда, куда мне было нужно. Когда всё было закончено, Бимбо сказал:

— Знаешь, Боб, ты вовсе не обязан этого делать. Никто не ожидает, что ты будешь вести танковый бой, имея всего одну исправную гусеницу.

Я улыбнулся.

— Посмотри на это с другой стороны. Если нам поручено быть дорожным блоком, то, по моему, мы станем куда лучшим заслоном, если вообще не сможем двигаться. Когда здесь появятся немцы, у нас может возникнуть слишком сильное искушение смыться.

Я немного помолчал.

— У меня есть неплохой план. Но что насчёт моста? Разве его не следует взорвать?

— Как раз хотел об этом сказать.

Он достал три спички.

— Вот. Это особые спички. Они нужны для того, чтобы поджечь бикфордов шнур, ведущий к заряду под мостом. Но использовать их ты можешь только с разрешения греческого офицера, который командует переправой. Он где-то поблизости — полный полковник. Сегодня утром я с ним виделся и всё ему объяснил. Через мост ещё должны пройти греческие части. Когда перейдёт последний, вероятно сегодня вечером, полковник даст тебе сигнал, и тогда подожжёшь шнур.

Он внимательно посмотрел на меня: «Если же немцы подойдут одновременно с греками — действуй по собственному усмотрению». Он передал мне спички. Они были похожи на те, которыми пользуются в [Ночь Гая Фокса](#): горят ярким зелёным или фиолетовым пламенем и их невозможно задуть. Как мне объяснили, зажигались они простым чирканьем о сиденье брюк. Я посмотрел на них без особого восторга, представляя себе момент, когда придётся ими воспользоваться. Всё происходящее начинало приобретать оттенок роковой неизбежности, причём с явным акцентом именно на слово «роковой». Всё это казалось каким-то нереальным, словно очередной субботний приключенческий киносериал. Я уже видел себя на экране: я стою на коленях под мостом среди массивных деревянных балок, далеко внизу зловеще бурлит поток. Крупный план — тонкий конец бикфордова шнура и моя рука, уверенно держащая горящую спичку, рука неподвижна, словно высечена из камня. Затем слышится шипение запала, в это время камера показывает первый немецкий танк, медленно вползающий на мост, и где-то за кадром раздаётся драматический голос: «Не пропустите следующую захватывающую серию этой волнующей истории...»

Из этих фантазий меня вывел голос Бимбо.

— Ну, пожалуй, это всё. Мне пора возвращаться. Через полчаса полковник собирает батальон. Думаю, собирается сообщить нам самое неприятное.

Он немного помолчал.

— До свидания. И удачи.

Он протянул мне руку. На мой взгляд, это было уже несколько театрально, но я всё же мужественно пожал её.

— Подождите, сэр. А как насчёт Скиппера Уэста? Он мне теперь совершенно не нужен. Пусть возвращается с вами.

Но Скиппер наотрез отказался уходить, и я не стал настаивать. Мы передали большую часть своих личных вещей ремонтникам из *LAD*. Одному из сержантов я вручил шесть плёнок. «Заберу их в Афинах, — сказал я. — Если не заберу, проявите их в Каире». Фотоаппарат я оставил при себе. Перед самым отъездом Бимбо я сделал снимок танка и моста. Теперь особенно рад, в этот момент через передний план кадра проходил Плюс — это оказался единственный действительно интересный снимок, который мне удалось сделать в Греции: все остальные исчезли вместе с человеком, которому я отдал плёнки.

Большой грузовик, тяжело переваливаясь, покати́л вверх по дороге. За поворотом он скрылся среди деревьев. Я смотрел ему вслед, пока он совсем не исчез из виду. Это было похоже на то, как корабль покидает порт, унося с собой что-то, после чего жизнь уже никогда не станет прежней. Если говорить совершенно серьёзно, я не верил, что нам удастся выбраться отсюда живыми, во всяком случае — невредимыми. Мысль эта была тяжёлой, но её заслоняло странное и, надо признаться, вовсе не неприятное чувство возбуждения. Теперь мы окончательно посвятили себя делу, которое предполагало героизм — с лёгким оттенком мученичества. Сознание того, что эту задачу всё равно должен выполнить кто-то, а также обстоятельства, при которых выполнять её предстояло именно нам, придавали происходящему особую значимость. Мы никогда не обсуждали этого вслух, но это чувство постоянно присутствовало между нами, и я ясно ощущал, что весь экипаж переживает его так же, как и я. У меня уже сложилось довольно ясное представление о том, как, вероятнее всего, будут развиваться события. Немцы выйдут к краю обрыва и довольно долго будут изучать мост и противоположные склоны. Они наверняка предположат, что переправа обороняется, особенно если к тому времени мост уже будет взорван. Им станет очевидно, что единственный способ переправиться через реку — восстановить мост. Следовательно, первыми вниз придётся послать сапёров под прикрытием танков. На верхней бровке склона займут позиции миномёты, чтобы вести огонь по всему, что появится на противоположном берегу. Авиационной поддержки у них будет столько, сколько потребуется, но я понимал, что нахожусь слишком близко к самому мосту — настолько важному объекту, — чтобы немецкие бомбардировщики рискнули работать по нему. Как ни смотри, я был почти уверен, что первыми вниз пойдут именно танки. Возможно, впереди появятся мотоциклисты, но они не представляли для нас серьёзной опасности.

Прямо напротив нашего танка, на одном из крутых поворотов серпантина, стояла невысокая каменная хижина. Начиная с этого места и далее, по верхнему участку дороги, свернувшей буквой Z, никакой возможности съехать с неё у машин уже не было. Я предполагал, что противник поведёт к мосту не менее двух танковых взводов — по четыре машины в каждом. Они будут двигаться плотной колонной. Когда головной танк сбросит скорость, чтобы пройти самую острую точку поворота, вся колонна неизбежно остановится. Именно этого момента мы и должны были ждать. На дистанции двести ярдов промахнуться было невозможно. Каждый танк окажется к нам бортом, подставив самую большую и самую уязвимую часть своей брони. Не рассчитывая на чудеса, мы вполне могли подбить полдюжины машин, пока они будут стоять неподвижно, и я с надеждой предполагал, что в первые секунды немцы придут в такую растерянность, что даже не поймут, откуда по ним ведётся огонь. Я коротко изложил этот план экипажу. Похоже, он произвёл на него должное впечатление. Мы забрались в танк и решили отрепетировать всё это. Наводчик обнаружил, что может простреливать около ста пятидесяти ярдов спускающейся дороги, после чего орудие уже упиралось в предел угла возвышения. Этого как раз должно было хватить. Успех всего замысла зависел только от одного: наш танк должен был оставаться невидимым до самой последней секунды. Именно это стало нашей первой задачей.

Мы наломали ветвей с деревьев, похожих на то, под которым стоял танк, и тщательно разложили их поверх брони. Полностью скрыть машину оказалось нетрудно, гораздо сложнее было сделать так, чтобы она не выглядела замаскированной. Мы перешли через мост и посмотрели на результат со стороны - всё выглядело вполне убедительно. Чем выше мы поднимались по дороге, тем больше были довольны собой, но о будущем по-прежнему предпочитали не говорить. Оставалось ещё немало работы, к тому же постоянная занятость не оставляла времени на раздумья. Рядом с танком лежали длинные деревянные балки — около шести футов длиной и сечением восемь на шесть дюймов - они остались после строительства моста. Я решил превратить их в своеобразный деревянный завал перед танком. Мы дружно принялись за работу. С трудом перетаскивая тяжёлые балки, начали сооружать между танком и противоположным берегом баррикаду толщиной в два ряда. Мы постепенно поднимали её всё выше — примерно по шесть дюймов за раз. Наводчик сидел у прицела и говорил нам, когда через верх баррикады ему ещё удавалось видеть дорогу. Оставшиеся балки

мы уложили прямо на переднюю броню танка. Мы чувствовали определённое облегчение от мысли, что теперь любой снаряд, выпущенный по нам, сначала должен будет пробить почти два фута прочной древесины, прежде чем достигнет брони. Как заметил Скиппер: «Ну, это хотя бы немного убавит ему скорость».

Когда мы закончили, день уже заметно клонился к вечеру. Я велел экипажу найти несколько пустых жестяных банок и слить в них бензин. Мысль о пожаре внутри башни приводила меня в ужас. Пока они этим занимались, я отправился искать греческого полковника. Всё утро небольшие группы греческой пехоты, обозных частей, а также лошади и мулы спускались с откоса и переправлялись через мост, но основные силы так и не появились. Мне хотелось выяснить, где они задержались. Воздушный «челнок» *Люфтваффе* продолжал работать по своему привычному расписанию. Самолёты один за другим проходили над нами, очевидно, им было приказано сохранить мост целым. Немецкое командование имело огромное преимущество: оно точно знало, где находятся все союзные войска. Наш же штаб, наоборот, располагал весьма скудными сведениями о расположении противника. Во всяком случае, мы здесь, на своём уровне, не имели ни малейшего представления, где именно находятся немцы. Мы знали только одно: они могли появиться из-за края гребня буквально в любую минуту. Бесконечный поток бомбардировщиков, курсировавших по своим воздушным трассам, заставил почти всех постоянных обитателей нашего района искать укрытие в канавах или под деревьями.

Именно под деревьями я и нашёл греческого полковника с несколькими офицерами его штаба. Это был полный, добродушного вида человек. Безукоризненно чистый, аккуратно одетый, с тщательно подстриженными чёрными усами, казалось, будто он только что вышел из дорогой парикмахерской. Даже лицо было припудрено — полный комплект. Тех нескольких слов, которыми каждый из нас владел на языке другого, вполне хватало для более или менее разумной беседы, но было явно недостаточно, чтобы понять, есть ли у нас какие-либо общие интересы помимо насущных забот этого дня. Я показал ему три специальные спички. Он сразу понял, для чего они предназначены. Так же хорошо он понял и то особое положение, которое они давали нам как ответственным за мост. Я спросил его, где находятся остальные греческие части. Его ответ поразил меня. Он сказал, что мост нельзя взрывать до следующего утра. По его словам, основные силы смогут переправиться только к тому времени. Это значительно усложняло ситуацию. Мысль о том, что впереди нас ждёт ещё одна ночь этого изматывающего, действующего на нервы ожидания, была настолько тягостной, что о ней не хотелось даже думать. С одной стороны, мне совершенно не хотелось брать на себя ответственность за то, чтобы путь к отступлению оказался отрезанным для двух тысяч наших союзников. С другой — я никак не хотел, чтобы немцы вышли к целому мосту одновременно с греческими частями. В конце концов я решил найти командира нашей пехоты, рассредоточенной по склонам холма, и попытаться убедить его выставить наблюдательный пост на верхней бровке склона по другую сторону реки. В сложившихся обстоятельствах это было совершенно необходимо с тактической точки зрения.

Оглядывая деревья в поисках группы британских солдат, я неожиданно отвлёкся на весьма странную процессию, переходившую через мост. Двух людей в военной форме толкали, поддерживали и буквально тащили вперёд две группы греческих солдат. На первый взгляд мне показалось, что на задержанных была форма греческих офицеров. Я невольно задумался, что же такого они натворили. Потом я заметил, что у обоих изо рта идёт пена. Они бессвязно бормотали, а временами начинали громко выкрикивать что-то непонятное. Я с изумлением посмотрел на полковника. Он коротко пояснил: «Болгары. Парашют... Как это у вас называется? ... Пятая колонна». Он кивнул так спокойно, словно болгарских шпионов приводили сюда каждые несколько минут. Я показал сначала на свой рот, затем на их. Он сразу понял вопрос. «Наркотики,» — ответил он. *(Возможно, этим людям дали опиум — ВК)*. После этого он невозмутимо ответил на приветствия проходивших мимо солдат, затем повернулся к одному из своих офицеров и что-то ему сказал. Тот пошёл вслед за странной группой, скрывшейся среди деревьев. Через минуту из леса донеслись два выстрела. Я быстро посмотрел на полковника, он лишь пожал плечами, развёл руками своим древним, всё объясняющим жестом и отвернулся.

Над нами снова появился *Шторх*. Как и прежде, расчёты *Бофорсов* без особого успеха открыли по нему огонь. Мне отчаянно хотелось увидеть хотя бы один сбитый немецкий самолёт. Я медленно вернулся к своему экипажу и рассказал о разговоре с полковником. Новость они восприняли спокойно, без особых эмоций, но я видел, что прежний огонёк исчез из их глаз, точно так же, как и из моих. Все эти слова о том, что «нет для человека лучшей смерти, чем встретить её перед лицом суровых испытаний», звучат прекрасно до тех пор, пока это не превращается в обычную, тягостную рутину. То чувство возвышенного приключения, которое переполняло нас утром, то ощущение почти добровольного мученичества — всё это исчезло. Вместе с уходящим днём падал и наш боевой дух. Мы всё яснее представляли себе ещё одну долгую ночь, полную неизвестности и страха, и понимали, что такая ночь неизбежно подточит ту внутреннюю решимость, с которой каждый из нас собирался встретить почти неизбежную гибель.

Лично для меня существовала ещё одна проблема. Где-то ночью или ранним утром неизбежно наступит момент, когда я сочту необходимым взорвать мост, и тогда греческий полковник попытается мне помешать. Речь шла вовсе не о личном споре: мне предстояло поставить на весы судьбу всех греческих солдат, которые ещё не успели переправиться через реку, с одной стороны, и безопасность всей нашей стратегической обороны, а также жизни многих тысяч австралийцев и новозеландцев, уже сражавшихся с противником на северо-востоке и рисковавших оказаться отрезанными, — с другой. Полковник, разумеется, по званию превосходил меня неизмеримо, но спички находились у меня.

Солнце уже опускалось в V-образное ущелье Венетикоса. Греческих войск по-прежнему не было видно. Я велел экипажу приготовить чай. Пока они искали сухие ветки для костра, рядом с танком остановился грузовик. За рулём сидел сержант из Эскадрона С: «Приказ майора, сэр. Вам и вашему экипажу немедленно прибыть в батальонный штаб. Я приехал за вами». Эта новость принесла огромное облегчение. Я радостно закричал товарищам, подзывая их к себе. Все мы одинаково почувствовали, что получили отсрочку, и с весёлым настроением начали собирать вещевые мешки и своё нехитрое имущество. Танк мы оставили таким, каким он стоял. Мы нисколько не сомневались, что даже без нас он сумеет задержать противника у моста ещё на несколько часов. «Боже мой! — вдруг воскликнул я. — Спички!» Судорожно пошарив во внутреннем кармане гимнастёрки, я побежал к греческому полковнику и объяснил ему, что нам приказано вернуться в свой полк. Мы пожали друг другу руки, и одновременно с этим свободной рукой я протянул ему специальные спички. Он принял их с лёгкой улыбкой и почтительным поклоном. Почему-то мне показалось, будто я вручаю ему свою шагу.

Глава 12

Когда тем же вечером мы снова присоединились к своему эскадрону, атмосфера вокруг изменилась до неузнаваемости. Это было похоже на возвращение в батальон, обречённый на гибель. Пока я столь мирно изображал героя у моста, район расположения батальона в течение всего дня подвергался непрерывным атакам пикирующих бомбардировщиков. Хотя серьёзного ущерба людям и технике они почти не нанесли, постоянные налёты довели всех либо до крайнего раздражения, либо до нервного истощения. Нашему танковому экипажу до этого момента ещё ни разу не приходилось подвергаться воздушной атаке, и тогда я твёрдо решил: пока в строю остаётся хотя бы один исправный танк, я больше никогда не поеду на колёсной машине.

Однако причиной всеобщего уныния и нервозности были вовсе не бомбёжки. По батальону с невероятной скоростью распространялись самые дикие слухи. Хэрри Мэгрейт кратко изложил мне их суть; «Согласно последним сведениям, нам конец. Полный конец. Теперь каждый спасается сам. Нам приказано пробиваться к Волосу и другим портам на побережье. Если повезёт — нас подберут эсминцы или другие корабли флота. Если нет — будем уходить на небольших лодках и каиках. Если удастся выбраться — направляемся на Крит. Если не удастся... окажемся в плену. - Он на секунду замолчал. — И ещё полковник сказал, чтобы мы помнили одно: мы всё ещё солдаты...

британские солдаты». - «Да брось ты эти разговоры, — сказал я Хэрри. — Уже двое суток я то арьергард, то дорожная застава, а после Аминтеона так ни одного немца ни разу не увидел и даже не услышал. От кого, чёрт возьми, мы вообще бежим?» Он усмехнулся: «Вот подожди, пока увидишь, как несколько *Штук* пикируют прямо на тебя, визжа так, словно из них душу вытряхивают. Тогда ты уже не будешь так рваться вперёд».

Пришлось признать, что замечание было вполне справедливым. Батальон получил приказ выступить сразу после наступления темноты. Не найдя полковника, я отправился к командиру Эскадрона А и спросил, нельзя ли мне ехать в одном из его танков. Он ответил, что может передать мне одну машину, но заменить её экипаж не позволит. Я согласился, хотя расставаться со своим экипажем мне совсем не хотелось. За последние недели, а особенно за последние несколько дней, мы стали настоящей сплочённой командой — почти семьёй. Когда вечером, с наступлением темноты, пришло время прощаться, я делал это с искренним сожалением. В отличие от многих других, мы не разделяли общего ощущения, будто за одну ночь всё окончательно развалится. «Увидимся в Афинах!» — крикнули они мне вслед, когда колонна трёхтонных грузовиков, армейских машин и штабных автомобилей скрылась в ночи, но я невольно подумал: «А увидимся ли?» Оставшиеся одиннадцать танков заняли позиции на гребне. Приказ был уже хорошо знаком: задерживать немцев, пока не отойдут греческие войска. Полковник остался вместе с танками. Он также оставил при них капитана Плюса и ремонтников *LAD*, чтобы они помогали поддерживать машины в исправном состоянии.

Я всё ещё никак не мог понять, как могло положение ухудшиться настолько стремительно. Ещё совсем недавно ситуация казалась вполне управляемой. А теперь все мы оказались в таком отчаянном положении, что были вынуждены спешно пробиваться к морскому побережью в надежде успеть на какой-нибудь проходящий корабль. Лишь много лет спустя я узнал стратегические причины столь поспешного отхода — если не сказать бегства. С самого момента немецкого вторжения генерал Уилсон получал всё более тревожные сообщения о разложении и пораженческих настроениях в греческой армии. Уже 13 апреля — в тот самый день, когда немцы вошли в Аминтеон, — он обсуждал с генералом Блэйми возможность оставить заранее подготовленную оборонительную линию на Алиакмоне и отойти к Фермопилам. 14 апреля соответствующие приказы были уже отданы, и, как это обычно бывает, передаваясь из уст в уста, они постепенно обрастали всё новыми подробностями. К тому моменту, когда слухи дошли до нас, первоначальный приказ уже превратился в простое: «Каждый спасается сам».

На следующий день Уилсон встретился с главнокомандующим греческой армией [Папангосом](#). Тот предложил британцам полностью вывести свои войска из Греции, чтобы уберечь страну от дальнейшего разорения. Между тем в Лондоне и Каире планы эвакуации уже некоторое время тщательно разрабатывались. Предполагалось удерживать проход у Фермопил, пока основная масса войск будет отходить к южным портам и пляжам, откуда их предполагалось эвакуировать. Любопытно, что на нашем гребне над Венетикосом, где мы не имели ни малейшего представления об общей стратегической обстановке, перед нами стояла практически та же самая задача, что и перед Генеральным штабом, только в гораздо меньшем масштабе. Вопрос был один: «Что, чёрт возьми, делать дальше и каким образом выбраться отсюда?» У меня был собственный план. Он полностью основывался на последнем полученном нами указании: «Каждый сам за себя». Поскольку теперь людей для несения караула было более чем достаточно, ночью я впервые за долгое время спал спокойно.

К утру наша роль арьергарда закончилась. Греческая дивизия ночью благополучно прошла через наши позиции. Колонна танков во главе с полковником и командиром Эскадрона А двинулась дальше на юг. Как обычно, я намеренно задержался, и мы с Плюсом коротко переговорили. В результате его ремонтный грузовик *LAD* ушёл вслед за основной колонной танков, а сам он вместе с одним механиком разместился на корме моего крейсерского танка. Такое решение вполне устраивало нас обоих. Я чувствовал себя гораздо увереннее, зная, что рядом находится опытный ремонтник, который поможет удержать машину в строю. Плюс же был доволен тем, что находится именно

там, где ему и положено быть, — в хвосте колонны, но уже не сидит в своём совершенно беззащитном грузовике. Так мы и отправились навстречу будущему. Будущему, которое простиралось ровно настолько далеко, насколько хватало нашего желания о нём думать. Лично для меня оно заканчивалось ближайшим городком Калабака. О том, что будет дальше, я сознательно предпочитал не размышлять.

Как я и ожидал, над нашей головой висели самолеты противника, и дорога всё сильнее покрывалась следами их работы. Повсюду лежали свидетельства недавних атак — разбитые машины, воронки от бомб. Всё утро шёл сильный дождь. Через каждые несколько миль нам попадался очередной брошенный крейсерский танк, и причиной их оставления были вовсе не самолеты *Люфтваффе*: их убивали грязь, изношенные гусеницы и полное отсутствие запасных частей. Танки ломались прямо во время движения. Они загромождали дорогу, так что во многих местах объехать их было чрезвычайно трудно. Я заметил также, что от прежней практики сжигать оставленные машины уже отказались, и невольно подумал, что в сложившейся обстановке они приносили гораздо больше пользы обездвиженными, чем остающимися в строю. Своими корпусами они прекрасно перекрывали дорогу, и, если уж говорить откровенно, все эти танки следовало отправить на списание ещё до начала войны. Примерно подсчитав количество брошенных машин, которые встретились нам за этот день, я пришёл к неутешительному выводу: боевой состав 3-го Батальона КТП сократился всего до трёх или четырёх исправных танков, включая наш.

К полудню мы догнали медленно ползущий крейсерский танк. По тактическим обозначениям было видно, что он принадлежит взводу штаба батальона. Это открытие не слишком нас обрадовало. Пока мы шли одни, казалось вполне вероятным, что так и останемся предоставленными самим себе, а подобная свобода действий нас всех чрезвычайно устраивала. Настроение не улучшилось и тогда, когда мы разглядели над башней голову и плечи Бэзила Кэри, заместителя командира батальона. Впрочем, волновался я напрасно. Кэри был кадровым офицером и одним из самых способных военных, которых мне доводилось встречать, пожалуй, даже слишком способным, чтобы пользоваться особой популярностью среди сослуживцев. Но в этом не было его вины: он требовал от окружающих таких же высоких стандартов службы, каких придерживался сам. Думаю, в то время он не испытывал особого удовлетворения от своей собственной службы. Ещё в молодости он потерял глаз в результате нелепого несчастного случая с бутылкой лимонада. Казалось бы, подобная травма должна была поставить крест на его карьере, однако ни службе, ни профессиональным качествам она нисколько не помешала. Более того, спустя несколько лет после пребывания в плену в Греции этот недостаток неожиданно сослужил ему хорошую службу. Его освободили из немецкого лагеря для военнопленных по программе обмена пленными, распространявшейся на тех, кого признавали непригодными к дальнейшей военной службе... Я не стал расспрашивать, что он делает здесь, в хвосте колонны, подозревал лишь, что своим вынужденным отрывом от основных сил он наслаждается ничуть не меньше моего. У его танка возникла какая-то небольшая механическая неисправность, которую Плюс быстро устранил. После этого мы продолжили путь вместе.

По мере того как местность постепенно спускалась к реке Пиниос, до которой, как показывала карта, нам оставалось меньше часа пути, ландшафт заметно изменился. Мы двигались через длинные участки склонов, густо поросших деревьями и кустарником. Именно на одном из таких участков над нами низко прошёл *He-111*, следуя всем изгибам дороги, он летел на север. Мы лишь мельком взглянули на его жёлтый нос и чёрные кресты. Внезапно раздался отчаянный крик. Резко обернувшись в башне, я увидел, как все мои люди одновременно бросаются с кормы танка в камни и кусты. В тот же миг я успел заметить, что *Хейнкель* с огромной скоростью несётся прямо на нас. Хитрец-пилот незаметно скрылся за выступом холма, а теперь вынырнул из-за него на полном газу, ведя огонь из пулемётов. Воздух наполнился тем ядовитым свистом, который издают пули, пролетающие совсем рядом. По броне башни застучали пули, словно кто-то сыпал в жестяную банку сухой горох. Я мгновенно пригнулся за бронёй и схватил ручной пулемёт *Брен*. В тот самый момент, когда я увидел несущийся на нас самолёт и инстинктивно нырнул под защиту брони, я одновременно понял одну важную вещь: после

определённой точки траектории очередь самолёта уйдёт дальше. На несколько секунд вокруг танка возникнет своеобразная «мертвая зона», подобная глазу тайфуна. Я определил нужный момент исключительно по звуку, продолжая держать голову как можно ниже. Когда решил, что пора, резко выпрямился с *Бреном* в руках. Передо мной почти всё небо заполнял *Хейнкель*. Он находился примерно в сорока ярдах от танка и летел не выше тридцати футов над дорогой. Я нажал на спуск. Поднимая ствол вслед за самолётом, я видел, как трассирующие пули с глухими ударами впиваются в его тёмный фюзеляж. Когда самолёт пронёсся прямо надо мной — настолько близко, что мне показалось, будто он сейчас заденет ствол пулемёта, — всё его брюхо буквально засверкало оранжевыми искрами: это мои трассеры уходили внутрь корпуса. На таком расстоянии промахнуться было просто невозможно. Я зажмурился от потока воздуха, обрушившегося сверху. Когда снова открыл глаза, самолёт уже выполнял широкий разворот и медленно снижался, словно собирался садиться. Он исчез за верхушками деревьев. Больше мы его не увидели. Я ещё некоторое время с надеждой ждал появления характерного столба дыма, но напрасно.

Первым на танк вскочил Бэзил Кэри. Он быстро снял компасный азимут в направлении, где исчез самолёт. Затем взял микрофон, связался по радио с адъютантом и передал координаты предполагаемого места падения *He-111*. По его расчётам, сообщение должно было уйти в штаб бригады, затем дальше по цепочке, пока какая-нибудь часть не доберётся до места вынужденной посадки и не захватит немецкий экипаж — если, конечно, тот остался жив. Так следовало поступить по всем правилам. Я лишь восхищался его организованностью, но сам же был почти уверен, что ничего подобного никогда не произойдёт. После этого он снова ушёл вперёд. Чувство долга неудержимо влекло его обратно — туда, где находился полковник и штаб батальона. Так и он исчез из моего повествования, продолжая двигаться на юг.

Во второй половине дня мы без происшествий достигли перекрёстка с главной дорогой, ведущей из Ларисы в Янину. Саму дорогу мы ожидали увидеть, но совершенно не ожидали того, что увидели на ней. Вдоль дороги нескончаемой вереницей двигались греческие солдаты. Они шли по одному, головы и плечи были опущены, их лица были усталыми и безутешными. Они уходили прочь от своей войны с итальянцами, которая ещё совсем недавно гремела в горах, примерно в шестидесяти милях отсюда. Мы остановились у Т-образного перекрёстка и наблюдали. Когда греческие солдаты подходили к нему и проходили мимо нас, каждый снимал винтовку с плеча и с силой швырял её в ближайшую придорожную канаву. Это было гораздо больше, чем просто жест капитуляции. В этом движении слились воедино отвращение, разочарование и отчаяние — акт полного и окончательного отречения.

Две дороги выходили из гор подобно реке и её притоку, стремительно сбегая по ущельям хребта Пинд и сливаясь здесь, у вершины Фессалийской равнины. После многих дней, проведённых среди бесконечных горных вершин и силуэтов, глазам требовалось время, чтобы привыкнуть к внезапному простору — точно так же, как они привыкают к свету после долгого пребывания во тьме. Мне даже показалось, что я начинаю видеть миражи. Взглянув на восток, вдоль дороги, по которой нам предстояло двигаться, я различил нечто, напоминавшее рощу гигантских окаменевших деревьев — исполинские каменные столбы, словно предназначенные поддерживать небесный свод, или, быть может, небрежно оставленные после игры в кегли, которую боги затеяли, спустившись с Олимпа. Когда мы подъехали ближе к этим удивительным скалам, я с изумлением увидел, что на вершине каждого громадного каменного столба стоит какое-нибудь здание, а иногда оно даже нависает над отвесными стенами утёса. Я приказал механику-водителю остановиться и дождался, пока нас догонит очередная группа солдат. Они тянулись по дороге в обе стороны нескончаемой цепью. Это была армия побеждённых — унылая, подавленная, мрачная и раздражённая. Дисциплина и чувство долга ушли вместе с винтовками, которые они бросали в канавы, — вместе с тем величественным вдохновением, которое прежде позволяло им успешно сражаться против значительно превосходивших их по численности и вооружению войск Муссолини. Я мысленно повторил свою почти забытую греческую фразу, наиболее близкую к тому, что хотел спросить: «Скажите, как называется эта гора?» Для большей ясности я указал рукой на

поразительные каменные монолиты. Первый подошедший греческий солдат посмотрел на меня каким-то странным взглядом, словно удивляясь, что в такой момент человека может интересовать подобный вопрос. Потом слегка пожал плечами, ответил: «Метеорон» и, не задерживаясь, пошёл дальше. Это название ничего мне не говорило. Я смотрел вслед усталой группе людей, которые упрямо продолжали свой путь, движимые теперь лишь одной мыслью — скорее попасть домой, где их ждут очаг, еда, постель и женщина. Мне было бесконечно жаль их, и я никак не мог избавиться от ощущения, что мы тоже в какой-то мере виноваты в их моральном крахе.

Теперь всё наше внимание было приковано к Калабаке. Первым знаком её приближения стала группа дорожных указателей с обозначениями британских полков и дивизий. По какой-то странной причине эти привычные военные таблички на фоне столь экзотического пейзажа на мгновение заставили меня почувствовать себя не в Греции, а на учебном полигоне Солсбери-Плейн/Salisbury Plain. Особенно быстро мы устремились вперед, следуя указателю, на котором красовалась чрезвычайно привлекательная надпись: «*NAFFI STORES/СКЛАДЫ NAAF/*». Указатель провёл нас через небольшой городок к перекрёстку, где мы неожиданно обнаружили... британского военного полицейского и квартирмейстер-сержанта.

— Вы как раз вовремя, — сказал квартирмейстер-сержант. — Мы уезжаем следующим автобусом. — Он показал на стоявший неподалёку джип. — Поднимайтесь туда и берите всё, что хотите. Всё равно я не могу забрать это с собой. За вами ещё кто-нибудь из ваших идёт?

Мы ответили, что, насколько нам известно, позади нас британских частей больше нет.

— В таком случае, когда наберёте всё необходимое, пустите туда местных жителей. Лучше уж им всё это достанется, чем немцам. Пойдёмте.

Мы прыгнули с танка и последовали за ним к большому брезентовому складу-палатке. Войска, прошедшие здесь раньше, уже основательно подчистили запасы, и все наиболее дефицитные вещи исчезли. Однако консервов оставалось ещё очень много. Мы набрали целые охапки банок с ананасами, персиками и грушами, сгущённого молока, коробок с сухими завтраками. Карманы набили плитками шоколада и пакетами со сладостями. К тому времени, когда всё это оказалось на танке, он вполне мог служить передвижной кондитерской лавкой.

— Точно больше ничего не нужно? — спросил квартирмейстер-сержант, когда мы закончили свои поиски. — Что ж, тогда я сообщу мэру, чтобы привёл сюда жителей города. Думаю, очень скоро им понадобится любая еда, до которой они смогут добраться.

Он помолчал и добавил:

— А ведь занятная история с этими греческими солдатами, правда?

Я не совсем понял, что он имеет в виду, и так ему и сказал.

— Как? Вы разве не слышали? Когда им сообщили, что игра окончена и немцы обходят их с тыла, им совсем не понравилась мысль капитулировать перед итальянцами. Тогда их генерал собрал всю армию и объявил: «Всем десять суток отпуска. Всей армии». Это было поразительно и почти невероятно.

Квартирмейстер клялся, что именно так ему рассказал тем утром один греческий офицер. Такое объяснение действительно многое проясняло: и странное поведение греческих солдат, и то, как они буквально растворялись, покидая передовую. Мне очень хотелось верить, что это правда. Квартирмейстер подозревал какого-то юношу, стоявшего у главной дороги, что-то ему сказал, и тот со всех ног бросился выполнять поручение. Мы распрощались. Квартирмейстер вместе с военным полицейским забрался в джип. Они эффектно умчались, прихватив с собой груды коробок и консервных банок, а позади, среди поклажи, весьма подозрительно виднелся целый ящик виски. Мы тоже недолго задерживались и вскоре последовали за ними.

До Трикалы, довольно крупного города, было чуть больше двенадцати миль по одной из немногих в Греции прямых и ровных дорог. До наступления темноты оставалось около часа — как раз столько, сколько мне было нужно. Я намеревался остановиться, не доезжая до города, развести костёр и устроить настоящий роскошный ужин. У меня уже сложилось убеждение, что во время этих бесконечных воздушных налётов любые населённые пункты лучше обходить стороной. Когда впереди показались первые дома и деревья Трикалы, мы остановились на берегу широкой реки, которая ещё сохраняла стремительность, приобретённую во время своего спуска с гор. Как обычно, стоило заглушить двигатель танка, как воздух сразу наполнился непрерывным, то усиливающимся, то затихающим гулом самолётов. В этот час они уже не внушали нам особого беспокойства. Все они возвращались к своим аэродромам, следуя вдоль дороги. Боевые задания были выполнены, бомбы были уже сброшены. У нас был великолепный ужин, правда, на завтра после него осталось совсем немного припасов. Ешь, пей и веселись — ибо завтра умирать...

Следующие два дня нашего отступления на юг были почти точной копией друг друга. Совпадало всё: события, обстоятельства, общая атмосфера, даже природа и окружающий пейзаж. Ночь, соединявшая эти два дня, полностью исчезла из моей памяти. Оба дня начинались в Трикале, где ещё в самые первые минуты рассвета мы въехали в совершенно опустевший город. Прежде чем двигаться дальше, нужно было принять одно небольшое решение. Здесь дорога раздваивалась - северная ветвь шла на Ларису и далее к порту Волос, другая уходила на юг вдоль края равнины и затем соединялась с главной магистралью, проходившей с севера на юг, примерно посередине между Ларисой и Ламией. Мне приходилось учитывать последние полученные нами указания: двигаться к Волосу, где нас должен ждать британский флот.

Следует помнить, что к тому времени мы совершенно не представляли себе общей тактической обстановки. После отхода от реки Венетикос мы не встретили ни одной британской части, если не считать экипажа Кэри. Мы ничего не знали ни о расположении австралийских и новозеландских соединений на востоке, ни о положении немецких войск. Единственное, в чём мы были абсолютно уверены, — где-то позади нас находится германская армия. Выбирая южную дорогу, я инстинктивно стремился держаться как можно дальше от противника, но решение было продиктовано и вполне практическими соображениями. Я предположил, что все дороги, ведущие к Ларисе и из неё, наверняка окажутся забиты транспортом — либо отходящим, либо прибывающим. При этом я ещё не осознавал всей критической необходимости как можно скорее прорваться именно к Волосу. Непосредственной нашей задачей было найти мост через Пиниос, способный выдержать вес танка.

Здесь река уже была широкой. Её берега украшали аккуратные ряды платанов, под которыми одиноко и словно ожидая посетителей стояли оставленные без присмотра столики придорожных кафе. Гремя гусеницами мимо печальных груд обломков, которые ещё вчера были жилыми домами, я заметил на южном берегу реки группы машин, отходивших от переправы. Вскоре мы влились в поток транспорта, двигавшегося со стороны Ларисы. Это были подразделения австралийцев и новозеландцев, отходившие с оборонительных позиций западнее Ларисы. Именно от них мы впервые получили хоть какие-то сведения о ходе боёв на других участках фронта. Особенно интересно было узнать, что немцы вошли в Козани, но лишь ночью после нашего ухода. Затем их главные силы повернули на юго-восток по дороге на Сервию. Там они столкнулись с 19-м Новозеландским Батальоном, занимавшим позиции на *Линии Альямон*. Несколько попыток прорваться закончились для немцев тяжёлыми потерями. В ту же ночь, на центральном участке фронта между Катерини и Верией, немецкая горнострелковая дивизия также не смогла добиться успеха, атаковав 5-ю Новозеландскую Пехотную Бригаду.

На прибрежном участке, где узкая полоска земли была зажата между Олимпом и морем и почти полностью занята дорогой и железнодорожной линией, немецкой 2-й Танковой Дивизии всё же удалось обойти левый фланг оборонявшихся. На некоторое время положение всей оборонительной линии стало критическим, позднее этот прорыв удалось

временно ликвидировать. Однако он наглядно показал, насколько трудно удерживать единую непрерывную линию обороны в столь гористой местности. Одновременно стало очевидно, что даже успешная оборона здесь таит серьёзную опасность. Именно это ускорило уже намеченное ранее решение об отходе к Фермопилам. Именно в ходе этого общего отхода наша маленькая группа и оказалась предоставлена самой себе. Иногда из нашего танка нам ещё удавалось установить радиосвязь с полковником и адъютантом, находившимися далеко впереди, но в Трикале мы окончательно вышли из зоны действия радиосети. Теперь мы хотя бы приблизительно понимали, что происходит на остальных участках фронта, поэтому мне уже не пришлось долго размышлять. Вывод был очевиден: нужно просто влиться в общий поток войск и двигаться вместе с ним.

То, что это путешествие окажется несколько опаснее, чем праздничная поездка из Лондона в Брайтон в банковский выходной день, — хотя внешне оно именно так и выглядело, — выяснилось очень быстро. Едва наш танк переехал через мост, как над нами появились первые соединения *Люфтваффе*. Впереди у них были цели куда более привлекательные и крупные. Там наша дорога вливалась в переполненную магистраль, соединявшую Ларису с Ламией. В это своеобразное «бутылочное горлышко» теперь втягивались ещё две пехотные бригады, путь которых к Волосу оказался отрезан, поэтому *Штуки*, всегда выискивавшие наиболее крупные скопления войск, пролетели мимо нас. Зато весь день нас преследовали и буквально охотились за нами низколетящие *Хейнкели* и *Мессершмитты*, безжалостно бомбившие и расстреливавшие из пулемётов плотные колонны. После того как мы влились в общий поток транспорта, движение превратилось в бесконечную серию коротких рывков. Стоило самолётам пройти над дорогой на бреющем полёте с поливающими всё вокруг пулемётами, как водители и пассажиры моментально бросали машины и прыгали в придорожные канавы.

Теперь я был ещё более благодарен судьбе за наш танк. Очень скоро я решил, что дорога — не место для нас. Мы съехали с шоссе, оставив позади хаотичное скопление транспорта, и неторопливо двинулись по полям. На дорогу мы возвращались только тогда, когда перед нами оказывался ручей или речка, которую было слишком рискованно форсировать. Австралийские и новозеландские водители неизменно останавливали свои машины, когда к мосту или водопропускной трубе подходил наш танк, жертвуя драгоценными секундами, чтобы дать нам возможность переправиться. Было больно и смотреть на полную безнаказанность немецких самолётов, и как это бесило. Они лениво курсировали вдоль дороги, редко поднимаясь выше двух тысяч футов, а зачастую буквально скользили над брезентовыми крышами грузовиков. Эшелоны *Штук* непрерывно сновали туда и обратно, и мы с тревогой наблюдали за ними, ожидая того момента, когда строй распадётся, самолёты начнут описывать круги, а затем последует пронзительно воющий обрушивающийся с неба удар. Над Фессалийской равниной им противостоял лишь редкий огонь стрелкового оружия отчаявшихся солдат. Оставалось только надеяться, что хотя бы одна из этих пуль, даже если не было видно никакого результата, всё-таки угодит в чей-нибудь нацистский зад.

И снова поражало, насколько сравнительно небольшим был реальный ущерб, несмотря на бесконечные авианалёты, нескончаемые колонны и всё увеличивавшееся расстояние, которое мы проходили. Время от времени какой-нибудь грузовик получал прямое попадание и вспыхивал знакомым уже столбом густого чёрного дыма, другие выходили из строя от пуль или осколков, после чего их пассажиры разбегались по полям. Иногда *Хейнкель*, оставляя без внимания дорогу как цель, сбрасывал противопехотные бомбы прямо на группы солдат, двигавшихся пешком по полям. Тогда раздавались крики и проклятия, из ниоткуда появлялись санитарные инструкторы и носильщики с носилками. Они перевязывали раненых, уносили их, а иногда и хоронили погибших.

Я чувствовал, как вокруг всё сильнее накапливается напряжение. Оно смешивалось со страхом и ощущением полной беспомощности, всё ближе подходя к грани паники. За толстой бронёй нашего танка экипаж был защищён не только физически, но и психологически. Даже люди, сидевшие снаружи на корме, могли укрыться за башней, если им казалось, что какой-нибудь самолёт проявляет к ним слишком личный интерес. Все мы испытывали почти мучительную потребность сделать хоть что-нибудь. Я уже не

раз выпускал в небо символические очереди из *Брена*, изображая зенитный огонь, но настал момент, когда мне захотелось совершить нечто более заметное и эффектное, чтобы побороть тот страх и бессильное раздражение, которые росли во мне самом и, казалось, пропитывали всю равнину. Когда танк двигался по открытым лугам, он, обладая почти магнетической притягательностью, начинал собирать вокруг себя всё больше пеших солдат. Они невольно тянулись к нему, воспринимая танк как символ силы и защиты — того, чего сами были полностью лишены, но такое скопление людей вокруг танка сразу же привлекло внимание немецких лётчиков. Самолёты начали уделять нам гораздо больше персонального внимания, чем было полезно для нашего здоровья. В качестве демонстративного жеста неповиновения я решил открыть огонь по следующему бомбардировщику, который пройдёт прямо над нами, причём — из 2-фунтовой танковой пушки. На середине очередного подъёма я остановил танк так, чтобы он оказался наклонён примерно под углом в тридцать градусов. Я объяснил наводчику свой замысел и подробно проинструктировал его, как захватить самолёт в телескопический прицел и взять необходимое упреждение по перекрестию. Благодаря наклону танка и максимальному углу возвышения орудия у нас получался вполне приличный сектор стрельбы, позволяющий использовать пушку по воздушной цели. Самолёт ждать долго не пришлось. К сожалению, он летел над дорогой примерно в двухстах ярдах от нас. Наводчик без труда поймал его в прицел — уже само по себе это было неплохим достижением, однако снаряд ушёл слишком высоко и далеко позади самолёта. Тем не менее сам факт, что ему удалось удержать самолёт в прицеле и сделать выстрел, доказывал: идея вполне осуществима. Наводчик тут же загорелся желанием попробовать ещё раз. После первого выстрела я понял, что подошёл к задаче неправильно: следовало стрелять по самолёту уже после того, как он пролетит над нами, тогда он сам будет влетать в траекторию снаряда, а не удаляться от неё. Мы перегнали танк через вершину холма и развернули его, поставив теперь на противоположном склоне, так как я надеялся, возвращавшиеся домой бомбардировщики будут проходить прямо перед нами по прямой. Кроме того, мне пришло в голову, что если стрелять по самолётам уже после того, как они пролетели над танком, то в следующий раз, появившись над этой дорогой, они с меньшей вероятностью запомнят именно наш танк как опасную цель.

Вскоре из-за гор показался одинокий *Хейнкель*, уверенно державший курс на север вдоль дороги. Я сразу увидел, что он пройдёт почти точно над нашим танком. Нужно было лишь немного повернуть башню, чтобы самолёт оказался прямо в поле зрения телескопического прицела. «Идёт прямо над нами, — тихо сказал я по внутренней связи. — Сейчас ты его увидишь... Ещё немного... Сейчас! Должен уже быть в прицеле». В ответ из башни донёсся возбуждённый крик наводчика. Почти сразу же резкий выстрел двухфунтовой пушки так ударил по моим зубам, что у меня свело челюсти. Красно-оранжевый трассер стремительно ушёл в небо, по направлению всё было идеально, но верно ли было взято упреждение по высоте? Ещё один оглушительный выстрел заставил меня вздрогнуть. Второй трассер понёсся вслед за *Хейнкелем*, наступила напряжённая пауза. Светящиеся следы снарядов стремительно разрезали воздух, в течение двух секунд, показавшихся двумя бесконечными минутами, яркие огненные полосы и тёмный крестообразный силуэт самолёта неумолимо сходились навстречу друг другу. Казалось, вся Фессалия затаила дыхание. Первый снаряд опоздал буквально на мгновение — он прошёл позади хвостового киля, не достав до него примерно фут, второй же исчез прямо в середине фюзеляжа *Хейнкеля*. Со всех сторон донеслись громкие ликующие крики окружавших нас солдат. Я сам принялся колотить наводчика по спине, выкрикивая: «Попал! Попал! Ты попал!» Мы ждали вспышки пламени, клубов дыма и радостного, страшного падения самолёта на землю, но ничего не произошло — *Хейнкель* продолжал спокойно лететь прежним курсом. Его экипаж, по-видимому, даже не понял, что по нему стреляли. «Ничего, дружище, — сказал я наводчику. — Продолжай в том же духе». Со всех сторон послышались ободряющие возгласы. Я вдруг понял, что даже если нам так никогда и не удастся сбить ни одного немецкого самолёта, мы всё равно приносим огромную пользу людям на земле, и поэтому стрелять нужно продолжать.

В какой-то момент дня — я уже совершенно потерял счёт времени — мы вышли на шоссе Лариса—Ламия. В памяти сохранилась картина, существующая как бы вне времени —

бесконечная плотная колонна машин двигалась в одном направлении. Это было похоже на выезд с просёлочной дороги на Кингстон-байпас в праздничные дни Троицы, когда весь Лондон одновременно устремляется за город. Хотя необходимость рассредоточения была совершенно очевидной, давление сзади оказалось настолько сильным, а затор впереди — настолько непреодолимым, что нескончаемая колонна транспорта двигалась буквально бампер к бамперу. После каждого налёта машины снова начинали медленно ползти вперёд длинными растягивающимися и вновь сжимающимися рывками. Весь путь эвакуации вплоть до самой Ларисы легко угадывался по регулярно поднимавшимся к небу чёрным столбам дыма от горевших автомашин. По дороге сновали группы солдат. Они сталкивали искорёженные грузовики и автомобили в придорожные канавы, стараясь сохранить дорогу свободной для отходящих частей. Особенно хорошо мне запомнился мост возле Кастриды, к которому мы подошли утром второго дня. Ночью прошёл сильный дождь, и гусеницы нашего танка оставляли глубокие следы в размокшей земле. Из стоявшей у дороги небольшой палатки-колокола выскочил молодой австралийский пехотинец, услышав гул нашего двигателя. Он поднял руку, приказывая остановиться, и крикнул мне: «Дальше на этом танке ехать нельзя!» Я изумлённо посмотрел на него. Он указал вниз, на дорогу. Подходы к мосту примерно на пятьдесят ярдов были покрыты толстым металлическим проволочным настилом.

— Ваши гусеницы его разорвут!

— Извини, — крикнул я в ответ. — Но мне необходимо проехать.

Если я думал, что этим разговор закончится, то глубоко ошибался. Австралиец вскинул винтовку и направил её прямо мне в лицо: «Это ради наших ребят. Вы по этому настилу не поедете». Это казалось невероятным, но он действительно говорил серьёзно - он был готов выстрелить, если танк тронется вперёд, ну а я вовсе не собирался торчать у этого моста до прихода немцев и уж тем более не собирался бросать танк и уходить пешком. Плюс и остальные ребята, сидевшие на корме, заметно встревожились. Я быстро сказал несколько слов наводчику по внутренней связи. Тот очень медленно развернул башню, пока австралиец не оказался прямо напротив жерла нашей двухфунтовой пушки. Я внимательно наблюдал за ним, надеясь заметить в его глазах хоть малейшую нерешительность — первый признак того, что он уступит, потом снова наклонился к микрофону. В тот же момент он услышал, как двигатель нашего танка набирает обороты. «Я выстрелю! — закричал он. — Клянусь, выстрелю, если вы двинетесь!» Поднявшийся шум привлёк какого-то офицера. Тот появился неизвестно откуда и резко крикнул: «Макаллум! Опустите винтовку!» Ствол винтовки медленно, крайне неохотно, ушёл с середины моего лба. Я вдруг понял, что всё это время задерживал дыхание, и с огромным облегчением шумно выдохнул. «Что здесь, чёрт возьми, происходит?» — спросил офицер. Я коротко объяснил ситуацию и предложил простое решение. Чтобы гусеницы не подняли и не разорвали проволочный настил, пусть по обе стороны каждой гусеницы идут по человеку и прижимают сетку ногами. Так и сделали. После этого мы медленно переползли через мост.

Было бы неверно сказать, что никогда в жизни я не был так близок к тому, чтобы получить кусок свинца в голову, — с тех пор мне не раз доводилось оказываться ещё ближе. Но никогда больше мне не приходилось видеть, как эта пуля летит прямо ко мне. Потом были вечер, ночь, рассвет и ещё один день. Было стадное движение людских колонн и паническое бегство в укрытия, было долгое ожидание, были бомбы, снаряды, пули и дым, были крики, ругань, стоны. Был грохот самолётов, перекрывавший непрерывное урчание двигателей на земле, и постоянный скрежет гусениц, пока мы упорно продвигались всё дальше на юг — к очередному горному рубежу. Под вечер, когда солнце ещё ярко светило, мы достигли подножия перевала. Дороги как таковой уже почти не существовало. Перед нами тянулась лишь медленно движущаяся по диагонали цепочка транспорта, прерывавшаяся только там, где группы солдат сталкивали в пропасть всё, что уже не могло двигаться своим ходом. Над самым перевалом кружили и пикировали *Штуки*, а горы дымились, словно вулканы. Мы решили, что перевал — совсем не то место, где стоит находиться, пока у *Люфтваффе* ещё хватает дневного света для

полётов. Пересекать его следовало ночью, а до тех пор представлялась превосходная возможность где-нибудь в спокойном месте поесть и вскипятить чай.

У самого подножия гор расположилась небольшая деревушка. Мы поставили танк в фруктовом саду под деревьями, на которых только начинали распускаться первые цветы. Пока экипаж готовил ужин, а Плюс вместе с водителем самым тщательным образом осматривали машину, приводя её в полную готовность к предстоящему ночному испытанию в горах, я отправился побродить по деревне. Наверное, мною двигало любопытство и желание хоть какого-нибудь общения, не связанного с войной. Во всех дворах держали домашний скот. Я долго задерживался возле хрюкавших, рылами разрывавших землю свиней, возле кур, которые кудахтали, разгребали лапами землю и неохотно уступали дорогу целеустремлённым петухам. Ни одного человека нигде не было видно. Наконец через площадь в центре деревни прошла старая женщина в чёрном, тяжело неся на коромысле два ведра воды. Она меня не заметила — а если и заметила, то не обратила внимания. Я последовал за ней. Она вошла в довольно уютную, хотя и бедную хижину, перед которой виноградная лоза образовывала густой навес над залитой солнцем верандой. Там сидел старик, неподвижный и мрачный среди окружавшего его света. Я поприветствовал его. Он медленно, со скрипом поднялся, так же медленно поклонился и жестом пригласил меня войти, показывая на второй деревянный стул, и что-то крикнул. Через некоторое время старуха вышла с подносом, на котором стояли бутылка коньяка и два стакана. Мы сидели рядом — старик и я, молча, повинаясь законам гостеприимства, не имея возможности и, пожалуй, не испытывая желания разговаривать. В его глазах жило бесконечное смирение. Он видел войну одинаково и в моей форме, и в немецкой. Он хотел только одного: чтобы бомбы не падали на его дом, чтобы подбитые гвоздями солдатские сапоги не растоптали его огород и не раздавили виноградную лозу, чтобы солдаты — греческие, немецкие, британские, итальянские — оставили его в покое вместе с его долгими прожитыми годами. Я допил свой коньяк. Молча пожал ему руку, ответил на короткую улыбку, промелькнувшую в его глазах, и ушёл, почти на цыпочках пройдя по веранде и по вымощенной каменными плитами дорожке.

Глава 13

Ужин прошёл в молчании. День, ночь и следующий день распались для нас на отдельные обрывки времени и пространства, связанные между собой страхом, состраданием, бессилием и внутренней борьбой, которую каждый из нас вёл сам с собой, пытаясь не поддаться панике, заполнившей всю Грецию. Эта паника рождалась от сознания того, что наша сторона была совершенно не способна сколько-нибудь эффективно ответить противнику в воздухе — не то что нанести удар, а хотя бы поколебать его высокомерную уверенность и спокойствие, основанные на полном господстве в небе. Мы сидели, устало развалившись под последними горизонтальными лучами заходящего солнца, медленно потягивая чай из кружек. И глаза наши, и мысли были прикованы к горной преграде, лежавшей поперёк нашего пути. Мы следили за бесконечной лентой дороги, поднимавшейся к перевалу, словно эскалатор, и всех нас объединяла одна и та же мысль: если только удастся оставить эти горы между собой и противником, мы будем в безопасности. На карте существовало почти волшебное слово — Ламия. Оно было целью всех наших надежд, воротами к относительной безопасности и хотя бы временному облегчению. Всё зависело от этой ночи и от этого перевала. Я не позволял себе думать ни о чём, кроме одного: его необходимо пройти. Я сознательно отгонял любую разумную попытку поразмышлять над вопросом, который стоял передо мной совершенно ясно: что будет, если танк сломается прямо на перевале? Для меня это был последний британский танк в Греции, и я был твёрдо намерен довести его до Афин. Никакие другие соображения не должны были этому помешать. С каждым очередным брошенным крейсерским танком 3-го батальона Королевского танкового полка, который мы встречали по дороге, это намерение всё больше превращалось в настоящую одержимость, и хотя никто из нас не говорил об этом вслух, я знал, что ту же самую решимость разделял каждый человек в нашем маленьком экипаже.

Когда мы поднялись на танк и неторопливо двинулись к дороге, чтобы при ещё достаточном свете найти удобный выезд на неё, самолёты *Люфтваффе* уже давно стояли в своих ангарах, а их лётчики сидели в офицерских столовых, рассказывая друг другу, сколько грузовиков и «англичан» каждый из них сегодня уничтожил. Мы ехали вдоль придорожной канавы, слушая дружеские окрики и замечания — некоторые не без изрядной доли сарказма — из переполненных грузовиков. Австралийские и новозеландские голоса звучали очень необычно в сумерках Фессалии. Сквозь поток транспорта осторожно пробрался джип и, поравнявшись с нами, поехал рядом. Когда мы остановились там, где канава становилась мельче и можно было выбраться на дорогу, джип тоже остановился напротив. Из него вышел офицер военной полиции весьма внушительного вида и подошёл к танку. Перекрывая рёв двигателя, он крикнул мне:

— Вы что, собираетесь вести этот танк через перевал сегодня ночью?

Я внимательно посмотрел на знаки различия у него на плече — звёздочку и корону.

— Да, сэр, — прокричал я в ответ.

— Тогда выбросьте эту мысль из головы. Если эта чёртова штука сломается, она перегородит всю дорогу.

— Это последний танк, сэр. Я собираюсь довести его до Афин.

— Сегодня ночью вы не поведёте этот танк через перевал. Понятно? Это приказ.

Я не смог заставить себя даже кивнуть в знак согласия. Несколько секунд мы молча сверлили друг друга взглядами. Потом он резко повернулся, сел в джип и уехал на юг, ловко лавируя между колоннами, словно хорёк, пробирающийся по кроличьим норам. Плюс спросил: «Ну и что теперь будем делать? Пешком пойдём?» - «К чёрту это. Дадим ему часок, пусть успеет далеко уйти через перевал. Потом двинемся сами. Больше мы его не увидим... надеюсь». Мы выждали, затем, в прозрачной темноте ясной ночи, остановили поток грузовиков и тяжело выползли на дорогу. Примерно через час мы скорее почувствовали, чем увидели, как танк отклонился назад, а по изменившемуся звуку двигателя поняли, что гусеницы начали подъём. Все вокруг было заполнено призраками: призрачные грузовики, населённые призрачными солдатами, движущиеся впереди тени — все они сливались с темнотой, небом и скалами, а затем исчезали. Позади них, словно рождаясь из ночи, покрывавшей равнину, возникали новые тёмные силуэты. Они всё время двигались к нам, но казалось, будто никогда не становятся ближе. Наш мир состоял из твёрдой стали танка и его непрерывного грохота. И из такой же твёрдой скалы, молча скользившей совсем рядом с бортом. Нашими физическими границами были задний борт грузовика впереди и радиатор грузовика позади. Непрерывающийся рёв двигателей внутреннего сгорания стал частью ночи — почти частью самой тишины. Через каждые несколько сотен ярдов колонна вдруг складывалась гармошкой и останавливалась, Бог знает почему.

Время от времени где-нибудь на всём протяжении перевала напряжённые, измученные люди начинали шарить по карманам в поисках сигарет, вспыхивали спички, похожие в темноте на парящих светляков. И тут же раздавался сердитый рёв: «Погаси огонь!» Когда тебя пять дней подряд бомбят и обстреливают с воздуха, небо навсегда остаётся полным самолётов. Даже тогда, когда их не видно, даже тогда, когда их не слышно, и, возможно, их вообще нет, а может быть — особенно тогда, когда их вовсе нет. Меня, однако, подобные мысли не отвлекали. Все мои размышления были сосредоточены на безумии того, что я совершал. Танк занимал всю ширину дороги. Нам приходилось очень осторожно спускаться вниз, чтобы не сорваться в пропасть. С другой стороны дороги можно было просто встать на башню танка, вытянуть руку — и опереться о склон горы. Даже теперь, спустя столько лет, волосы у меня встают дыбом, когда я вспоминаю, что могло случиться той ночью, если бы танк вышел из строя в одном из этих узких проходов перевала. Позади нас непрерывной лентой тянулась колонна машин и людей — далеко назад, туда, где последний арьергард отчаянно сражался с наступающими немцами, выигрывая для своих товарищей ещё несколько часов, чтобы те успели уйти. Если бы с нашим танком что-нибудь случилось, я совершил бы то, чего не смогла добиться вся

германская армия, — остановил бы отход австралийских и новозеландских бригад. Я так никогда и не смог ни простить себя за это, ни найти себе оправдание.

Тогда, в Греции, в апреле 1941 года, не существовало ничего важнее, чем движение этого танка вперёд. И, что странно, значение имел только танк - не люди, сидевшие на нём, даже не я сам. Наконец мы подняли глаза и увидели, как тёмные силуэты горных вершин становятся ещё темнее на фоне постепенно светлеющего неба. Мы поняли, что где-то там, за горными хребтами, в другом мире, рассвет уже разливается над водами Эгейского моря. Нервное напряжение ночи сменилось нарастающей тревогой перед наступающим днём. Сойти с дороги по-прежнему было невозможно. Танк оказался в ловушке между скалой и бездной, а спереди и сзади его сжимала непроходимая стена транспорта. Он мог двигаться только тогда, когда двигались все остальные.

Закутавшись от холода ночи, постепенно переходившей в холодное утро, мы напряжённо всматривались вдаль, где граница видимости становилась всё длиннее. Мы искали хоть какой-нибудь просвет, но видели лишь бесконечно уходившую вверх ленту дороги, похожую на эскалатор, и всё время слышали низкий, густой хор двигателей, работающих на первой передаче. Постепенно все головы в колонне начали поворачиваться через плечо на север — оттуда обычно прилетали *Штуки*. Подъём стал менее крутым, и теснившие нас со всех сторон горные вершины словно немного отступили. С огромным чувством ожидания и облегчения мы поняли, что приближаемся к верхней точке перевала. Наконец гора и пропасть отошли от самой кромки дороги, и мы выехали на широкую ровную площадку, где земля была так изрыта тысячами колёс, что напоминала вспаханное поле. Настало время остановиться, приготовить чай и провести небольшой осмотр машины, прежде чем начинать спуск. Я сказал в переговорное устройство: «Водитель, налево». Танк повернул, тяжело переваливаясь через грязь и камни, направляясь к группе кустов и удобной канаве в стороне от дороги. Не успели мы проехать и десяти ярдов, как раздался резкий треск, сильный рывок, и у меня сердце буквально подпрыгнуло к горлу. Лопнула гусеница. Мы все вылезли наружу и молча встали тесным кружком, глядя на бессильно повисшие звенья. Должно быть, это была самая унылая компания во всей Греции.

— Плюс, — сказал я, — ты обязан её починить. Ты же, чёрт возьми, инженер. С тобой механик. Придумайте что-нибудь. Неужели толстый гвоздь не может заменить палец гусеницы? Нам ведь нужен всего один палец.

Плюс мрачно покачал головой.

— Это могло бы стать временным ремонтом. Может быть, танк прошёл бы полмили. Может быть — всего сотню ярдов. Но вниз с перевала мы всё равно не спустимся. И что тогда?

Я понимал, что он смотрит на вещи трезво, но принять это не мог. Должен же существовать какой-то выход. Я огляделся вокруг, надеясь почти на чудо — вдруг решение лежит где-нибудь на этом небольшом плато или среди разбитых машин, брошенных здесь после вчерашних налётов.

— Давайте осмотримся, — сказал я. — Может быть, что-нибудь найдём. А пока пусть кто-нибудь поставит чайник.

Мы разделились. Плюс, водитель, механик и я отправились осматривать разбитые грузовики, остальные принялись разводять огонь и готовить котелок и кружки. Сначала снизу по перевалу донеслись крики, потом послышался рёв самолётов, потом — совсем рядом — тревожные возгласы предупреждения. С севера медленно приближался злобный клин *Штук*, пересекавший ещё розовое после рассвета небо. Выше них кружили истребители. Их серебристые крылья и ярко-жёлтые носы уже ловили первые лучи восходящего солнца. Самолёты летели прямо к вершине перевала. Мы настолько привыкли к тому, что *Штуки* просто проходят над нашими головами, что почти без интереса следили за ними, полностью поглощённые заботами о ремонте гусеницы. Но колонна машин на перевале остановилась. Люди буквально высыпали из грузовиков и бросились бежать во все стороны — в любую сторону, лишь бы подальше от дороги.

Одни прижимались к углу между дорогой и отвесной скалой. Другие, где это было возможно, карабкались вниз по крутым склонам в долину. Когда мы снова подняли головы, самолёт, шедший во главе клина, оказался прямо над нами. И тут нас словно ударило: мы вдруг увидели, как он выходит из строя, накреняется и начинает медленно кружить, подобно стервятнику. Остальные последовали за ним, словно участвовали в какой-то весёлой детской игре «делай, как ведущий». Через несколько секунд все восемь самолётов уже описывали круг. Мы бросились бежать. Едва мы успели прыгнуть в канаву за танком, как низкий гул пикирующих бомбардировщиков превратился в безумный, леденящий душу визг. Я быстро взглянул вверх. Прямо на меня, почти в лоб, с душераздирающим воем нёсся пикирующий *Ju-87*. Я уткнулся лицом в согнутые руки и стал ждать, когда бомба упадёт мне прямо между лопаток. Визг самолёта подхватил пронзительный свист падающей бомбы. Мучительные две секунды достигли своего предела в оглушительном грохоте взрыва. Я почувствовал тяжёлый удар по спине и стал ждать боли. Мир мгновенно превратился в сплошной хаос шума и ужаса. Следующие *Штуки* одна за другой входили в пикирование, новые взрывы словно разрывали на части и землю, и сознание. Я поймал себя на том, что считаю, каждая цифра звучала как молитва. Пять... Шесть... *Господи, пожалуйста...* Семь... *Христос...* Восемь... *Хватит, Боже... больше не надо...*

Постепенно рёв двигателей стал удаляться. Над землёй начали подниматься столбы дыма. Потрясённая взрывами почва словно снова осела на своё место. Короткую тишину нарушили крики и оклики людей. Головные грузовики снова завели двигатели. Я продолжал лежать неподвижно, ощущая тяжесть на своей спине. Посмотрел на Плюса — он уже сидел, осматривая разрушения на плато.

— Плюси... моя спина...

Он удивлённо посмотрел на меня и вдруг громко расхохотался. Я почувствовал, как тяжесть исчезла: он поднял что-то, лежавшее у основания моего позвоночника. Это оказался пучок травы с огромным комом грязи на корнях. Я сел, испытывая невероятное облегчение.

— Ну и чёрт побери... — только и смог произнести я.

— Почти что побери, — ответил Плюс.

И мы оба рассмеялись — немного истерически. Мы выбрались из канавы, словно шахтёры после взрыва в забое. Стоя на плато, постепенно приходя в себя и убеждаясь, что все наши люди целы, мы увидели, что танк выглядит просто ужасно. При ближайшем осмотре выяснилось, что одна из бомб разорвалась прямо под передней частью гусеницы и подвеской. Части ходовой были разбросаны на многие ярды вокруг. Крупный зазубренный осколок глубоко вонзился в броню. А всё наши личные вещи, сложенные на корме танка, были полностью уничтожены. В целом, подумал я, так даже лучше. Потерпеть фиаско из-за отсутствия крошечного пальца гусеницы было бы просто невыносимо. Гораздо лучше, что танк теперь окончательно вышел из строя и восстановлению уже не подлежал.

Чайник, кружки, сахар, чай — всё исчезло без следа. Это были такие домашние, такие мирные вещи, что их потеря вдруг заставила нас особенно остро почувствовать, насколько далеко мы теперь от дома. Перед нами возникли новые проблемы. Нужно было принимать новые решения. И главным оставалась ответственность — вывести всех, включая самого себя, обратно к батальону. У меня упало сердце, когда я увидел, как между воронками осторожно пробирается джип военной полиции. Я пошёл ему навстречу, уже готовый к любому столкновению. Если что — разберёмся потом, в Каире, если вообще кто-нибудь когда-нибудь доберётся до Каира. К чёрту всех полковников, особенно полковников военной полиции, но это оказался не тот офицер, который ночью запретил нам идти через перевал. Этот подъехал только затем, чтобы передать: «Двигайтесь как можно быстрее. Скоро здесь будет проходить австралийский арьергард, и ему нельзя задерживаться». С этими словами он уехал в сторону Ламии. До неё было всего десять миль, всё время под гору, но пешком это всё равно был бы долгий путь. Мне

совсем не хотелось доверять наше неопределённое будущее австралийскому транспорту. Никто не мог сказать, куда нас занесёт, а скорее всего, занесло бы нас в придорожную канаву. Вокруг, под самыми разными углами, валялись десятки машин — разбитых, искорёженных, в разных стадиях разрушения. «Давай посмотрим на несколько этих грузовиков, Плюси, — сказал я. — Некоторые выглядят не так уж плохо. Кто знает, вдруг что-нибудь найдётся». Мы направились к большому трёхтонному грузовику, стоявшему почти целым на другой стороне плато. На дверях и крыльях красовался хорошо знакомый папоротниковый лист — эмблема новозеландской дивизии. Три аккуратных отверстия в радиаторе без слов рассказывали всю историю: пикирующий самолёт, очередь из пулемёта, поспешное бегство экипажа. По-видимому, никто так и не вернулся за машиной. Плюс тщательно осмотрел двигатель. Кроме радиатора, никаких других повреждений он не обнаружил, для него это была суцая ерунда.

— Починить радиатор мы не сможем, — сказал он. — Но можем всё время подливать воду во время движения. Нужны две банки с водой и человек, который будет сидеть на капоте и постоянно лить воду в радиатор.

— Отлично, — ответил я. — Будем меняться по очереди. Банок кругом сколько угодно, воды у дороги тоже хватает. За работу!

Двигатель завёлся с первого нажатия кнопки стартера. Пока Плюс организовывал подачу воды, я обошёл грузовик сзади и заглянул через откидной борт. Из всех машин, которыми была усеяна дорога от Монастира до Ламии, мы умудрились выбрать именно грузовик офицерской столовой новозеландцев. Жители Новой Зеландии всегда славились своим гостеприимством и искренней заботой о благополучии своих солдат за границей. Содержимое этого трёхтонного грузовика полностью соответствовало этой репутации. Он был доверху набит рождественскими подарочными наборами, рождественскими пудингами, пирогами, ящиками с фруктами и вареньем, банками с мараскиновой вишней и другими деликатесами. Там же стояли ящики с пивом и виски. На мой радостный крик собрались остальные. И вдруг всё вокруг словно превратилось в праздник: у нас снова был транспорт, перед нами лежали Ламия и дорога на Афины, немцы находились далеко, в небе не было ни одного самолёта. Настало время немного отпраздновать. Всего по одной бутылке пива на каждого — пиво оказалось превосходным, австралийского производства.

С севера через перевал тянул прохладный ветер, принося с собой глухой рокот далёкой артиллерии. Пора было отправляться. Плюс оседлал капот грузовика, словно всадник коня. Он держал наклонённой четырёхгаллонную канистру с водой, позволяя ей непрерывно, хотя и неравномерно, стекать в горловину радиатора. Мы медленно поползли по мягкой земле вдоль обочины, затем тяжело перевалили через край дороги, объезжая свежие воронки, и влились в поток транспорта, спускавшегося с перевала. Каждый раз, когда канистра пустела, мы останавливались у ручьёв или луж, снова наполняли её, а человек на капоте менялся местами с одним из сидевших в кузове. А в кузове тем временем вовсю продолжалось веселье, сопровождавшееся напитками самого подходящего для такого случая рода. В подобных обстоятельствах достаточно было всего пары глотков. Мы катились вниз к Ламии, распевая непристойные песни и показывая неприличные жесты самолётам *Люфтваффе*, кружившим где-то наверху.

Но далеко не всё вызывало смех. Среди водителей и прочего транспортного персонала уже начиналось настоящее разложение. Стоило где-нибудь в небе появиться самолёту — а иногда только показаться, что он появился, — как кто-нибудь в колонне выкрикивал предупреждение. Люди слепо выпрыгивали из грузовиков и бросались бежать как можно дальше от дороги. Они даже не пытались разобраться, куда летит самолёт, или вообще есть ли самолёт. Покинутые водителями машины продолжали катиться вниз по склону, врезались в скалы или срывались с обрыва, неизбежно перекрывая дорогу, после чего их приходилось вручную сталкивать в сторону. Когда мы достигли подножия перевала и местность стала более открытой, водители и пассажиры убегали далеко в поля и возвращались обратно крайне неохотно. Мы кричали на них, ругались, пиво и виски развязали нам языки и сделали чувства ещё острее. В тот момент всё это выглядело

ужасно, но в конце концов они всё же переставали убегать от дороги. Что-то внутри заставляло их возвращаться к своим грузовикам. Мне трудно было поверить, что это люди той же самой национальности, что и суровые солдаты, которые составляли основу армии, сражавшейся под командованием Уэйвелла в наступлении на Киренаику. И уж точно это были не те люди, которые позднее в составе 9-й Австралийской Дивизии сделали для победы в [битве при Эль-Аламейне](#) больше, чем любое другое соединение.

До Ламии мы добирались более двух часов, и к тому времени волшебное настроение утра уже исчезло. Мы прибыли туда усталыми и раздражёнными. Когда новозеландский офицер спросил нас, какого чёрта мы делаем в грузовике офицерской столовой их части, он получил настолько грубый ответ, что невольно отступил на два шага назад. Я уже решил, как мы поступим. Держать грузовик у себя бесконечно мы не могли. Будь дело только в самой машине, это ещё куда ни шло, но уехать вместе со всеми этими запасами деликатесов было бы уже откровенным воровством, поэтому я решил заключить сделку с тем, кому всё это принадлежало: грузовик офицерской столовой в обмен на транспорт до Афин. Мне казалось, что наши требования вполне справедливы, к тому же грузовик был у нас. На перекрёстке в центре Ламии мы нашли офицера, который регулировал движение. Он сразу узнал полковой знак на крыльях машины и объяснил, куда нам следует ехать. Не без сожаления мы отвернули от указателя на Афины и направились по дороге к Фермопилам. Теперь мы уже полностью находились в полосе ответственности новозеландских войск. На нас обращало внимание всё больше людей. Сначала они просто с интересом смотрели на нас, потом их взгляды неизменно сменялись удивлением и подозрением. Это означало, что мы двигались именно туда, куда нужно.

Примерно в десяти милях от Ламии большой дорожный указатель сообщил о водолечебнице с горячими источниками, расположенной примерно в пятистах ярдах от дороги, в конце красивой аллеи, обсаженной деревьями. Устоять перед таким искушением было невозможно: пиво, виски, рождественский пудинг, мараскиновая вишня, а теперь ещё и горячая лечебная ванна. На крыльце нас встретила полная женщина, как и полагалось, одетая во всё чёрное. Несмотря на обстоятельство, она оказалась необыкновенно приветливой и весёлой. Совместными усилиями, используя наш греческий, почерпнутый из разговорника, мы сумели вполне прилично объясниться. Она полностью предоставила нам в распоряжение все удобства водолечебницы. Показывая купальни и комнаты, где можно было раздеться, хозяйка с явной гордостью рассказывала, какой популярностью это место пользуется у состоятельных деловых людей из Афин. Ко времени нашего приезда никого из них здесь уже не было. Было грустно думать, что всего через несколько дней к её крыльцу будут подъезжать экипажи немецких танков. Мы искренне надеялись, что к ним она окажется не столь любезной.

Мало что может сравниться с наслаждением снять одежду, которая пять или шесть дней подряд не отлипала от тела, жаль только, что потом её пришлось снова надевать. Наша хозяйка категорически отказалась брать с нас деньги. Со слезами на глазах пожала каждому руку и ещё вручила нам бутылки с целебной минеральной водой, напутствуя в дорогу. Мы почувствовали себя обновлёнными и телом, и душой. Правда, оставалось некоторое сомнение, действительно ли стойкий запах серы лучше того аромата, которым мы благоухали до купания. По-прежнему с нашим неутомимым «талисманом», сидевшим верхом на радиаторе и непрерывно подливавшим воду, мы двинулись дальше через Фермопильское ущелье. Его словно населяли призраки спартанцев, персов и вполне материальные воины с другого конца света — из Австралии и Новой Зеландии.

Вскоре дорогу нам преградил блокпост. Командир охраны подошёл к нам с таким видом, будто отлично знал, кто мы такие. Очевидно, известие об исчезновении грузовика офицерской столовой успело распространиться из Ламии быстрее нас.

— Мы вас ждали, — сказал он. — Вы привезли его куда следует. Мы уже думали, что грузовик пропал навсегда. Оставляйте его здесь. У меня есть водитель, который перегонит машину в штаб.

— Как бы не так, — ответил я, немало его удивив. — Я передам грузовик только вашему командиру полка и больше никому. Откуда нам знать, что он вообще принадлежит вам? Передайте своему полковнику, что он найдёт нас вон под теми деревьями.

Я показал на группу высоких деревьев примерно в четверти мили отсюда, и, прежде чем он успел придумать достаточно убедительную причину, чтобы нас задержать, приказал водителю ехать дальше. Я был уверен, что ждать придётся недолго, но времени должно было хватить хотя бы на то, чтобы в последний раз вскипятить чай, воспользовавшись одолженной у новозеландцев посудой. Именно так нас и застал новозеландский полковник, когда подъехал на своей штабной машине. Я полулежал, прислонившись к стволу дерева, наблюдая за приготовлениями к предстоящему бою, которые кипели вокруг. Невольно я сопоставлял это грядущее сражение с древней битвой, когда-то произошедшей здесь же. Я размышлял о том, что было бы в современной войне, если бы каждый полк сражался до полного уничтожения — до последнего человека. Лично я был благодарен судьбе за то, что военная тактика середины XX века требовала своевременно выводить войска из опасного положения, чтобы они могли сражаться снова, но всё же приходилось признать, что подобный подход неизбежно влияет на решимость людей.

«Вот он едет,» — услышал я голос Плюса и поднял голову - к нам подъезжал штабной автомобиль. Он остановился рядом, из него быстро вышел энергичный и весьма решительный на вид полковник. Я сразу узнал его - это был Кёрли Пейдж. Последний раз мы виделись в лифте старого отеля *Metropole* на Нортумберленд-авеню, всего в сотне ярдов от Трафальгарской площади. Он тогда был членом (кажется, даже вице-капитаном) новозеландской регбийной команды *All Blacks*, приехавшей в Великобританию в 1935 году, а я входил в состав южноафриканской команды по крикету, которая как раз завершала своё британское турне. Мне показалось, что сейчас вполне подходящий момент напомнить ему о нашей той короткой встрече, а затем предложил ему выпить.

— Боюсь, у нас только пиво или виски.

— Я выпью пива, спасибо, — ответил он, даже не моргнув.

Мы устроились поудобнее и приступили к своего рода торгу. Я объяснил, что всё, что мы сделали, — это нашли брошенную машину, покинутую её экипажем, и благодаря собственной изобретательности сумели собственными силами довести её сюда. Для нас совершенно не имело значения, что это оказался грузовик офицерской столовой именно его части. Вместе с тем я прекрасно понимал, что с его точки зрения эта машина представляет особую ценность, и был уверен, что он это учтёт при обсуждении условий её возвращения. Он широко улыбнулся. Он прекрасно понимал, что и я отлично знаю: стоит ему отдать короткий приказ — и один из его людей просто сядет за руль и уведёт грузовик.

— Справедливо, — сказал он. — Ну, и что ты предлагаешь?

— Сегодня же доставить нас в Афины.

— По рукам. Я немедленно пришлю вам грузовик с водителем. Он отвезёт вас в штаб экспедиционных сил в Афинах. Там вас уже смогут направить дальше.

Мы скрепили сделку рукопожатием. Пока мы допивали пиво, он вкратце рассказал мне о том, что происходит. По его словам, греческая армия, находившаяся на фронте, фактически заключила собственное перемирие с немцами. Тем самым она открыла весь левый фланг британских войск, и удерживать рубеж у Фермопил сколько-нибудь продолжительное время стало невозможно. Было принято решение о немедленной эвакуации. Ему и его новозеландцам предстояло задержать наступающие немецкие части настолько долго, чтобы успели завершить подготовку флота к эвакуации и разведать подходящие пляжи на юге для посадки войск.

— Сможете их удержать? — спросил я.

— Конечно, сможем. Мы выигрывали у немцев каждый бой, в котором с ними сталкивались, и в нашей дивизии нет ни одного человека, который не был бы уверен, что мы можем делать это снова и снова.

Полковник Пейдж уехал вместе со своим грузовиком офицерской столовой, оставив нам в подарок ящик пива. Минут через двадцать прибыл полутонный армейский грузовик, чтобы отвезти нас в Афины. Мы быстро помчались по прибрежной дороге к Фивам/Thebes. Здесь не было тех бесконечных дорожных заторов, что царили на главной дороге дальше в глубине страны, да и воздушные тревоги случались сравнительно редко. Во второй половине дня мы без происшествий прибыли в Фивы. Это был важный узел дорог, куда сходились маршруты с севера, юга, востока и запада. Транспортный хаос, который ещё недавно царил в Ламии, уже удалось привести в порядок. Колонны различных частей были перенаправлены в районы, расположенные позади войск, удерживавших линию обороны от Фермопил через узкий перешеек Центральной Греции до Дельф/Delphi. Поэтому поток машин, двигавшихся на юг, заметно поредел и превратился в организованное двустороннее движение: в одну сторону шли грузы снабжения на фронт, в другую вывозились части, предназначенные для ближайшей погрузки на суда.

В центре города, где сходились пять крупных дорог, движением руководили офицер военной полиции и его подчинённые. Я остановил наш грузовик рядом с ним и спросил, не знает ли он, где сейчас находится 3-й Батальон КТП из состава 1-й Бронетанковой Бригады. Он просмотрел пачку документов и затем сообщил мне весьма неожиданную новость: бригаду перебросили в Халкиду/Chalkida, и весь её транспорт направляется именно туда. Халкида находилась примерно в двадцати пяти милях к востоку, на острове Эвбея, соединённом с материком разводным мостом через очень узкий пролив. Это мне показалось чрезвычайно странным местом для бронетанковой бригады именно сейчас, когда уже был объявлен общий отход и эвакуация, особенно если учесть, что это была бронетанковая бригада, практически оставшаяся без своих танков. Я напряжённо пытался вспомнить, откуда мне знакомы названия Эвбея и Халкида, и вдруг вспомнил то, что сохранилось в памяти ещё со школьных времён. Именно в этих тесных водах когда-то безуспешно ожидал попутного ветра флот [Агамемнона](#) — тысяча кораблей, которым предстояло отправиться к Трое. В другое время одно только это воспоминание заставило бы меня с огромным удовольствием поехать в Халкиду, но в тот день, стоя в Фивах, я с тоской посмотрел на дорожный указатель: АФИНЫ — 70 км - и, тяжело вздохнув, приказал водителю повернуть на восток. Мне казалось, что этим я возвращаюсь к своему батальону. Примерно через полчаса мы добрались до развилки: одна дорога вела прямо в Халкиду, другая уходила на юг, широким обходом огибая горный массив и направляясь к Афинам. По счастливой случайности именно здесь мы встретили офицера связи бригады. Он сообщил нам, что 3-й Танковый Полк уже вернулся в Глифаду — место, о котором у нас сохранились самые приятные воспоминания, — и именно туда нам следует ехать, чтобы присоединиться к своим. Остальные подразделения бригады были переброшены на остров, чтобы предотвратить возможное проникновение немецких частей в тыл позиций союзников у Фермопил.

Примерно в трёхстах ярдах от перекрёстка, в лучах заходящего солнца, стоял палаточный госпиталь. Красные кресты ярко сияли на его палатках. Мы с Плюсом решили пройти туда пешком, надеясь, что удастся раздобыть кружку чая и несколько плиток шоколада, пока остальные ребята разбрелись по кустам. Кроме того, мне было просто любопытно, почему госпиталь всё ещё находится здесь. Рёв самолётов внезапно показался раз в десять громче обычного. Мы увидели их, появившихся с востока. Дюжина *Хейнкелей* летела плотным строем в форме буквы V на высоте чуть более тысячи футов. Я бросился обратно к грузовику за *Бреном*, который протащил с собой через всю Македонию. Курс немецких самолётов проходил прямо над госпиталем. Я никак не мог понять, каким образом они появились именно с этой стороны, но они совершенно определённо шли прямо на Фивы, и у меня не было ни малейших сомнений, что их целью являются железнодорожный узел и дорожная развязка. Раньше нам ещё никогда не доводилось видеть *Хейнкели*, летящие плотным строем. Я держал *Брен* наготове, ожидая, пока самолёты подойдут ещё немного ближе. От госпиталя к нам бежал человек, отчаянно размахивая руками. Из-за оглушительного рёва моторов мы не могли

разобрать, что именно он кричит, но было совершенно ясно, что он не хочет, чтобы мы открывали огонь. Я сразу понял, что, если начну стрелять, тем самым уничтожу неприкосновенность нейтрального статуса госпиталя с красными крестами, и даже испытал облегчение, что меня удержали от столь безрассудного поступка. Но, как выяснилось, именно это он вовсе не имел в виду. Запыхавшись, он умолял нас не стрелять лишь потому, что стрельба потревожит раненых. Самолёты были уже почти прямо над нами, когда я опустил пулемёт, и вдруг я отчаянно закричал: «Берегись! Бомбы!» Из люка в нижней части ведущего *Хейнкеля* начали вываливаться цилиндрические предметы. Ещё через мгновение створки бомболюков раскрылись у всех самолётов, и целые кассеты бомб, сверкая в воздухе яркими короткими штрихами, посыпались вниз. Мы одновременно бросились ничком на землю, яростно разгребая её руками, коленями и ногами, словно пытаюсь зарыться внутрь. Ничто уже не могло помешать тому, чтобы нас разорвало на куски. У нас оставались три или четыре секунды — целая вечность — чтобы представить себе неизбежную и кровавую гибель. Потом раздалась первая цепочка взрывов, сразу перешедшая в непрерывную канонаду, слившуюся в одну долгую, непрекращающуюся серию оглушительных детонаций. Глубоко под нами задрожала земля.

И вдруг всё стихло. Мы продолжали лежать, не веря случившемуся, не желая подтверждать глазами то, что уже сообщили слух и нервы, но это оказалось правдой. Мы поднялись и увидели собственными глазами - бомбы, падавшие, казалось, прямо нам на головы, по инерции пролетели дальше и разорвались примерно в двухстах ярдах впереди. Они легли на совершенно открытом месте, никакой видимой цели там вообще не было. *Хейнкели* продолжали спокойно лететь на запад, словно ничего не произошло. Испытывая почти истерическое облегчение, мы поднялись, стряхивая с одежды пыль и сухие травинки, и смущённо улыбались друг другу. Я сказал офицеру медицинской службы: «Надеюсь, ваши пациенты не слишком встревожились».

Мы снова развернули грузовик на юг и помчались через спокойный послеобеденный пейзаж, где, если бы не война и не её постоянный шум, казалось бы, всегда царил бы тихий, бесконечный день. Ещё час — и Афины, потом — Глифада, потом — корабли, потом — Александрия. Мои мысли уже тянулись к Вере и к венскому эскалопу... Бах! Бах! Бах! Бах! Частый, хорошо знакомый лай пушки *Бофорс* мгновенно вырвал меня из полудрёмы, вернув к рёву авиационных моторов и злобному многоголосому треску многочисленных пулемётов. Бах! Бах! *Бофорс* сделал ещё несколько выстрелов и внезапно замолчал. Как раз вовремя мы увидели два *Мессершмитта*, низко пронесившихся над дорогой впереди нас и поливавших всё огнём своих пулемётов. Цель находилась немного впереди, но с тем же успехом ею могли оказаться и мы. Мы настороженно ожидали, что они развернутся и вернуться, однако самолёты резко набрали высоту, ушли в крутой вираж и повернули на север. Мы проехали ещё немного, миновали плавный изгиб дороги и увидели у обочины ту самую пушку *Бофорс*. Несколько согнувшихся фигур торопливо затаскивали своих товарищей в кузов грузовика. Другие стояли, склонившись над неподвижными телами, лежавшими на земле. Мы остановились и поспешили к ним. Я невольно подумал о том, с какой деликатностью о нас позаботилась сама судьба. Где-то на дороге от Монастира мы потеряли всего десять секунд — и именно эти десять секунд сделали так, что мы опоздали на встречу с этими *Мессершмиттами*.

Офицеров в расчёте зенитчиков не было. Они как раз возвращались из штаба 1-й Бронетанковой Бригады в Халкиде. Двое лежали мёртвыми рядом с оружием, ещё один сидел, прислонившись к грузовику и зажимая руку, сквозь толстую шерстяную ткань рукава медленно проступала кровь. В его глазах страх и растерянность постепенно уступали место боли. В кузове грузовика лежал артиллерист. Он тяжело, с ужасными хрипами хватал ртом воздух, в животе у него зияла огромная рана. Плюс подошёл с нашей танковой аптечкой первой помощи. «Я в таких вещах плохой помощник, — сказал я сержанту зенитчиков. — По-моему, ему уже недолго осталось. Всё, что я могу сделать, — это облегчить ему боль». Я достал капсулу с морфием и шприц, вспоминая, как когда-то медсёстры делали такие уколы мне самому. Нужно зацепить кожу на руке... ввести иглу под неё... Лицо раненого прямо у меня на глазах становилось всё бледнее и бледнее.

Кровь уходила из него — через ту страшную дыру в животе, он даже не замечал моего присутствия. Я медленно до упора нажал на поршень, понимал, что это уже бесполезно. Наверное, я делал это не столько ради него — боль он уже почти не ощущал, — сколько ради собственного облегчения. Хриплое дыхание внезапно прекратилось. Некоторое время ничего не происходило. Стояла только тишина. Позади меня — молчаливый круг мрачных лиц, передо мной — человек, стоящий уже на самой границе небытия. И вдруг какая-то непроизвольная судорога пробежала по его телу. Рот широко раскрылся, жадно втянув огромный последний глоток воздуха — последний отчаянный вдох жизни, тело дёрнулось, словно у только что обезглавленной курицы. Веки распахнулись до конца, зрачки закатились вверх так, что на меня смотрели лишь белки глаз. Рука под моей ладонью стала прохладной, потом — холодной. Послышался долгий, протяжный вздох, словно какой-то призрак, шелестя, покинул тело через широко раскрытый рот. Он умер. «Зря потратили морфий,» — сказал Плюс. Это была печальная, но совершенно точная надгробная речь. В тот вечер мы прибыли в Афины уже в темноте. Из штаба экспедиционных сил нас незадолго до полуночи направили дальше — в Глифаду. Начальник караула выдал мне одеяла и показал большую палатку, сказав, что там спят офицеры Эскадрона С. Я нашёл свободное место прямо на земле и присоединился к ним, мгновенно уснув.

Глава 14

Они были немало удивлены, увидев меня, когда проснулись утром. Мы провели всё утро, рассказывая друг другу о своих приключениях, и после этих разговоров я окончательно убедился, что поступил очень разумно, оставшись вместе с танком. Их непрерывно бомбили и обстреливали с воздуха, но, хотя довольно много машин было уничтожено или повреждено, человеческие потери оказались невелики. Все офицеры Эскадрона С остались живы. С удивлением я обнаружил, что на календаре уже 23 апреля, а остальные вернулись в Глифаду ещё шесть дней назад. Тем временем — как я узнал значительно позже — моя мать в Южной Африке получила телеграмму от военного министерства. В ней говорилось:

С глубоким сожалением сообщаем, что, согласно донесению с Ближнего Востока, второй лейтенант Роберт Джеймс Крисп, Королевский Танковый Полк, числится пропавшим без вести с 18.4.41.

К несчастью, никому не пришло в голову официально сообщить, что я уже не числюсь пропавшим без вести, пока во вторую неделю мая в Каире я случайно не встретил Шорти Лессинга, корреспондента *South African Press Association*. Он немедленно отправил заметку в свои газеты. К тому времени моя мать уже получила от меня пару писем, поэтому, должно быть, была несколько озадачена, когда 21 мая ей пришла ещё одна телеграмма от военного министерства:

С удовольствием сообщаем, что получено донесение с Ближнего Востока: второй лейтенант Роберт Джеймс Крисп, Королевский Танковый Полк, найден и продолжает службу в своей части.

Теперь Глифада уже совсем не напоминала тот приятный приют, каким она была в нашу первую неделю пребывания в Греции. Во второй половине дня поступил приказ батальону занять различные позиции, прикрывая подступы к Афинам. Мы обвесили наши грузовики и автомобили пулемётами, подвесив их на кусках верёвки к металлическим дугам, которые обычно служили каркасом для брезентового тента. Получилась весьма необычная установка. Зато пулемёт можно было быстро развернуть практически в любом направлении, и он всегда был готов к немедленному открытию огня. Было очень приятно снова оказаться рядом со своим танковым экипажем. Это было почти как возвращение домой, в семью. Теперь в распоряжении нашего 9-го Взвода снова имелись три полутонных грузовика. Взвод фактически возродился, хотя состав людей немного изменился. С наступлением темноты мы отправились в путь, толком не зная ни куда именно, ни зачем.

Где-то среди ночи колонна остановилась в довольно пересечённой местности. На рассвете выяснилось, что мы заняли позицию поперёк Фиванской дороги, примерно в двенадцати милях к северу от Афин. Мы находились у входа в теснину, где дорога извивалась среди суровых скал под склонами горы Патерас. Найти место, которое одновременно обеспечивало бы хорошее укрытие для наших машин и позволяло вести эффективный огонь, оказалось непросто. В конце концов я отказался от поисков и выбрал позицию, которая почти не обладала никакими тактическими достоинствами, зато открывала великолепный обзор. Это было сделано не только из любви к красивым видам. Если с севера действительно появится что-нибудь враждебное, лучше заметить это как можно раньше. После завтрака-пикника, когда прохладный утренний воздух приятно смешивался с запахом дыма нашего костра, я поднялся на вершину холма, возвышавшегося сразу за грузовиками. Оттуда открывался широкий обзор. Я видел всю беспорядочную гористую местность и отдельные участки главной дороги, извивавшейся среди холмов. Прямо подо мной с одной стороны экипаж занимался своими обычными повседневными делами. С другой стороны открывался глубокий широкий овраг, прорезанный небольшим ручьём, который блестел в тени, извиваясь между склонами.

Я начал писать домой письмо, сообщая, что благополучно вернулся в Афины. Шум самолёта — такой же привычный и естественный, как дневной свет, — нисколько не мешал мне писать. Но вдруг я вскочил на ноги. Этот самолёт был совсем рядом, и звук был какой-то другой. Я растерянно обвёл взглядом всё небо. По одному лишь шуму невозможно было определить, откуда он доносится. Сначала гул быстро превратился в мощный раскатистый рёв. Самолёт был не просто рядом — он был невидим. Грохот двигателя всё усиливался, пока буквально не оглушил меня. Мне показалось: ещё мгновение — и он просто врежется в меня. Я в панике посмотрел вниз — мои люди бегали кругами, точно так же тщетно пытаюсь обнаружить самолёт в совершенно пустом небе, и только тогда я увидел его — это была *Штука*, и она находилась ниже меня. Самолёт поднялся вверх по оврагу со стороны Афин. Когда он пролетал мимо, нас разделяло не больше тридцати ярдов. Я мысленно выругал себя за собственную лень: надо было взять на холм *Брен*. Я увидел пилота, пригнувшегося над органами управления, над ним, максимально подавшись вперёд, стоял задний стрелок. Я мгновенно выхватил из кобуры свой револьвер и начал стрелять вниз. Я нажимал на спусковой крючок так быстро, как только мог, пока громкие выстрелы не сменились сухими щелчками пустого барабана. Немец, согнувшийся над пилотом, повернул голову сначала вбок, потом вверх. Он посмотрел прямо мне в глаза. Увидев направленный на него пистолет и клубки дыма, вырывавшиеся из его ствола, он скорчил ужасную гримасу. В тени кабины ярко сверкнули его белые зубы, его рот раскрылся в беззвучном крике. Пилот тоже резко обернулся. Крылья *Штуки* на мгновение качнулись, затем самолёт выровнялся и через секунду он уже исчез за очередным изгибом ущелья. «Ну и ну, — подумал я. — Вот это действительно что-то новое... стрелять сверху вниз по самолёту. Да ещё из револьвера».

Несколько человек из моего экипажа уже карабкались ко мне на вершину холма. Я рассказал им, что произошло, и мы ещё несколько минут прислушивались в надежде услышать звук падения самолёта и увидеть первые чёрные столбы дыма. Но постепенно эхо двигателя стихло и растворилось в полной тишине. Это было очень разочаровывающе. Почему-то фигура заднего стрелка, наклонившегося так далеко вперёд, показалась мне знакомой, и вдруг я вспомнил. За несколько лет до войны я совершил небольшой перелёт вместе с Диком Шаттлвортом, знаменитым автогонщиком, на лёгком самолёте из Биглсуэйда в Оксфорд. Мы отправились искать в какой-то лавке старьевщика старинный велосипед с огромным передним колесом — тот самый старомодный *penny-farthing*. Нас застали туман и быстро наступившая темнота, и пришлось садиться прямо в поле. Наше появление вызвало настоящий переполох и огромное любопытство у стада джерсейских коров. Ночь мы провели в соседней деревенской гостинице, а ранним утром отправились обратно к самолёту. Оказалось, что поле, куда мы сели, не только было заполнено коровами, но ещё было слишком коротким для взлёта. Рядом находилось другое поле, гораздо длиннее, но между ними проходили четырёхфутовая живая изгородь и канава. Единственным выходом было выполнить своеобразный стипль-чез — перепрыгнуть через изгородь прямо во время

разбега. Чтобы максимально сместить центр тяжести вперёд, как можно дальше от хвоста самолёта, Дик велел мне буквально лечь на него сверху. Вся эта затея показалась мне весьма малопривлекательной. Тем не менее всё прошло благополучно, причинив мне лишь душевные страдания. И вот теперь, стоя на вершине греческого холма, я с облегчением подумал, что тогда никто не стрелял в меня из револьвера. День тянулся медленно, пусто, сонно. *Штуки* и *Хейнкели* по-прежнему были заняты куда более крупными целями южнее, где колонны союзников двигались к пунктам эвакуации. Дважды я выпускал целый магазин из *Брена* по любопытным *Шторхам*, кружившим поблизости. Если им это нисколько не вредило, то мне, по крайней мере, становилось немного легче. Наконец, уже в сумерках, когда мы начали ломать голову над тем, что принесут ночь и следующий день, через теснину с тарахтением примчался мотоциклист-посыльный. Он привёз приказ возвращаться в Глифаду. Тогда мы ещё не знали, что это будет наша последняя ночь, проведённая вместе как эскадрон.

Эвакуация началась следующим утром. Тоби вместе примерно с двадцатью людьми отправился под командованием Бэзила Кэри сопровождать транспорт, который должен был доставить австралийцев и новозеландцев к пляжам, откуда предстояла посадка на корабли. Основная часть эскадрона вместе с остальным батальоном отправилась грузовиками и поездом в Аргос и Милой, по другую сторону Коринфского канала. А в самом конце длинного перечня приказов о передвижении значилось всего несколько коротких строк:

9-й Взвод Эскадрона С (2-й лейтенант Крисп) направляется в отель Акрополь-Палас, Афины, для выполнения обязанностей личного эскорта Полевого штаба экспедиционных сил.

Я был в полном восторге. Практически это означало, что у меня снова появилось собственное самостоятельное задание. Я освобождался от огромных масс войск и бесконечных потоков приказов. Стоило немного поразмыслить, чтобы понять: если вообще кому-то удастся выбраться из Греции, то уж высшее командование Полевого штаба наверняка не бросят, а если повезёт, они вспомнят и обо мне с моим взводом. Я ошибался. К отелю мы прибыли поздним утром. Наши грузовики, ошметинившиеся пулемётами, мы поставили в огороженном уголке общественного сада — между эстрадой для духового оркестра и величественным зданием с колоннами, которое, как выяснилось, было Политехническим институтом. Пока солдаты устраивались настолько удобно, насколько вообще позволял асфальт, я вошёл в гостиницу. Она была полностью занята штабом британского главнокомандующего. Я доложил о прибытии первому попавшемуся важному начальнику в первой комнате направо.

Повсюду царила суэта. Люди бегали взад и вперёд. У чёрного входа уже громоздились штабные ящики для документов и большие жестяные сундуки. Один из штабных офицеров проводил меня на второй этаж. Там, в комнате, стены которой были сплошь оклеены оперативными картами, он указал на телефон, стоявший на единственном столе. «Оставайтесь здесь, — сказал он. — Если для вас будут какие-нибудь распоряжения, — а я искренне надеюсь, что их не будет, — они поступят по этому телефону». Он ушёл, я остался один среди карт. На них ещё были нарисованы теперь уже совершенно устаревшие круги обороны и стрелы наступлений, обозначавшие позиции, которые всего несколько недель назад удерживали наши войска, а теперь они уже находились в руках противника. Я подумал, что, когда придёт время уходить отсюда, обязательно заберу эти карты с собой. Когда-нибудь, в каком-нибудь неопределённом будущем, если у меня снова появятся собственные стены, ими будет интересно оклеить комнату. Я уже начал осторожно вынимать кнопки, которыми карты были приколоты. В этот момент через открытую французскую дверь, выходящую на небольшой балкон над боковой улицей, донёсся тихий свист. Я выглянул. На противоположной стороне улицы, на таком же уровне, из окна высывалась девушка. Она была очень хорошенькой, хотя несколько неопрятной. Она снова свистнула и помахала рукой. Когда я вышел на балкон, её лицо мгновенно выразило явное удивление и ещё более явное разочарование: очевидно, она ожидала увидеть совсем другого человека. Я невольно задумался о призрачном генерале, полковнике или майоре, который как будто незримо стоял сейчас у меня за

плечом в этой комнате, и не смог придумать ни одной веской причины, почему бы мне самому не воспользоваться хотя бы некоторыми из его служебных привилегий. Я улыбнулся ей с расстояния в тридцать ярдов и помахал рукой. Выражение её лица мгновенно изменилось, и она рассмеялась. На долгие ухаживания времени у меня не было, поэтому я сразу перешёл в наступление, используя довольно примитивный язык жестов — что-то вроде: «Я — прийти — увидеться с тобой». Судя по всему, она была совершенно не против. И тут мои мысли снова обратились к моему предшественнику — пожалуй, уже с некоторой долей критики. Я поднял семь пальцев, показывая, что имею в виду семь часов вечера. Она энергично замотала головой и подняла обе руки с широко растопыренными пальцами: десять часов! Про себя я печально покачал головой, размышляя о том, до какой степени распущенности дошли высокопоставленные особы. Внешне же я с энтузиазмом кивнул. Чтобы окончательно убедиться, что она действительно имеет в виду *десять часов*, а не *десять минут*, *десять детей* или ещё что-то, к чему относится число десять, я постучал пальцем по своим наручным часам, затем показал на себя, потом на неё и снова продемонстрировал десять растопыренных пальцев. Она приняла это условное соглашение, и я отчётливо увидел, как в её глазах засверкали озорство и возбуждение. Потом она торопливо оглянулась через плечо, одновременно что-то говоря кому-то, находившемуся в комнате. Она бросила на меня один из тех особенных взглядов — и исчезла.

Я был вовсе не прочь поживиться подобной добычей, но взгляд мой упал на телефон, и настроение сразу омрачилось. Эскорт Полевого штаба... Тем временем в парке мои солдаты уже успели установить обычные дружеские отношения с местными жителями. Они сами и их грузовики, оцетинившиеся оружием, естественно, стали предметом огромного интереса для прохожих. Я отправил сержанта взвода посидеть у телефона вместо меня, а сам быстро обошёл окрестности, изучая все входы и выходы. Наиболее вероятными опасностями могли быть воздушный десант или внезапный прорыв противника. Я предполагал, что в таком случае нашей задачей будет задержать врага настолько, чтобы штаб успел уйти. Мысль о деятельности «пятой колонны» я сразу отбросил. Греки, как мне казалось, были совершенно не способны на подобное предательство. Я вовсе не ожидал, что чрезвычайная ситуация возникнет без всякого предупреждения, но, если уж она возникнет, мне хотелось заранее знать, куда идти и что делать. У ограды вокруг наших машин уже собралась довольно большая толпа. Дети просовывали руки между прутьями и просили шоколад и конфеты. Мы раздали им почти всё, что у нас было, оставив себе лишь самое необходимое, и заодно рассказали им о складах в Глифаде, которыми они вскоре смогут воспользоваться сами.

Ко мне подошел хорошо одетый мужчина, похожий на преуспевающего бухгалтера. Вежливо поздоровавшись по-английски, он вынул толстую пачку стодрахмовых банкнот. «Возьмите всё это, — почти умоляюще сказал он, — если сможете дать мне бутылочку аспирина. У моей жены страшные головные боли. В аптеках ничего нет. Она очень мучается...» Я с сожалением покачал головой: «У меня нет. Я спрошу у остальных. Если удастся найти, платить не понадобится». Я обошёл всех своих людей, затем заглянул на первый этаж гостиницы и расспросил там. Аспирин не было ни у кого. Вот если бы сейчас появился доктор Макмиллан на своей санитарной машине... Мужчина всё понял по выражению моего лица. Он пожал мне руку и печально ушёл. В тот момент я особенно остро почувствовал сострадание к этим людям, увидев хотя бы крохотный пример того, что принесла им война и что ожидало их в последующие годы. Они, должно быть, и сами прекрасно это понимали. И всё же за все последние дни, проведённые нами в Греции, — и в городах, и в деревнях — местные жители неизменно встречали нас с дружелюбием, гостеприимством и искренним расположением.

Над той площадью словно нависло ощущение обречённости. Оно тяжёлым грузом лежало над древним городом. Я посмотрел на протянутые детские руки и решил, что не пойду на свидание, которое назначил на этот вечер. Это казалось слишком случайным, слишком бессердечным в тот момент, когда Афины и вся Греция стояли на пороге долгой ночи своего порабощения. Я поужинал вместе со своими людьми их простой солдатской пищей, а затем поднялся наверх, готовясь к ещё одной долгой ночи дежурства. По дороге кто-то сообщил мне, что генерал Уилсон и адмирал [Бейли-Громан](#), командующие

сухопутными и морскими силами, только что выехали к [Коринфскому каналу](#). Войдя в свою комнату, я тщательно задёрнул шторы и лишь потом включил свет. Окно дома напротив уже стало тёмным и безликим. Я положил голову на сложенные руки рядом с телефоном и попытался вспомнить последнюю ночь, когда мне довелось спать между чистыми простынями, положив голову на мягкую подушку...

Резкий, пронзительный звонок телефона вырвал меня из сна с тем ужасным ощущением, когда, проснувшись, совершенно не понимаешь, где находишься. Потом память быстро вернулась. «Если для вас будут какие-нибудь распоряжения, они поступят по этому телефону». Неужели немцы уже вошли в Афины? Я прижал трубку к уху.

— Алло. Крисп слушает.

— Слушайте, Крисп. От военной полиции в Пирее поступило сообщение. Несколько австралийских солдат захватили яхту принца Павла — ну, того самого югославского принца — и пытаются вывести её из гавани. Сейчас я жду подтверждения. Если сообщение подтвердится, вы должны немедленно взять свой эскорт, отправиться в порт и помешать им. Военная полиция перезвонит через десять минут. Я распоряжусь, чтобы их сразу соединили с вами.

— Есть, сэр. Я только быстро спущусь вниз и приведу своих ребят в готовность.

Я взглянул на часы. Была уже почти полночь. И, сбегая вниз по лестнице, не мог не почувствовать облегчения от мысли, что десять часов давно миновали. Я приказал часовому разбудить всех и подготовить людей к выезду через десять минут, затем повторил сержанту полученное из Пирее сообщение. По его лицу было видно, что эта затея нравится ему ничуть не больше, чем мне. Вернувшись в свою комнату, я с тревогой ждал телефонного звонка. Какого чёрта я должен был сделать, чтобы остановить компанию отчаянных австралийцев, решивших угнать яхту принца Павла? Мне не было никакого дела ни до яхты принца Павла, ни до самого принца Павла. Он заключил сделку с врагом. Австралийцы могли забирать себе любые яхты, какие только найдут в Пирее, особенно яхту принца Павла. Если мне всё-таки прикажут отправиться и остановить их, я собирался проделать путь от Афин до Пирее с такой скоростью, с какой древние греки когда-то шествовали по [Священной дороге](#). Когда телефон наконец зазвонил, я поднял трубку так осторожно, словно она могла обжечь мне руку. Это был не военный полицейский, а тот самый офицер снизу. «Слишком поздно, — сказал он. — Они уже ушли на яхте. Теперь этим должна заниматься военно-морская служба». — «Ну и слава Богу,» — ответил я и положил трубку, после чего спустился вниз сообщить своим людям, что у них есть ещё пять часов сна.

На следующее утро я попытался выяснить подробности этого происшествия. На посту военной полиции в порту мне сказали, что ходят слухи: яхту якобы остановил эсmineц и заставил вернуться обратно, однако никто её больше нигде не видел. Мне показалось, что это было бы довольно недружелюбным поступком. С тех пор я не раз пытался докопаться до истинной истории этих полуночных телефонных звонков. Официальный австралийский военный историк совершенно уверен, что ничего подобного никогда не происходило, как, впрочем, и многих других рассказов о нетрадиционных выходах австралийских солдат. Да и, несмотря на многочисленные публикации в австралийских газетах, никто так и не объявился, заявив, что входил в состав команды, похитившей яхту принца Павла, а ведь это как раз такая история, которую рассказывали бы и приукрашивали тысячи раз. Поэтому мне приходится — пусть и с некоторым сожалением — сделать вывод, что всего этого, вероятно, никогда не было. Реальными были только те ночные телефонные звонки.

Однако мои солдаты своих пяти часов сна так и не получили. Около четырёх утра настойчивый телефонный звонок снова разбудил меня. Просыпаясь, я подумал: «Только бы не эта проклятая яхта опять...» Но это был приказ немедленно выступить в Милои, на другой стороне Коринфского канала. Мне предписывалось продолжать выполнять обязанности по сопровождению Полевого штаба, большая часть которого уже отбыла тем утром. Оставшиеся собирались выезжать с минуты на минуту. Я не стал терять времени.

К тому моменту, когда последний штабной автомобиль покинул гостиницу — как мне показалось, в довольно большой спешке, — двигатели наших трёх грузовиков уже были прогреты и работали ровно. Мы двинулись вслед за ними по безлюдным ночным Афинам. По обе стороны дороги здания постепенно проступали из темноты, которая редела, словно медленно поднимавшийся туман. Высоко над городом мрамор Парфенона первым поймал и удержал первые лучи нового дня. До Коринфа было около пятидесяти миль. Когда мы достигли Элевсина, уже можно было читать многочисленные дорожные указатели, приглашавшие туристов познакомиться с бесценными памятниками древности, которыми славилась эти места, но на которые у меня так и не нашлось времени. Теперь всеми нами овладело чувство неотложности. Мы мчались через классические пейзажи последних земель Аттики. Великолепие Греции, окружавшее нас со всех сторон, почти исчезло из моих мыслей. Все они были сосредоточены на куда более современном сооружении — мосте через Коринфский канал.

Всё утро меня не покидало беспокойство из-за поспешного ухода из Афин. Я тревожился бы гораздо сильнее, если бы тогда знал, что мы представляли собой самый последний хвост британских войск. Ночью мимо уже прошёл новозеландский арьергард, занимавший позиции у Коринфа. Другие соединения находились на восточном побережье. Но даже не располагая этой информацией, мы постепенно начали воспринимать канал как нечто чрезвычайно важное. Я и сам не смог бы объяснить это рационально, просто казалось жизненно необходимым как можно скорее перебраться на другую сторону.

С наступлением рассвета тревожное предчувствие не исчезло. Мой взгляд непрерывно перебежал с дороги впереди на зарождавшийся над Саламином рассвет. Я старался не слышать шум собственного двигателя, чтобы уловить самые первые далёкие звуки приближающихся самолётов. Мы стремительно пронеслись через Мегару. Её жители махали нам вслед, словно прощаясь в последний раз. Замедлить ход пришлось лишь на трудном участке дороги, где горы Ерания круто обрывались прямо к морю. Мы обогнули мыс — и перед нами открылся глубокий разрез канала и сверкающие металлические конструкции моста. Солдаты окапывались или занимали укрытия среди скал. Когда мы переезжали через мост, я заметил уже заложенные под него подрывные заряды. Мы посмотрели вниз — более чем в двухстах футах под нами узкой лентой блестела вода. Вот уж действительно превосходное противотанковое препятствие!

Перебравшись через канал, я остановил нашу небольшую колонну. Мне хотелось выяснить, что происходит и успела ли группа штаба благополучно переправиться. В конце концов я всё ещё считался их эскортом. Один офицер сообщил мне, что генерал Уилсон и адмирал пересекли мост вскоре после четырёх часов утра. Мы обменивались сведениями об общей обстановке — ничего особенно обнадеживающего в них не было, — когда внезапно раздался предупредительный крик, и одновременно мы услышали самолёты. Они появились над тёмной, ещё неясной громадой горы Парнас на севере. Десятки крошечных точек быстро увеличивались, постепенно превращаясь в *Хейнкели* и *Штуки*, над которыми, словно играя в небе, носились *Мессершмитты*, уже давно превратившие его в собственную площадку для развлечений. «Живо! — крикнул я своим людям. — Уходим отсюда!» Прежде чем мы успели добраться до города Коринфа, находившегося примерно в четырёх милях, самолёты *Люфтваффе* уже достигли канала, и воздух наполнился рёвом самолётов, глухими разрывами бомб, которые то и дело перебивались резкими залпами батарей *Бофорсов* и беспорядочной трескотнёй стрелкового оружия. Мы поспешили покинуть плоскую прибрежную полосу и поднялись по склонам, густо покрытым виноградниками, к развалинам древнего города. Там мы остановились и оглянулись назад, на мост. Бомбардировщики уже пролетели дальше, а воздушное пространство над Коринфом заполнили одна за другой волны транспортных самолётов с десантом. Между ними сновали истребители и *Хейнкели*, поливая всё вокруг пулёмётным огнём, чтобы не дать оборонявшимся поднять головы. Тяжёлые транспортные машины стремительно выныривали из-за гор и заходили над перешейком, выбрасывая сотни парашютистов почти у самой земли. Некоторые парашюты просто не успевали раскрыться, и нам было почти видно, как эти вращающиеся человеческие свёртки ударялись о землю. (Позже это подтвердили мне несколько новозеландцев, на которых и пришёлся основной удар воздушного десанта. Они рассказывали, что их

собственному полковому врачу пришлось лечить многих немецких парашютистов с переломами бедренных костей — настолько тяжело они ударялись о землю.) Шум стоял оглушительный. Сквозь грохот самолётов, разрывы снарядов и пуль, медленно поднимавшиеся столбы дыма вдруг расцветали яркими красками многочисленные купола парашютов — словно огромные весенние цветы, мгновенно распускаясь в воздухе перед тем, как опуститься на землю. В этом хаосе невозможно было понять, что происходит с тактической точки зрения. Мне казалось невероятным, чтобы небольшие силы, оборонявшие мост, могли выдержать подобный натиск. Однако они действительно сумели нанести противнику потери - 285 человек (*убитыми и ранеными – ВК*), а мост всё-таки был взорван.

Что же касается меня, то настало время разыскать своего командира эскадрона и получить дальнейшие приказания. Лишь более часа спустя я нашёл Эскадрон С в оливковой роще над Милои. После моего доклада Колин отправил разведку выяснить, что произошло. Во второй половине дня она вернулась с сообщением, что оба берега канала уже находятся в руках противника, однако немцам так и не удалось продвинуться дальше по дороге. Оставшуюся часть дня мы провели, скрываясь под оливковыми деревьями, пока над нами без конца кружили самолёты. Вечером, когда небо наконец опустело и затихло, Хэрри Мегрейт и я спустились к бухте у Милои посмотреть, как будут отправляться командующий экспедиционными силами и несколько старших офицеров. За ними должна была прилететь летающая лодка *Сандерленд/Sunderland*. Мы стояли на конце небольшого деревянного пирса, подбирая плоские камешки и пуская их блинчиками по воде. Генерал со своим штабом уже находился на борту белого моторного катера, который тихонько покачивался рядом. Вдруг мы услышали быстро приближавшийся гул. Все подняли головы, но самолёта нигде не было видно. Рёв двигателей становился всё громче и громче, и начинало казаться просто невероятным, что *Сандерленда* нигде нет.

Наконец мы его увидели. Он заходил со стороны открытого моря, летя всего футов в двадцати над поверхностью воды. Такой приём не оставлял *Мессершмиттам* возможности атаковать снизу. Огромный V-образный шлейф белой пены разошёлся за корпусом, когда *Сандерленд* мягко коснулся воды и затем подрулил к пирсу. Катер рванулся к нему ещё до того, как самолёт окончательно остановился. В борту открылась дверь, фигуры с красными петлицами одна за другой скрылись внутри, затем тёмный проём снова закрылся. Двигатели вновь взревели на полной мощности. *Сандерленд* сделал широкий разворот, пока его нос не оказался направленным на юг. Поднимая огромный след из бурлящих брызг и белой пены, он постепенно набрал скорость, и его массивный корпус плавно оторвался от воды. Он исчез в направлении Крита, продолжая скользить над самой поверхностью моря, словно гигантский скоростной катер. Когда внезапно поднятые им волны докатились до пирса и начали с плеском разбиваться о сваи, самолёт уже давно исчез из виду. «Через несколько часов они будут в Александрии,» — сказал я Хэрри.

Тот другой, безопасный мир... Мир огней и музыки, баров и ресторанных меню, тарелок, ковров, чистых простыней. Будущее влажно поплёскивало нам навстречу с поверхности окружавшего нас моря. От Греции оставалось уже совсем немного земли, на которой ещё можно было стоять. Ещё день — и не останется ничего, впереди будет только море, а позади — всё ближе подступающий плен. До немцев теперь было всего около тридцати миль. Что станет с тысячами британских солдат, застрявших на пляжах к северу от Коринфа? Что станет с тысячами других, находившихся в Нафплионе и Аргосе, на противоположном берегу того самого залива, по которому мы сейчас запускали свои детские камешки? Они дошли настолько далеко, насколько вообще могли. Если этой ночью за ними не придёт флот... По крайней мере, мы, находившиеся на этой стороне, могли ещё немного продолжать движение, что бы ни ожидало нас впереди.

Мы отвернулись от равнодушного моря и пошли обратно, думая о *Сандерленде*, об отеле *Cecil* (в Александрии – ВК) и о ресторане *Excelsior*. Тем временем предстояло избавиться от целого парка дорогих штабных автомобилей. Бимбо попросил шестерых добровольцев из танковых экипажей перегнать их обратно к новозеландскому арьергарду, чтобы помочь ему выбраться. Недостатка в добровольцах среди офицеров не оказалось. Он назначил

Хэрри старшим группы и приказал ему после выполнения задания направляться в небольшой порт под названием Монеувасия. Штабные автомобили следовало передать моему бывшему хозяину — полковнику Пейджу. «Передай ему, чтобы на этот раз не забыл свой фургон офицерской столовой, — сказал я. — Мне бы сейчас очень пригодилась баночка вишни в мараскине». Я был рад, что мне не предстояло идти дорогой Хэрри. Это определённо было неправильное направление. Я разыскал Монеувасию на карте - вот она, на самом южном краю, последний город Греции. Когда-то мы уже говорили то же самое о Флорине, да, Монеувасия действительно была концом дороги, но нам вовсе не хотелось, чтобы она стала концом всего. Пора было двигаться дальше.

Сытые и пресыщенные, лётчики *Люфтваффе* упустили превосходную добычу — огромный *Сандерленд* с его полной пассажиров утробой. Их ещё не изжитая привычка не летать после наступления темноты теперь давала нам не только гарантированную безопасность между закатом и рассветом, но и делала каждый день терпимым благодаря надежде на приближение ночи. Когда темнота опустилась на Пелопоннес и горы Аркадии, мы вывели свои грузовики из оливковых рощ на главную дорогу. Это был небольшой остаток 3-го Батальона КТП, уже лишившийся своих танков и своих товарищей. Была уже полночь, когда мы повернули вглубь страны. Мы ехали через тёмный мир, в котором лишь на мгновение мелькнули белые стены Триполи. Из Триполи расходились две дороги: одна извивалась дальше через горы к порту Каламата, другая уходила влево, спускаясь по долине между высокими горными хребтами, а затем следовала вдоль реки Эвротас, проходя через Спарту и дальше к морю. Спарта вместе с Марафоном и Олимпом - одно из первых греческих слов, вошедших в мой школьный словарь классической древности, — промелькнула мимо нас серой, приземистой массой.

Земля совершила ещё один оборот. Наступил ещё один день. Никто из нас не знал, что он принесёт, никто не мог быть уверен, что за ним последует ещё одна ночь. Думать дальше было слишком далеко, нужно было прожить этот день, и когда заснеженные вершины гор вспыхнули первыми лучами рассвета, мы, подобно ночным животным, поспешили укрыться под защитой листвы. Трудно сказать, что стало бы с нами, если бы долина, которую мы нашли, не славилась своим оливковым маслом. Оливковые рощи с густой тёмной листвой тянулись вдоль дороги на многие мили. Ничто другое, кроме мрачно-общительных кипарисов, не поднималось здесь выше человеческого колена. К тому времени, когда над нами появились первые самолёты-разведчики, мы уже были совершенно незаметны. По мере того, как рассвет раздвигал границы видимости, мы различили крыши и сады небольшой деревушки, уютно приютившейся между оливковыми рощами и горами. Она только начинала просыпаться. Вид маленького мальчика, выгонявшего на пастбище полдюжины коз, неожиданно вызвал у меня острую тоску по тихому, скучному, неторопливому укладу мирной жизни. Согнутая фигура старой женщины медленно спускалась к нам из деревни. Я надеялся, что мы не остановились там, где не следовало, и что она не станет просить нас уехать. В сгине руки она несла корзину. Её лицо, как и у большинства здешних женщин, было скрыто под платком. Не доходя до нас примерно пятидесяти ярдов, она остановилась и аккуратно выложила содержимое своей корзины небольшой кучкой на землю. После этого, так ни разу и не взглянув в нашу сторону, она мелкими шагами пошла обратно в деревню. Минуты через две появилась ещё одна женщина. Она была настолько похожа на первую, что отличить их можно было только по цвету юбки и платка. Потом появилась третья, потом четвёртая. Казалось, все они были изготовлены по одному образцу, различаясь лишь окраской. Одна за другой они направлялись к нашим грузовикам. Каждая по очереди останавливалась возле белой кучки, оставленной первой женщиной, выкладывала содержимое своей корзины и молча уходила обратно. Ни одна из них так и не посмотрела в нашу сторону. Мы начали подозревать, что нам всё это мерещится. Колин и я подошли поближе посмотреть, что же, чёрт возьми, происходит. Перед нами оказалась целая пирамида из яиц, масла и свежего козьего сыра. Мы быстро приготовили себе совершенно неожиданный белковый завтрак, стараясь закончить как можно скорее, чтобы дым от костра успел рассеяться. Это был удивительно трогательный жест, почти какой-то ритуальный дар, принесённый всей деревней. Наши солдаты сами, без всяких приказов,

ответили единственным подношением, которое могли сделать. Они принесли к тому же месту банки тушёнки, варенье и пачки галет. Так вырос небольшой памятник благодарности — в ответ на бескорыстный дар доброй воли от людей, которые отдавали нам — и они наверняка это понимали — свои последние съестные припасы.

Около десяти часов Бимбо вместе с переводчиком, который каким-то образом успел прочно к нам прикрепиться, отправился в район эвакуации. Мы лежали и дремали под густой тёмно-зелёной листвой, шевелясь только в короткие промежутки между пролётами самолётов. Около полудня я решил нанести визит вежливости деревенскому старосте, для компании я взял с собой своего молодого наводчика. Он был единственным, кроме меня, кто в тот момент ещё не спал. Мы прошли по единственной улице деревни, пока не подошли к довольно внушительному дому. На веранде сидел пожилой человек — седовласый, величавый, с поистине патриархальным видом. Он приветствовал нас по-английски и представился: «Ник Ксепapas, староста деревни Анойея. Добро пожаловать в нашу деревню». Он пригласил нас войти в дом. Вскоре мы познакомились со всей его семьёй — женой, дочерьми, сыновьями, сёстрами, тётями, шуринами. Все они приняли нас с какой-то величественной печалью. Появились напитки. Мы уселись в семейном кругу и разговаривали главным образом о них самих, об их маслобойне, производившей оливковое масло, и почти совсем не говорили о нас и о войне. Все были одеты в свои лучшие, праздничные одежды.

Я, правда, уже совершенно не знал, какой сегодня день недели — воскресенье, понедельник или четверг. Мы же оба, быть может, ещё немного ощущавшие себя представителями Британской империи и уж наверняка прекрасно понимавшие, что в данный момент принадлежим к стороне, терпящей поражение, чувствовали себя в своей выцветшей хаки и поношенной форме особенно непрезентабельно. Но нас не могли бы принять с большим достоинством и благородством, даже если бы мы прибыли в Анойею победителями, облачёнными в горностаевые мантии. На мгновение мои мысли вернулись к тому другому, куда более скромному дому и той другой, такой же простой семье в Македонии. Для них всё это уже произошло. Для Ника Ксепapasа и его семьи всё это было ещё впереди. Незадолго до часа дня, словно все именно этого мгновения и ждали, в комнате сама собой воцарилась полная тишина. Один из молодых людей подошёл к радиоприёмнику и включил его. «Новости из Афин,» — пояснил мне хозяин. Наступило около двадцати секунд абсолютной тишины. И вдруг вместо привычного голоса диктора, который долгие годы сопровождал людей за обеденным столом, тишину комнаты — да и всей Греции — разорвал громкий крик: «Achtung! Achtung! — Внимание! Внимание!» Послышался один общий вздох, будто сама земля тихо вздохнула, и затем из громкоговорителя посыпались резкие немецкие слова. Чтобы понять их смысл, знание немецкого языка было совершенно не нужно: «Сегодня утром, в одиннадцать часов, национал-социалистический флаг Германии был поднят над Акрополем в Афинах. Heil Hitler!» Голос победителя продолжал греметь: приказы, распоряжения, Рейх, Фюрер, Heil Hitler... В той комнате в Анойее — как, вероятно, и в каждой греческой гостиной в то утро — никто не шелохнулся, никто не произнёс ни слова. Я обвёл взглядом круг лиц, застывших, словно высеченных из прожилкового мрамора страдания. По этим неподвижным белым лицам беззвучно катились слёзы. Я не мог больше этого выдержать. Это было горе, которого ни одному британцу никогда не доводилось переживать у себя на родине. Даже самый обычный человеческий всхлип прозвучал как облегчение. Я повернулся к своему молодому наводчику. Он плакал совершенно не стесняясь. Я тихонько коснулся его плеча, и мы на цыпочках вышли из комнаты. Что бы потом ни случилось с этими людьми, подумал я, ничего уже не сможет быть страшнее того мгновения.

С того пронзительного утра я много раз мысленно возвращался к этой сцене... К кругу молчащих лиц и безмолвных слёз. К комнате, заполненной беспощадной, бескомпромиссной риторикой торжествующего зла. К тому мгновению, когда закончился один образ жизни и началась трагедия. Мне всегда хотелось узнать, что произошло потом в Анойее. Когда я сел писать эту книгу, я понял, что обязан это выяснить. Я отправил письмо по адресу: Господину Нику Ксепapasу или любому члену его семьи, Анойея, Спарта, Греция. Я рассчитывал, что письмо всё-таки попадёт хоть кому-нибудь,

хотя почти не надеялся, что оно окажется в руках самого старого патриарха. Ответ пришёл почти сразу. Я торопливо перевернул письмо на последнюю страницу, чтобы посмотреть подпись. К моей огромной радости, внизу было написано: Ник Ксепас и семья.

Вот что он написал в конце 1959 года:

Я очень счастлив получить от вас письмо спустя все эти восемнадцать лет. Когда вы покинули нашу деревню вместе со своей армией, мы молились, чтобы вы благополучно вернулись на свою родину, к своим домам.

После вашего ухода пришла германская армия и разместила свой штаб в моём доме. Они оставались здесь тринадцать дней. Уходя, они забрали 36 000 фунтов оливкового масла и заплатили за него своими деньгами (марками). Вскоре после ухода немцев пришла итальянская армия. Она забрала 42 000 фунтов оливкового масла, но не заплатила ни одного пенни. После итальянцев пришли партизаны, заняли нашу деревню и также разместили свой штаб в моём доме. Они забрали всё, что у нас было. Мы с сыном ради безопасности бежали в Афины и оставались там два месяца. Когда же я вернулся, здесь не осталось ничего, кроме стен. Всё было унесено.

Мы благодарим Господа за то, что вся семья до сих пор жива, кроме нашего самого младшего ребёнка. Моя старшая дочь и сын уехали в Соединённые Штаты. Сын два года назад окончил Католический университет Соединённых Штатов в Вашингтоне и получил диплом архитектора.

Мне очень хотелось бы узнать, как вы нашли своих родных и что стало с теми другими ребятами, которые были вместе с вами после того, как вы покинули нашу деревню. Вся семья очень хорошо помнит вас. Мы часто вспоминали вас и гадали, что с вами случилось. Мы также хорошо помним совсем молодого мальчика, который плакал, когда мы слышали сообщение по радио. Что стало с ним? Мы все были бы очень счастливы, если бы вы как можно скорее приехали к нам в гости.

Во второй половине дня к нам вернулся Мегрейт. После напряжённых ночных поисков он всё-таки передал штабные автомобили полковнику Пейджу. Мы снова устроились под оливковыми деревьями и стали ждать. Делать было совершенно нечего — только спать, смотреть в небо и удивляться тому, что немецкая авиация по-прежнему не появлялась. В шесть часов вечера со стороны побережья подъехал грузовик. Из него выскочил Бимбо и сразу же принялся выкрикивать приказы: «Немедленно готовиться к выступлению!» Нам предстояло двигаться к Монеувасии, как только воздушная обстановка позволит, и к рассвету занять позиции, прикрывающие дорогу и все возможные подходы к гавани и пляжам. Для менее чем сотни человек задача выглядела почти непосильной, но всё же это было лучше, чем лежать без дела и ждать. По словам майора, до Монеувасии было около шестидесяти миль. Чтобы немного нас «подбодрить», он добавил, что дорога там ужасная и что нам ещё повезёт, если ночью меньше половины грузовиков сорвётся в пропасть.

Затем последовали более важные сведения. Этой ночью в Монеувасии должны были сосредоточиться более четырёх тысяч солдат 6-й Новозеландской Бригады. Было крайне важно не допустить, чтобы противник обнаружил какое-либо движение или скопление транспорта, которое выдало бы намерение союзников эвакуироваться именно из Монеувасии. Начиная с полуночи всё, что осталось от Эскадрона С, переходило под командование прославленного боевого генерала, кавалера *Креста Виктории*, [Бернард Фрейберг](#) (правильно — *Фрайберг*, *Bernard Freiberg* - *БК*). Самую долгожданную новость Бимбо оставил напоследок. Если всё пойдёт благополучно, следующей ночью должен был подойти флот и снять нас с берега.

Бимбо оказался совершенно прав насчёт дороги. Горы, долины и реки сменяли друг друга так быстро и почти незаметно, что мы лишь ощущали, когда поднимаемся вверх, а когда спускаемся вниз. Ехать по прямой или по ровной дороге нам почти не пришлось. К часу ночи мы достигли скал над Монеувасией. Инстинктивно мы почувствовали пустоту, уходящую за колёсами наших машин, — там, где прежде всегда поднималась очередная

гора, теперь зияла бездонная пропасть. Мы съехали с дороги и, завернувшись в шинели, улеглись спать, надеясь вырвать у холода и неудобств хотя бы немного отдыха. Всю ночь мы ощущали невидимое движение людей и машин, слышали приглушённые команды. Утром нам предстояло занять передовую линию обороны. Когда противник двинется по дороге из Спарты, именно нам предстояло первым встретить его и задержать. Перспектива была не из приятных, но усталость оказалась сильнее тревоги. С первыми лучами солнца мы уже были на ногах. Грузовики замаскировали ветками, наломанными с кустарника, покрывавшего нижние склоны. Пулемёты сняли с машин и разместили среди скал и оврагов на наиболее удобных позициях. Без особого энтузиазма некоторые солдаты принялись рыть щели. Это была чисто пехотная работа, и никому из нас она не нравилась.

В ясном небе поднялось солнце. Появился первый самолёт — высоко летевший *Хейнкель*. Очевидно, это был разведчик, и мы гадали, что ему удастся разглядеть. Всё зависело от того, какой рапорт его пилот привезёт обратно. С высоты было невозможно поверить, что внизу, вокруг бухты, скрывается целая бригада. Не было видно ни одной машины, ни одного человека. Так продолжалось весь день. Мы лежали на животе, глядя через прицелы пулемётов вверх по узкой дороге. Потом переворачивались на спину и всматривались в пустое небо. Затем ложились набок, чтобы любоваться изгибом бухты и романтическим маленьким мысом, на котором Монеувасия возвышалась, словно драгоценная корона: купола и шпили её церкви сияли в солнечных лучах. На противоположном берегу бухты, у другого мыса, большой греческий каик сидел на камнях примерно в ста ярдах от берега. Каждые несколько часов какая-нибудь случайная пара немецких самолётов замечала его, принимала за исправное судно и бросалась в атаку. Надёжно зажатый между скалами каик упрямо выдерживал все попытки уничтожить его. К нашему большому удовольствию, когда с наступлением сумерек самолёты поспешили домой, он всё ещё оставался на своём месте. Лишь однажды, ближе к вечеру, из-за мыса показалось странное судно, напоминавшее плоскодонную речную канонерскую лодку. Мы затаили дыхание. *Штуки* мгновенно обнаружили его и начали пикировать, поднимая вокруг судна огромные каскады водяных фонтанов, но корабль вышел из-под удара целым — приземистый, упрямый, с яростно стреляющими из всех своих орудий. Это был последний налёт того дня.

Вернувшись с совещания, Бимбо сообщил подробности предстоящей эвакуации. Войска должны были построиться в колонны по два человека и организованно спуститься к пляжу. Там их ожидали несколько десантных барж и несколько рыбацких лодок с греческими рыбаками, которым предстояло переправить людей на пять эсминцев и один крейсер, назначенных прибыть в бухту около полуночи. Кроме того, для помощи гребным лодкам был выделен ещё один греческий каик. Посадка на корабли должна была начаться в 01.30, а в 03.30 корабли обязаны были выйти в море. Никаких обсуждений или отсрочек не предусматривалось: в 03.30 корабли уходят — при любых обстоятельствах и независимо ни от чего.

Хэрри и Колин получили назначение проводниками к местам посадки и отправились заранее разведать наиболее удобный путь, по которому к пляжам должна была выйти 6-я Новозеландская Бригада. Второму лейтенанту Криспу и его взводу была поручена роль арьергарда. Большое спасибо: мне досталось ещё одно задание. Как только стемнело, мы перегнали весь транспорт эскадрона к краю обрыва и один за другим столкнули грузовики вниз. Это прекрасно помогло избавиться от накопившегося раздражения. Я только надеялся, что внизу никого не оказалось. Потом мы вернулись к своим одиноким пулемётным позициям. Думаю, мысли каждого были заняты одним и тем же: насколько быстро мы сумеем добежать от своего арьергардного рубежа до пляжа, если возникнет чрезвычайная ситуация. О чём нам совсем не хотелось думать — так это о возможности, что посадка затянется, а флот уйдёт, оставив арьергард на берегу. Мы должны были оставаться на своих позициях до тех пор, пока Бимбо не пришлёт за нами. Однако я твёрдо решил, что человеческая память небезгрешна, и если к трём часам ночи от него не будет никаких известий, мы сами отправимся к пляжу. Это были самые долгие несколько часов в моей жизни.

Напряжение среди людей росло так, что его, казалось, можно было потрогать рукой. Шум массового движения позади нас становился всё тише и тише. Темнота, тишина и страх сомкнулись вокруг нас, словно полуночный склеп. Жёлтые стрелки моих часов будто застыли, но всё же они добрались до часа ночи... Потом прошла ещё половина ночи — два часа... А затем наступил этот бесконечный, невыносимый час. «Может, уже пойдём, сэр?» — прозвучал из темноты настойчивый, почти умоляющий голос, в котором слышались слёзы. — Без десяти три». Господи, как же мне хотелось ответить: да. Вместо этого я сказал: «Времени ещё достаточно. Подождём ещё минут пять», хотя сам уже не был уверен, что действительно намерен ждать. И вдруг — благословенное облегчение. Из темноты спокойно и дружелюбно донёсся голос Мегрейта: «Это ты, Боб? Всё в порядке. Можете спускаться». Мы бросились вниз по крутому склону — наполовину бегом, наполовину скатываясь. Хэрри и я изо всех сил старались не поддаваться панике. Когда наши сапоги захрустели по песку, мы остановили начавшееся было состязание — кто первым успеет к двум последним лодкам.

Люди вдруг поняли, что сейчас выставят себя дураками. Они быстро построились в две аккуратные колонны и спокойно начали садиться в лодки. Мы помогли им разместиться и уже собирались оттолкнуть лодки от берега, когда Хэрри вдруг сказал: «А это что?» У самой кромки прибоя лежал небольшой чёрный саквояж. «Берите его! — крикнул я. — Разберёмся потом». Грек, сидевший на носу у вёсел, отчаянно размахивал руками, подгоняя нас. Мы поспешно вскочили в лодку. Он налёг на вёсла с такой яростью, что они гнулись под его могучими гребками. Посмотрев поверх его головы, мы сразу поняли причину. Он грёб к тёмному силуэту, едва различимому среди воды. Через несколько секунд силуэт обрёл очертания каика. «Чёрт возьми! — закричал кто-то. — Он уже движется!» Так и было - каик уже снимался с места. Мы все заорали что было сил. С борта донёсся ответ: «Всё в порядке! Мы вас видим! Скорее!» Крепкий грек грёб из последних сил. Он оскалил зубы, глаза буквально вылезали из орбит, а вёсла изгибались, рассекая воду. Через минуту мы уже были у борта, и по свисавшей верёвочной сетке мы полезли наверх. Рыбак одновременно смеялся и плакал. Мне хотелось его расцеловать. Мы крепко пожали ему руку, похлопали по спине и начали карабкаться наверх, пока нос судна уже разворачивался.

Хэрри по-прежнему крепко прижимал к себе маленький чёрный саквояж. Чьи-то сильные руки помогли нам перебраться через борт. Кто-то крикнул: «Есть только стоячие места!» Плотная, беспокойная человеческая масса ещё сильнее сжалась, освобождая место для нашей дюжины. Я сказал Хэрри, которого буквально прижимали ко мне со всех сторон: «Ради всего святого... Неужели нас повезут на Крит вот так?» Стоявший рядом новозеландец усмехнулся: «Нет. На этой старой посудине нас только доставят к одному из эсминцев».

Я взглянул на часы - до назначенного времени отхода оставалось пять минут, но теперь мы уже не сомневались, что флот дожждётся нас. И всё же мы испытали огромное облегчение, когда из темноты моря наконец возник стремительный силуэт эсминца. Каик подошёл к его борту и пришвартовался. Люди потоком хлынули наверх, где их с поразительной чёткостью и организованностью быстро распределяли по различным местам корабля. Всё, что мне оставалось сделать, — это шагнуть на стальную палубу. Откуда-то раздался голос: «Офицеры — сюда!» Каким-то образом мы оказались внизу, в кают-компании. Казалось невероятным, что столь стройный корабль смог поглотить весь этот бурый поток людей, который непрерывно вливался на его палубы. Однако уже через десять минут мы почувствовали глубокую дрожь работающих внизу машин и нарастающую вибрацию огромной мощности, когда винты прочно ухватились за воду. Кают-компания постепенно заполнялась до самого потолка непривычным для неё морем цвета хаки и экзотическими армейскими выражениями, по мере того как всё новые офицеры находили сюда дорогу. Ни Бимбо, ни кого-либо ещё из нашего эскадрона видно не было, только Хэрри и я, зажатые между столом и бортом корабля. Мы ощущали, как эсминец на полном ходу с силой раздвигает перед собой воду. Каким-то чудом из камбуза стали передавать кружки с горячим какао. Этот неожиданный жест гостеприимства словно принёс тепло в совершенно новый, незнакомый нам мир.

Из общего гула разговоров удалось выудить два важных факта. Во-первых, мы находились на эсминце *Hotspur*, совсем недавно прославившемся своими действиями в северных морях. Во-вторых, корабль шёл в бухту Суда, и прибыть туда необходимо было до рассвета, чтобы избежать ударов *Люфтваффе*. До рассвета оставалось меньше трёх часов. Мы не знали ни расстояния, ни скорости корабля, поэтому никак не могли оценить, успеем ли вовремя, да и не особенно хотели - пусть об этом думает флот. Главным — единственным по-настоящему важным — было то, что мы выбрались из Греции. Завтра будет Крит, пока этого было вполне достаточно. Всё произошло настолько стремительно, что мы ещё не успели осознать, насколько нам повезло... У Рафины пришлось оставить на берегу восемьсот человек. У Нафплиона немцы взяли в плен около тысячи семисот военнослужащих, среди которых оказалась большая часть личного состава 3-го КТП. В соседней Каламате после ожесточённого боя вокруг гавани на берегу осталось около семи тысяч человек. Да... Нам действительно невероятно повезло. Постепенно разговоры и обмен новостями иссякли, кают-компания погрузилась в тишину. Теперь можно было различить все звуки бешеного хода корабля. Люди были усталыми и испытывали сильнейший дискомфорт, но вместе с тем они были спокойны. Это было спокойствие, рождавшееся из уверенности в корабле, в людях, которые им управляли, и в многовековой традиции британского господства на море. Я подумал, что немецкие лётчики, наверное, испытывают нечто подобное, когда смотрят на небо над Европой. Они уступали своё превосходство лишь ночи. А в Средиземном море, слава Богу, ночь принадлежала Королевскому флоту.

«Давай посмотрим, что в этой сумке,» — сказал я Хэрри. Она лежала на столе почти забытая. Хэрри щёлкнул замком. Если бы вокруг было хоть немного свободного места, мы оба наверняка отшатнулись бы от неожиданности: саквояж был до отказа набит аккуратными пачками стодрахмовых банкнот.

— Господи помилуй! — воскликнул кто-то у меня за плечом. — Где вы это взяли?

— Нашёл на пляже в Монеувасии, — ответил Хэрри. — Понятия не имел, что там внутри.

— Фунтов на пять тысяч, наверное.

— Да больше. Все десять, не меньше.

— Наверное, это деньги с того греческого эсминца, который погиб немного севернее. Говорили, что он перевозил крупную сумму.

— Точно. Ходили слухи, что несколько ребят забрались на него и вскрыли сейф.

Хэрри тихо спросил меня:

— Боб, что нам теперь делать со всем этим?

Я уже всё решил.

— Не знаю, что собираешься делать ты, а я намерен взять отсюда стоимость нового мундира, чтобы наконец выглядеть не хуже всей этой каирской братии в габардине. По моему, мне кто-то давно должен.

— Хорошая мысль, — согласился Хэрри. — А потом?

— Потом полностью отказаться от всякой ответственности. Просто оставить сумку на столе и уйти.

Мы вскрыли одну из пачек и тщательно отсчитали каждому по восемнадцать банкнот. Почему именно на восемнадцать фунтов — понятия не имею, но именно столько мы и взяли. После этого осторожно отступили от стола и, извиваясь между людьми, перебрались в другой конец кают-компания. Переполох продолжался около получаса, потом всё постепенно улеглось, возбуждение сменилось усталостью.

Мы дремали стоя — сплошная масса мундиров, фуражек и небритых лиц, покачивавшаяся в такт мягкой качке корабля, идущего по совершенно спокойному морю. Около шести часов утра мы почувствовали, что машины начали работать менее

напряжённо. Через полчаса открыли иллюминаторы, и перед нами вновь появился мир. Первым, что возникло в круглом проёме, был эсминец *Havock* — боевой товарищ эсминца *Hotspur*, вместе с которым он прошёл не одну ожесточённую схватку. За ним сквозь утреннюю дымку поднимались массивные утёсы и вершины Крит, встречая рассвет. Корабль накренился, входя в бухту. По мере того, как мощная вибрация машин сменялась едва слышным гулом, картина за иллюминатором медленно менялась. Перед нашими глазами проплывали военные корабли, транспорты, подводные лодки, рыбацкие суда и катера, а за ними возвышались склоны острова. Недалеко от берега наполовину ушёл под воду большой крейсер — волны лениво перекатывались через его палубы. Над повреждённым торговым судном всё ещё поднимался дым, словно мрачный ореол, нависший над островом. Эсминец содрогнулся — винты дали задний ход. Вид из иллюминатора сразу же заслонил серый борт другого судна. Мы мягко ткнулись в него.

«Всем наверх!» — Команда эхом прокатилась по кораблю. Из кают-компаний и других тесных закоулков корабельного чрева люди потоком устремились наверх. Щурясь от яркого света, их сразу направляли по двум трапам, ведущим на большой пароход, стоявший рядом. «Совсем как скот,» — подумал я. Нас перегоняли с места на место. Мы не знали ни зачем, ни куда, но, в отличие от скота, нам хотелось знать. Наверное, именно в этом и заключалась разница. Мы стремились понять происходящее, используя воображение, чтобы представить будущее уже сейчас. Без способности предвидеть человек превращается в скот, и в тот момент мы действительно были похожи на стадо. Чем выше ступень развития живых существ, тем быстрее распространяются новости. Вскоре мы уже знали, что находимся на транспорте *Cumblebank*, который немедленно отправляется в Порт-Саид. Мы также узнали, что искалеченный крейсер у берега — это тот самый *York*, который совсем недавно так мужественно сопровождал нас в Грецию.

Cumblebank вовсе не был рассчитан на перевозку пассажиров. Кроме помещений экипажа, жилых помещений на нём практически не существовало. На борту уже находилось множество военнослужащих. Когда *Hotspur* выгрузил свой человеческий груз, каждый клочок пространства, где можно было хотя бы лечь, оказался занят. Хэрри и я около часа разыскивали людей из Эскадрона С. Нам удалось собрать тридцать три человека. Когда мы вернулись на шлюпочную палубу, отведённую для офицеров, приходилось пробираться между вытянутыми ногами так осторожно, словно кошка идёт по мокрой земле. Я поднялся на мостик и спросил, нельзя ли занять небольшой уголок штурманской площадки, чтобы хотя бы немного посидеть. Старший помощник повернулся ко мне и сказал: «Скорее всего, я сам пробуду на мостике до самого Порт-Саида. Воспользуйтесь моей каютой». Для меня это прозвучало так, словно мне предложили главный приз — роскошный круиз по Средиземному морю. Мы с Хэрри проспали почти весь переход.

Больше рассказывать, собственно, нечего. В Порт-Саиде я спустился по трапу. Привлекательная новозеландская сотрудница службы помощи военнослужащим вручила мне пару плиток шоколада, тюбик зубной пасты и принадлежности для бритья. Мы мельком взглянули друг на друга, а потом одновременно бросились обниматься, не столько от радости, сколько от невероятного удивления. Это была Беа Чепмен, жена бывшего капитана английской сборной по крикету, у которого я всего год назад обедал в их доме среди лесов графства Суррей. В награду я получил ещё одну плитку шоколада и свежий номер *The Egyptian Gazette*. С удивлением я обнаружил дату. Было 1 мая, хотя я готов был поклясться, что сегодня только 30 апреля.

Эпилог

В конце мая на досках объявлений всех финансовых служб британской армии в Египте появилось следующее распоряжение: «Начиная с 1 июня 1941 года обмен греческих денежных знаков достоинством 100 драхм и выше на египетскую валюту прекращается ввиду большого количества фальшивых банкнот, находящихся в обращении».

Robert Crisp. Gods Were Neutral: Story of the Greek Campaign, 1941. 1960

Перевод – ИИ, редакция – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warstory.org